ISSN 2307-5775

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

2016 № 1

ЭРЗЯ И МОКША
ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

МИНИАТЮРЫ ЛИЦЕВОГО
ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

ВЕРХОМЯНСКИЙ СТАН
АЛАТЫРСКОГО УЕЗДА

ЦАРСКИЙ УКАЗ 1685 ГОДА

ЛАНДШАФТ ДЕЛЬТОВЫХ
ГОРОДОВ

http://helenimpressions.blogspot.ru/2013/07/blog-post_2.html

Башня Братского острога.
Памятник оборонного зодчества XVII в.

На первой и четвертой сторонах обложки —
репродукция картины А. Васнецова
«Московский кремль при Иване III». 1921 г.

Выходит при поддержке Регионального отделения Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Республике Мордовия

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU и проект РИНЦ (сублицензионный договор № 156-03/2013 от 27 марта 2013 г.)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-54370 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 29 мая 2013 г.

Научно-публицистический журнал
Института российской истории
Российской академии наук
и Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
«Центр и периферия»
№ 1, 2016

Редколлегия:
главный редактор —
В. А. Юрчёнков, доктор исторических наук, профессор
заместитель главного редактора —
Г. А. Куршева, доктор исторических наук, профессор
ответственный секретарь —
Т. И. Кильдюшкина, кандидат исторических наук

Е. Н. Бикейкин, кандидат философских наук, доцент (Саранск)
В. С. Григорьев, доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)
Т. М. Гусева, доктор исторических наук (Саранск)
И. Л. Жеребцов, доктор исторических наук (Сыктывкар)
А. Е. Загребин, доктор исторических наук, профессор (Ижевск)
И. В. Зубов, кандидат философских наук, доцент (Саранск)
А. Г. Иванов, доктор исторических наук, профессор (Йошкар-Ола)
П. С. Кабытов, доктор исторических наук, профессор (Самара)
А. Н. Келина, кандидат филологических наук, доцент (Саранск)
И. Г. Кильдюшкина, кандидат исторических наук, доцент (Саранск)
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза)
А. А. Кузнецов, доктор исторических наук, доцент (Нижний Новгород)
В. А. Ломшин, кандидат исторических наук, доцент (Саранск)
Л. И. Никонова, доктор исторических наук, профессор (Саранск)
А. Н. Сахаров, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Москва)
А. С. Сенявский, доктор исторических наук, профессор (Москва)
И. Р. Тагиров, доктор исторических наук, профессор,
академик АН РТ (Казань)
А. В. Чернов, кандидат филологических наук, доцент (Саранск)
И. А. Чуканов, доктор исторических наук, профессор (Ульяновск)
Н. Г. Юрчёнкова, доктор философских наук, профессор (Саранск)

Издатель: НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия.

Адрес редакции: НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3

Подписано в печать 10.03.2016 г.
Тираж 300 экз. Заказ №

Журнал отпечатан с готового оригинал-макета
в ГУП РМ «Республиканская типография
„Красный Октябрь“». 430030 Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Титова, 2а

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, помещенных в журнале
«Центр и периферия», допускается только
по согласованию с редакцией

НАШЕ ПРОШЛОЕ

В. В. Ставицкий
Эрзя и мокша по данным археологии 4

В. А. Юрчёнков
История мордовского края начала XIII в. на миниатюрах Лицевого летописного свода 12

А. А. Кузнецов, А. В. Морохин
Нижний Новгород в Смуту как связующее звено XVI и XVII столетий в России 26

С. В. Видяйкин
Под Беличьим лесом
Опыт построения пространственной модели Верхомянского стана Алатырского уезда в 1620-е гг. 35

АРХИВ

Д. В. Фролов
Царский указ 1685 г. о судебном разбирательстве между саранскими помещиками 43

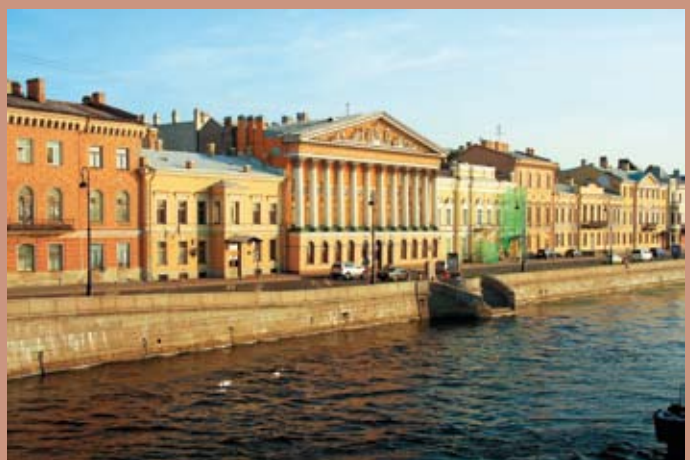
С. В. Белоусов, А. В. Борисов, Е. М. Букреева, В. А. Юрчёнков
Научная миссия французского ученого барона де Бая в Пензенскую губернию в 1897 году 58

В. П. Тотфалушин
«О, спорт! Ты — мир!» 66

ИЗМЕНЯЯ ИМПЕРСКИЕ ЛАНДШАФТЫ

В. Б. Махаев
Культурный ландшафт дельтовых городов 72

С. Д. Трибушинина, М. М. Торопова
К некоторым вопросам публикации И. Ф. Эрзяйкина «Краткая история эрзя народа» 86



РЕКОНСТРУКЦИЯ

В. А. Каланов, П. С. Учватов
Российское военно-историческое общество в Мордовии: новые рубежи — 91

В. Б. Махаев
Проект реконструкции Саранской крепости — 95

А. Г. Нечаев
К вопросу о реконструкции деревянной крепости в Саранске — 97

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ МИР

И. И. Потапкин
Тёпловская Ново-Серафимовская пустынь Саранского уезда — 100

С. В. Пивкина
Столпы служения — 108

POST SCRIPTUM

С. Д. Давыдов, Е. Н. Кемаев, А. С. Пронин
Археологические разведки в Мордовии в 2013 — 2015 гг. — 114

Г. А. Куршева
Опиум для народа?
Рец. на кн.: Козлов Ф. Н. Православие в чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х — 1920-е гг. — 122

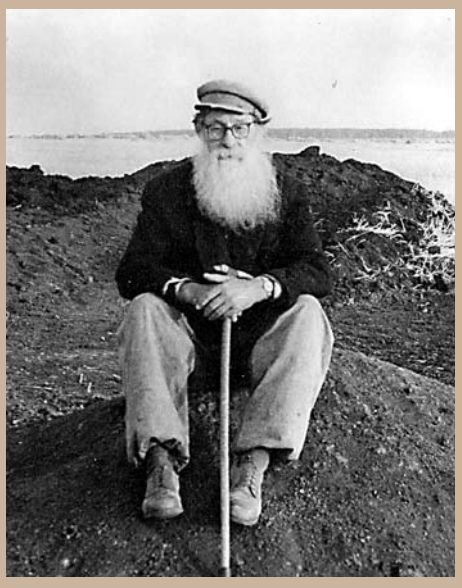
Сведения об авторах, ключевые слова и аннотации к статьям — 69

Владимир Вячеславович Ставицкий

ЭРЗЯ И МОКША ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Проблема формирования эрзи и мокши по данным археологии впервые была поставлена и аргументированно проработана П. Д. Степановым. Согласно его концепции, первоначально имело место разобщенное существование мордовских племен между Сурой и Окой. Затем они консолидировались на территории Рязанского Поочья, где произошло складывание общемордовского языка. После чего часть населения, давшая начало мокшанскому этносу, ушла на Цну и Мокшу. Мордва-эрзя до VII в. проживала на прежнем месте, а затем переселилась на Нижнюю Оку, где попала в русские летописи под ошибочным названием муромы[1].

П. Д. Степанов



После того, как М. Р. Полесских были исследованы ранние могильники мордвы в верховьях Суры и Мокши[2], П. Д. Степанов несколько скорректировал свою точку зрения. К наиболее ранним памятникам мордвы-мокши были отнесены Селиксенский, Ражкинский и Тезиковский могильники, а рязано-окские могильники им были признаны полностью эрзянскими. Как и ранее, к эрзе были отнесены также памятники летописной муромы, которые он считал промежуточным (недостающим) звеном между рязано-окскими и эрзянскими могильниками XIII — XIV вв.[3]

В 1964 г. на научной сессии по этногенезу мордовского народа концепция П. Д. Степанова в целом была поддержана М. Р. Полесских. В своем выступлении он обосновал положение, что мордва-мокша сформировалась в первые века нашей эры, с того времени, как на территории Верхнего Посурья и Примокшанья появились древнемордовские могильники. Отличительной чертой мокши, по его мнению, являлось использование височной подвески с бипирамидальным или коническим грузиком и спиралью, которая отсутствовала у населения Кошибеевского могильника. Соответственно носители кошибеевских древностей и рязано-окских могильников были отнесены им к мордве-эрзе[4].

М. Р. Полесских

Данное утверждение было подвергнуто критике со стороны одного из ведущих на тот момент исследователей мордовских древностей А. Е. Алиховой, которая оспорила исключительную принадлежность этого украшения только мордве-мокше, отметив его общемордовский характер. По ее мнению, начало этнической дифференциации мордвы было положено не ранее VII — VIII вв., когда появляются мордовские могильники с северной ориентировкой, ставшей позднее стойким этническим признаком мордвы-эрзи. А полное разделение на мокшу и эрзю произошло не ранее начала II тыс.[5] Подобное разделение было обусловлено тем, что к тому времени на фоне развития раннеклассовых отношений у мордвы

Височные подвески с грузиком

формировались союзы племен, среди которых наиболее сильными и жизнеспособными оказались объединения мокши и эрзи[6].

Когда на р. Теше были открыты мордовские могильники синхронные рязано-окским, точка зрения П. Д. Степанова об эрзянской принадлежности муромских памятников была поставлена под сомнение практически всеми исследователями, занимавшимися изучением мордвы. Как оказалось, население могильников бассейна Теши широко использовало височные подвески с грузиком, что практически лишило аргументации гипотезу М. Р. Полесских о принадлежности пензенских могильников только мордве-мокше[7].

Впоследствии М. Р. Полесских, занимаясь подготовкой рецензии на книгу М. Ф. Жиганова «Память веков», внес существенное уточнение в свою точку зрения, заметив, что носители могильников селиксенского типа относятся им к протомокше, а кошибеевского к протоэрзе[8]. Следует отметить, что М. Ф. Жиганов в этой монографии неоднократно подчеркивал, что материальная культура мордвы на протяжении I тыс. оставалось единой. Однако преобладание в ряде нижегородских могильников (Волчихинском, Старшем Кужендеевском, Перемчалкинском, Погибловском) северной ориентировки все же позволило ему сделать вывод об их эрзянской принадлежности уже с VI в.[9] К древнейшим памятникам мордвы-мокши он отнес Армиевский могильник, где преобладала южная ориентировка умерших[10].

Значительным вкладом в изучение проблемы дифференциации мордвы стала монография В. В. Гришакова, посвященная анализу керамики финно-угорских памятников I тыс. правобережья Волги, в которой были выделены керамические очаги, соответствующие определенным группам раннесредневекового населения. Ценность данной работы заключалась в том, что керамика в эту эпоху не являлась предметом ремесленного производства и торгового обмена. Следовательно, ее особенности характеризовали культуру автохтонного населения, а появление инородных форм посуды отражало этнокультурные контакты. На раннем этапе развития присурский очаг керамических традиций был соотнесен В. В. Гришаковым с прамокшанскими племенами, поволжско-тешский — с праэрзянскими, а население рязано-окских

М. Ф. Жиганов

Вещи из муромского погребения

могильников, по его мнению, в дальнейшем растворилось в близкородственной среде как тешской, так и присурской мордвы. К началу V в. им было отнесено начало формирования культуры древнемокшанских племен[11].

В обобщающей работе по средневековой археологии мордвы В. И. Вихляев и И. М. Петербургский пришли к заключению, что складывание базовых элементов культуры эрзи и мокши завершилось на протяжении VI — VII вв. Соответственно с VIII в. данные памятники уже рассматривались ими раздельно[12]. Впоследствии точка зрения на эту проблему В. И. Вихляевым была скорректирована. Он сделал вывод, что складывание эрзянской и мокшанской

Мордовский женский головной убор. Реконструкция М. Р. Полесских

культуры проходило параллельно с формированием общемордовских традиций. К VII в. полностью сложилась только мордовская культура, которая просуществовала до начала II тыс., когда и завершилось формирование мокшанского и эрзянского субэтносов[13].

Следует отметить, что, несмотря на возросшую со времен П. Д. Степанова и А. Е. Алиховой источниковую базу, главным аргументом в вопросе о дифференциации мордвы у археологов выступает отличие в ориентировке погребенных. Поскольку по всем остальным параметрам материальная культура мордвы, за исключением редких второстепенных различий, сохраняет свое единство вплоть до монгольского нашествия. Причем подобное единство основано на согласованном изменении разных категорий материальной культуры. На всем протяжении I тыс. у мордвы как северной, так и южной группы памятников наблюдаются практически одновременные изменения в эволюции различных форм украшений. Особенно наглядно это видно на примере головного убора, который во все времена служил одним из главных индикаторов этнической принадлежности. Подобное синхронное изменение различных элементов культуры предполагает наличие регулярных контактов между отдельными группами ее носителей, которые не возможны в условиях даже относительной изоляции, выступающей главным фактором этнической дифференциации.

По меньшей мере, до середины VIII в. нет никаких оснований вести речь о раздельной консолидации мокшанских и эрзянских племен, даже с учетом различий в погребальных традициях. Поскольку до этого времени погребальная обрядность северных и южных могильников весьма далека от унификации. В частности, южная ориентировка, характерная в последующий период для мордвы-мокши, до того времени известна только в Армиевском и Младшем Селиксенском могильниках. На других памятниках южной (среднецнинской) группы до середины VIII в. преобладает северная ориентировка[14], а на памятниках бассейна Вада получает распространение западная[15]. В северной группе памятников, на р. Теше погребения с северной ориентировкой в данный период исследованы на Старшем Кужендеевском и Погибловском могильниках, а на остальных памятниках (Личадеево 5, Стексово 2, Выползово 2) умерших хоронили головой на запад[16]. Следовательно, даже по такому показателю, как ориентировка погребенных, в то время преобладают узколокальные традиции. Если же учесть другие признаки погребального обряда (глубину и размеры могильной ямы, использование огня при захоронении, расположение вещей в могиле и т. д.), то окажется, что объем местных особенностей на каждом памятнике довольно значителен. В связи с чем нам представляется справедливым утверждение Н. Ф. Мокшина о том, что мордовские племена в эту эпоху представляли собой не столько единство, сколько сходство, близость[17].

Кроме того, VII в. стал временем интенсивной перегруппировки территориальных групп мордовского и родственного мордве населения рязано-окских могильников. Значительная часть верхнесурского населения перемещается в то время на р. Цну и Верхнюю Мокшу, куда, видимо, смещаются и отдельные группы рязано-окских племен, часть которых проникает и в бассейн Теши, что уверенно фиксируется В. В. Гришаковым по распространению соответствующих керамических традиций[18]. В это же время О. В. Зеленцова отмечает приток на р. Цну мордовского населения из бассейна Теши[19]. Причем все самые ранние погребения среднецнинских могильников имеют северную ориентировку, и только потом в результате притока присурского населения, здесь начинает преобладать южная ориентировка, но вместе с тем появляются захоронения, направленные головой на северо-восток[20].

Столь радикальные изменения в ориентировке умерших, произошедшие в течение полувека, никак нельзя объяснить ассимиляцией североморовского населения южномордовским. Вряд ли переселенцы с Верхней Суры обладали для этого необходимым людским ресурсом, поскольку мордовских погребений VII — VIII вв. здесь известно сравнительно мало,

несмотря на очень хорошую изученность данного региона. К тому же присурские племена мигрировали на Цну не в результате демографического перенаселения, а под давлением кочевников. Их продвижение скорее походило на бегство, чем на организованную миграцию. Кроме того, как свидетельствуют материалы Армиевского курганно-грунтового могильника, далеко не вся мордва покинула территорию Посурья[21].

Необходимо признать, что население бассейна Теши обладало более обширными ресурсами для миграции на Цну и Мокшу. Если на Верхней Суре в VII в. известен только один Младший Селиксенский могильник, куда, по мнению М. Р. Полесских, сдвинулось армиевское население, то на Теше изучено пять таких памятников: Кужендеево, Погиблово, Абрамово, Заречное 2, Красное 3. В Потешье в это время смещается и часть рязано-окского населения, что привело к осложнению демографической ситуации. О том, что местное население приходит в движение свидетельствуют факт прекращения в VII — VIII вв. захоронений практически на всех известных могильниках и появление новых некрополей. Судя по всему, удельный вес потешского населения, принявшего участие в освоении земель Цнинско-Мокшанского междуречья, был весьма существенным. Тогда как присурские этнокультурные традиции в процессе формирования среднецнинской мордвы в большей степени сыграли роль передаточного импульса, который изменил взгляды местного населения на погребальную практику. Быстрота смены традиций свидетельствует, что в ту эпоху ориентировка умерших, видимо, не входила в число незыблемых этнических стереотипов. Локальный характер указанного признака подтверждается разнообразием ориентировок на ряде мордовских могильников VIII — IX вв.: Пановском, Елизавет-Михайловском, Погибловском, Степановском и др.[22] Основой подобного разнообразия могло быть языческое многобожие, предполагавшее поливариативность погребального обряда.

Накосник из Армиевского могильника

В результате описанных миграций к началу VIII в., по мнению В. В. Гришакова, происходит нивелировка керамических традиций в поволжско-тешском и цнинско-мокшанском керамических очагах[23], что свидетельствует об усилении на данном историческом отрезке процессов **общемордовской консолидации**. Именно в это время происходит территориальное смыкание северных и южных групп мордвы, которые теперь проживают чересполосно в бассейне среднего течения Цны и Мокши[24]. Еще никогда в своей истории они не были так близки друг к другу. Каких-либо аргументов, которые могли бы свидетельствовать о параллельной дифференциации, кроме различий в ориентировке, которая до X в. на разных могильниках остается неустойчивой, сторонники данной точки зрения не приводят.

Аланская серьга

Дифференциации мордовского этноса в принципе должны были способствовать события VIII в., в результате которых среднецнинская мордва оказалась в сфере аланского (хазарского) влияния[25]. Однако аланские вещи, хотя и в меньшем количестве, но все же попадают на территорию северной группы памятников. Здесь, как и на Цне получает распространение обряд скорченного погребения женщин, примерно в той же степени практикуются трупосожжения, что свидетельствуют в пользу сохранения единства этнической общности.

По мнению этнографов, одним из обязательных признаков этноса является наличие устоявшегося этнонима, посредством которого его представители реализуют идею своего единства. Между тем массовое заселение долины р. Мокши имело место не ранее VIII в. Определенное время, соразмерное с жизнью двух-трех поколений, необходимо было для переноса названия реки на проживающих в ее окрестностях жителей. О том, что в середине X в. южномордовские племена еще не назывались мокшей, косвенно свидетельствует упоминание византийского императора о стране Мордии, до которой по его описанию расстояние от

В. Н. Шитов

печенегов составляло 10 дней пути и в которую росы попадали, двигаясь от реки Днепр[26].

Разумеется, нельзя ставить знак равенства между изменениями, происходящими в материальной культуре, с процессами, которые в это время имели место в развитии языка. Однако, согласно исследованиям лингвистов, дифференциация языка мокши и эрзи на порядок меньше отличий между мордовским и марийским языками, которые ранее входили в единую общность. Следовательно, марийский язык должен был выделиться из этой общности намного раньше, чем произошла дифференциация мордовского языка. По археологическим данным, проанализированным Т. Б. Никитиной, выделение наиболее ранних марийских памятников относится ко времени не ранее середины I тыс. н. э.[27], следовательно, разделение мордовского языка вряд ли могло произойти раньше начала II тыс.

Степень различия между мокшанским и эрзянским языком, на наш взгляд, сопоставима с отличиями между русским, украинским и белорусским языками, главной причиной дифференциации которых, как известно, явились политические события, связанные с расширением границ Великого княжества Литовского. Видимо, подобную роль для мордовского этноса сыграло монгольское завоевание.

В свое время В. Н. Шитов высказал мнение, что разделение мордвы было связано с обострением в XI в. внешнеполитической обстановки, когда из-за усиления внешней опасности происходит складывание крупных военных союзов и раннегосударственных объединений. В конечном счете это привело к завершению формирования мордвы-мокши и мордвы-эрзи, которые с XIII в. попадают на страницы восточных и западноевропейских источников[28]. На наш взгляд, отправной точкой данного процесса стало именно появление раннегосударственных формирований, поскольку межплеменные союзы у мордвы отмечались и в более раннюю эпоху. Однако, по наблюдениям этнографов, объединения подобного рода не были устойчивыми, поэтому они не могли обеспечить должного уровня интеграции входивших в них племен.

Катализатором подобных процессов, видимо, стало противоборство русских княжеств с государством Волжская Болгария, в которое оказались втянуты мордовские племена, о чем имеются прямые свидетельства в письменных источниках[29]. В частности, результатом влияния со стороны вятичей на мордву Примокшанья Е. В. Кручинкина объясняет появление в головном уборе местного населения перстневидных колец с завитком, первые находки которых фиксируются в погребениях второй половины XI в.[30] Однако первоначально височные кольца встречаются только в мужских погребениях, погребальный инвентарь которых во все эпохи носил более «интернациональный» характер. Подобные кольца являлись одним из общих элемен-

Женские украшения, в том числе накосник-пулокерь

тов восточноевропейской моды и особенно широко были распространены у западных славян[31]. Женская консервативная субкультура, в которой были сильны этнические стереотипы, приняла эти украшения не сразу.

К заключению о том, что явственные племенные различия в культуре мокши и эрзи начинают прослеживаться с XII в. в свое время пришла А. Е. Алихова. К отличительным признакам мордвы-мокши она отнесла накосники-пулокери[32]. Однако этот вывод был сделан, когда эрзянские могильники были изучены еще очень слабо. Впоследствии подобные украшения были выявлены в ряде эрзянских могильников бассейна р. Теши В. Н. Мартьяновым[33]. Причем в могильниках обеих групп эволюция пулокерей протекала в одном и том же направлении[34].

К усилению дифференциации, вероятно, привело монгольское нашествие, в результате которого мордовское население Примокшанья попало под непосредственное управление ордынской администрации[35], тогда как северные группы мордвы,

Височные кольца с завитком

по всей видимости, сохранили относительную самостоятельность. Прямых свидетельств последнему факту нет, однако известно, что мордва неоднократно принимала участие в походах ордынских войск[36]. Скорее всего, это были группы, находившиеся не в прямой, а в вассальной зависимости от Улуса Джучи, поскольку в землях, непосредственно подконтрольных ордынцам, происходила демилитаризация автохтонного населения. Об этом свидетельствует почти полное отсутствие боевого и резкое сокращение охотничьего вооружения в погребениях мордовских могильников второй половины XIII — XIV вв.[37] Видимо, именно эти полузависимые группы мордовского населения, сохранившие военную организацию, впоследствии сменили проордынскую ориентацию и выступили на стороне русских княжеств.

Показателем усилившейся дифференциации в золотоордынское время выступают изменения в женском головном уборе. К тому времени выходят из употребления височные подвески с грузиком, бывшие своеобразным символом общемордовского единства на протяжении целого тысячелетия. Им на смену приходят височные кольца. При этом на могильниках с южной ориентировкой получают распространение перстневидные височные кольца с завитком, которые, по мнению Е. В. Кручинкиной, с середины XIII в. становятся этноопределяющим украшением мордвы-мокши[38]. Однако наряду с отличиями в головном уборе присутствуют и общие элементы, к которым, например, относятся височные кольца с тупым концом.

В историко-этнографической литературе преобладает мнение, что слово «мордва» является экзоэтнонимом, а к самоназваниям народа

М. Ф. Жиганов и В. Н. Мартьянов на республиканском телевидении. Конец 1970-х гг.

Женские головные и шейные украшения. Ражкинский могильник

относятся «эрзя» и «мокша». Аргументация данного тезиса восходит к утверждению, что сама мордва не использует данного наименования, причисляя себя к мокше, либо к эрзе[39]. Но подобное мнение не совсем верно, поскольку этнонимы «мокша» и «эрзя» обычно используются при внутриэтническом общении населения Мордовии. По мнению Н. Ф. Мокшина, этноним «мордва» первоначально использовавшийся для ее наименования индоевропейскими народами, уже давно приобрел статус эндоэтнонима[40].

На наш взгляд, этноним соответствующий понятиям: «муж», «человек», а примерно так переводится с иранского слово mard, не мог появиться извне. Поскольку подобные, самые элементарные наименования всегда применялись для обозначения представителей только своего народа. В экзоэтнонимах обычно используются какие-то характерные признаки другого народа, которые позволяют отличить его представителей от «настоящих людей», каковыми в этноцентрическом мире являются окружающие соплеменники, связанные реальными или мифическими узами родства.

По-видимому, распространение среди финских народов Поволжья и Приуралья этнонима с корнем mard, mort связано с процессами проникновения в их среду воинской сарматоязычной элиты, которое имело место на рубеже эр. Данный факт достаточно хорошо документирован археологически распространением памятников андреевско-писеральского горизонта на территории Сурско-Окского междуречья[41], причем близкие памятники зафиксированы и севернее в Молого-Шекснинском междуречье[42]. По мнению В. Ф. Генинга, носители данных традиций оказали существенное влияние и на культуру финских народов Прикамья[43].

Следует отметить, что точка зрения о появлении подобного названия в первые века нашей эры на территории правобережного Поволжья в результате миграции какой-то иранской группы недавно была высказана и В. В. Напольских[44].

Вероятно, в результате слияния местной финноязычной и пришлой ираноязычной элиты, вскоре растворившейся в общей массе, произошел перенос этнонима с корнем mard, mort, который закрепился в наименовании финноязычных народов, оказавшихся в сфере влияния носителей андреевско-писеральских памятников. Подобный перенос наименования воинской элиты на весь народ был обычным явлением в эпоху Великого переселения народов и завоеваний, поскольку называть себя их именем было почетно и гордо. Видимо, в результате последующей дифференциации из этой этноязыковой общины выделяются: мордва, мари, меря, мурома, названия которых восходят к этому видоизмененному корню. Причем, судя по тому, что название «мордва» ближе всего к исходной форме, видимо, именно она составляла основу финно-волжской общности. Подобное предположение хорошо согласуется с хронологией складывания названных этносов, поскольку мордва, памятники которой известны со II в., является среди них древнейшим.

К экзоэтнонимам, по всей видимости, относится название «мокша», происхождение которого связано с одноименной рекой. Как уже аргументировалось выше, вряд ли оно могло возникнуть ранее X в. Его появление, вероятно, связано с необходимостью различения населения двух крупных мордовских межплеменных союзов в процессе внутриэтнического общения, для обозначения племен, проживавших в бассейне р. Мокши. С этого времени этноним «мордва» для местного населения, вероятно, приобрел то значение, которое русские сейчас вкладывают в понятие «славяне», но поскольку своих летописцев у мордвы не было, то его фиксации не произошло, и через некоторое время он изменил свое содержание.

Таким образом, судя по данным археологии, начало образования бинарной структуры мордовского этноса относится ко времени не ранее XI в., когда у мордвы наблюдаются процессы складывания раннегосударственных образований, которые стали главной причиной данной дифференциации. Племенные отличия, получившие развитие в культуре мордвы после расселения во II в. на землях Сурско-Окского междуречья, также сыграли определенную роль в данном процессе. Неразвитость общелитературного языка, вероятно, способствовала архаизации племенных диалектов, что вело к усилению языковой дифференциации, придавая ей иллюзорную хронологическую глубину, которой в исторической реальности не было.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Степанов П. Д.** К вопросу о происхождении мордовских племен — мокши и эрзи // Учен. зап. кафедры истории СССР Саратовского госуниверситета. Саратов, 1956. Вып. 22. С. 143 — 170.

[2] См.: **Полесских М. Р.** Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 144 — 145.

[3] См.: **Степанов П. Д.** Древняя история мордвы-эрзи (очерк первый — письменные источники) / НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР // Труды. Саранск, 1968. Вып. 34. С. 263 — 277.

[4] См.: **Полесских М. Р.** Указ. соч. С. 144 — 145.

[5] См.: **Алихова А. Е.** Расселение мордовского народа по данным археологии // Этногенез мордовского народа. С. 143.

[6] См.: **Алихова А. Е.** Некоторые замечания по поводу выступления М. Р. Полесских // Этногенез мордовского народа. С. 221 — 222.

[7] См.: **Жиганов М. Ф.** Память веков. Саранск, 1976. С. 53 — 54.

[8] См.: **Ставицкий В. В.** Археологические изыскания М. Р. Полесских. Пенза, 2008. С. 20.

[9] См.: **Жиганов М. Ф.** Указ. соч. С. 60.

[10] Там же. С. 54.

[11] См.: **Гришаков В. В.** Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993. С. 124 — 125.

[12] См.: **Вихляев В. И., Петербургский И. М.** Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. С. 127 — 128.

[13] См.: **Вихляев В. И.** Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000. С. 127.

[14] См.: **Зеленцова О. В.** Динамика развития погребальною обряда мордвы во второй половине VII — XI в. (по материалам среднецнинских могильников) // Финно-угорский мир: история и современность : материалы конф. Саранск, 2000. С. 60 — 63.

[15] См.: **Петербургский И. М., Аксёнов В. Н.** Вадская мордва в VIII — XI вв. Саранск, 2006. С. 12.

[16] См.: **Мартьянов В. Н.** Арзамасская мордва в I — начале II тысячелетия. Арзамас, 2001. С. 254.

[17] См.: **Мокшин Н. Ф.** Мордовский этнос. Саранск, 1989. С. 34.

[18] См.: **Гришаков В. В.** Указ. соч. С. 126.

[19] См.: **Зеленцова О. В.** Указ. соч. С. 60 — 63.

[20] Там же.

[21] См.: **Сафронов П. И., Ставицкий В. В.** Курганы № 2 и № 3 Армиевского курганно-грунтового могильника (по материалам раскопок М. Р. Полесских 1969 г.) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск. 2014. № 3 (31). С. 23 — 32; **Сафронов П. И.** Погребальный обряд грунтовых захоронений Армиевского курганно-грунтового могильника (по материалам раскопок 1981 г.) // Там же. 2013. № 3 (27). С. 151 — 154.

[22] См.: Материальная культура среднецнинской мордвы VII — XI вв. Саранск, 1969. С. 5; Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1., М., 2004. С. 95 — 96; **Петербургский И. М., Аксёнов В. Н.** Древние памятники на р. Ляча. Саранск, 2008. С. 99, рис. 1.

[23] См.: **Гришаков В. В.** Указ. соч. С. 125.

[24] См.: **Зеленеев Ю. А., Зеленцова О. В.** Этапы развития и территории средневековоймордвы по данным археологии // Центр и периферия. 2013. № 1. С. 5.

[25] См.: **Ставицкий В. В.** Еще раз о мордве и буртасах // Центр и периферия. 2013. № 2. С. 7 — 16.

[26] См.: **Юрченков В. А.** Взгляд со стороны. Саранск, 1995. С. 27.

[27] См.: **Никитина Т. Б.** Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002. С. 9.

[28] См.: **Шитов В. Н.** Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность : материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 52 — 60.

[29] См.: **Юрчёнков В. А.** Пургасова волость: проблемы политогенеза у мордвы в историографии // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 4 — 11.

[30] См.: **Кручинкина Е. В.** Височные украшения женского головного убора мордвы XI — XIV веков // Вестн. Чуваш. ун-та. 2009. № 1. С. 66 — 69.

[31] См.: **Левашева В. П.** Височные кольца // Тр. ГИМ. 1967. № 43. С. 16.

[32] См.: **Алихова А. Е.** Хронологические и племенные отличия в культуре мордвы // СА. 1958. № 2. С. 77.

[33] См.: **Мартьянов В. Н**. Указ. соч. С. 298.

[34] См.: **Херенская Ю. В.** Сравнительный анализ головных уборов эрзи и мокши (по материалам могильников VIII — XI вв.) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2013. Вып. 3. С. 331 — 335.

[35] См.: **Юрчёнков В. А.** Мордовский край от монгольского нашествия до золотоордынского ига 20 — 40-е гг. XIII в. // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 4. С. 83 — 85; **Зеленеев Ю. А.** Лесостепное Поволжье в XIII в. // Центр и периферия. 2010. № 4. С. 46 — 47.

[36] См.: **Юрчёнков В. А.** Мордва и русско-ордынские отношения начала XIV в.: К вопросу о походе 1387 г. на Тверь // Центр и периферия. 2013. № 2. С. 27.

[37] См.: **Святкин С. В.** Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. до н. э. Саранск, 2001. С. 117.

[38] См.: **Кручинкина Е. В.** Указ. соч. С. 68.

[39] См.: **Мокшин Н. Ф.** Указ. соч. С. 18.

[40] Там же.

[41] См.: **Ставицкий В. В.** Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 3 (27). С. 126 — 141.

[42] См.: **Башенькин А. Н.** Финны, угры, балты, славяне и скандинавы в Молого-Шекснинском междуречье // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 119 — 131.

[43] См.: **Генинг В. Ф.** История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху: Чегандинская культура (III в. до н. э. — II в. н. э.). Ижевск, 1970. С. 194 — 195.

[44] См.: **Напольских В. В.** Этнолингвистическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы в первые века н. э. и данные «Гетики» Иордана // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2015. С. 193.

Валерий Анатольевич Юрчёнков

ИСТОРИЯ МОРДОВСКОГО КРАЯ НАЧАЛА XIII в. НА МИНИАТЮРАХ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Миниатюры — это окна в историю и при этом окна, открывающие нам вид не только на те или иные события русской истории, на ее реалии, но и окна в эстетические представления своего времени, в мировоззрение миниатюристов и их отношение к русской истории.

Д. С. Лихачёв
«Поэтика древнерусской литературы»[1]

Лицевой летописный свод (далее — ЛС) по праву называют «исторической энциклопедией XVI в.» (термин А. Е. Преснякова[2]). Он является самым крупным летописно-хронографическим произведением средневековой Руси, что определяет постоянный интерес к нему со стороны исследователей[3]. ЛС состоит из 10 томов, где почти каждая страница украшена миниатюрами (всего миниатюр более 16 000). Первые три тома ЛС посвящены всемирной истории, а последующие семь — русской. Создавались они, по мнению Б. М. Клосса, с 1568 по 1576 г. в царской книгописной мастерской, находившейся при соборной церкви Покрова Богородицы в Александровской Слободе[4]. Несколько поздним периодом (1570 г. — начало 1580-х гг.) датировал время работы над рукописями ЛС А. А. Амосов[5].

При анализе миниатюр ЛС стоит помнить мысль А. В. Арциховского о том, что летописные миниатюры являются своеобразными окнами, «сквозь которые можно смотреть на исчезнувший мир древней Руси, стоит только усвоить тогдашнее восприятие формы и пространства»[6]. Ее развил С. О. Шмидт: «средневековые книжные миниатюры это — не буквальные (натурные) зарисовки, а условные схемы, авторы которых придерживались определенных представлений об изображении явлений в пространстве, определенной знаковой системы (код которой пока еще не во всем доступен современным исследователям)»[7].

Стилистически все миниатюры ЛС однотипны и выполнены в общих чертах одинаковыми приемами. Первоначально композиция рисовалась свинцовым карандашом, затем после редактирования рисунки обводились тушью и раскрашивались. По мнению Д. С. Лихачёва, «главную роль, однако, играет в Лицевом своде не раскраска, не цвет, а рисунок, композиция и линия. Перед нами не сколько живописное, сколько графическое решение своей задачи художниками, хотя владение цветом, согласованность цветных плоскостей, эмоциональное воздействие цвета на зрителя достигает иногда большой виртуозности»[8]. Отличительной чертой миниатюр является определенная ритмика, усиленная присутствием текста, выполненного слегка наклон-

ным каллиграфическим полууставом. Как подметил Д. С. Лихачёв, «каждая миниатюра, хотя и является в известной мере „сводом“ различных сцен, едина по композиции, по одному, охватывающему эту композицию ритму. Фигуры людей, всадников, группы воинов ритмично падают, ритмично мчатся. Ритм подчеркивается одинаковостью одежд, сходством лиц и их расположением на одном уровне…»[9].

Всего истории мордовского народа и края начала XIII в. посвящены 12 миниатюр, которые помещены в так называемом Голицынском томе (РНБ, F. IV. 225). Он содержит изложение российской истории за 1114 — 1247 и 1425 — 1472 гг. Его миниатюры отличаются большой тщательностью, сложностью и разнообразием повествовательных приемов и не столько изображают тот или иной момент русской истории, сколько «рассказывают русскую историю изобразительными средствами. Это параллельный изобразительный рассказ к словесному рассказу летописи»[10]. При этом, как отмечал С. О. Шмидт, «словесный текст и изобразительные компоненты Лицевого свода нерасторжимы, хотя каждый имеет самостоятельное значение и ценность»[11].

Миниатюры ЛС отражают несколько ключевых моментов истории мордовского народа и края начала XIII в.[12]

1. Поход князей Святослава и Ивана Всеволодовичей на мордву в 1226 г. — 2 миниатюры (1.1; 1.2).

2. Объединенный поход русских князей на Пургасову волость в 1229 г. — 4 миниатюры (2.1; 2.2; 2.3; 2.4).

3. Ответные военные действия Пургаса весной 1229 г. и его война с сыном Пуреша — 3 миниатюры (3.1; 3.2; 3.3).

4. Поход сына Великого князя Всеволода Юрьевича на мордву в 1232 г. — 1 миниатюра (4.1).

5. Поход монголов на мордву в 1239 г. — 2 миниатюры (5.1; 5.2).

Миниатюра 1.1

В том же году послал князь великий Юрий Всеволодович братьев своих, князя Святослава и князя Ивана Всеволодовича на мордву;

Миниатюра 1.1 иллюстрирует слова летописца: «Того же лета посла князь велики Юрьи Всеволодичь брата своего, князя Святослава и князя Ивана Всеволодича, на мордву»[13]. Она многофигурна, помимо великого князя Юрия Всеволодовича на ней изображены его братья — князья Святослав и Иван Всеволодовичи и их конная дружина в походе. Автор делит миниатюру на три части, которые последовательно отражают развитие событий. В левом верхнем углу изображен великий князь Юрий Всеволодович, сидящий на своем «столе», перед ним его братья — князья Святослав и Иван Всеволодовичи, которым сообщается о предстоящем походе. В правом верхнем углу художник показывает подготовку к походу. Нижняя половина миниатюры изображает собственно поход: в центре на конях князья Святослав и Иван Всеволодовичи, за

Миниатюра 1.2

ними княжеская дружина. На миниатюре 1.2 ситуация похода разворачивается: «Они же взяша множество сел, и возвратися восвояси»[14]. Миниатюра делится на две части: в нижней показана дружина в действии, воины с поднятыми мечами во главе с князем атакуют мордву, которая не оказывает сопротивления; в верхней — дружина с князем возвращается домой.

Как особый раздел ЛС включает повествование «О войне на мордву» о событиях начала 1229 г., которое проиллюстрировано четырьмя миниатюрами. Первая из них (2.1) передает слова летописца: «Тоя же зимы, генваря в 14, князь великий Юрьи, и Ярослав, и Константиновичи Василко и Всеволод идоша на Мордву, и Муромский князь Юрьи Давыдовичь»[15]. Художник изобразил всех пятерых князей — участников объединенного похода. Причем изображение четко отражает феодальную иерархию: князья Юрий и Ярослав едут вместе, их статус передается определенного вида головными уборами; их племянники — Василько и Всеволод, также едут рядом, на их головах уборы иного типа; муромский князь Юрий Давыдович едет отдельно, на его голове убор, соотносимый с уборами Василько и Всеволода. Миниатюра 2.2 служит иллюстрацией сообщения летописи: «И вшедше в землю Мордовскую в Пургасову волость, и жита пожгоша и потравиша, и скоты избиша, а села пожгоша»[16]. Она передает четыре эпизода действий княжеских дружинников и соответственно делится на четыре части. В верхнем левом углу дружина на конях с развернутым знаменем «входит в землю Мордовскую в Пургасову волость»; в верхнем правом углу они травят и жгут жито. В нижней части миниатюры художник помещает сцену избиения дружинниками скота, в средней части — войска жгут села Пургасовой волости. Миниатюра 2.3 является изображением следующего эпизода войны: «Живущих же в волости Пургасове посекоша мечем нещадно, а прочих в плен поимаша и послаша восвояси»[17]. В соответствии с текстом она состоит из четырех фрагментов: в нижнем левом углу изображено избиение жителей Пургасовой волости, несколько выше справа представлен фрагмент захвата в плен уцелевших, еще выше — пленные в окружении воинов стоят перед князьями и дружиной на конях, и наконец в левом верхнем углу дружинники гонят полон. Миниатюра 2.4 отражает еще один эпизод войны: «Мордва же слышавше всегоша в леса в тверди свое, а котории не убегоша, и тех избиша»[18]. На миниатюре присутствуют три фрагмента: в нижней части показано избиение мордвы, не успевшей бежать и скыться в лесу; верхняя часть справа — изображение дружины русских князей; верхняя часть слева — художник рисует мордву, укрывшуюся в лесах.

Миниатюра 2.1

О войне с мордвой.

Той же зимой, января в ц-й день, князь великий Юрий, и Ярослав, и Константиновичи Василько и Всеволод пошли на мордву, и Муромский князь Юрий Давидовичь

Миниатюра 2.2

Нпришли в землю Мордовскую в Пургасову область, и хлеба пожгли и попортили, и скот забили, а села сожгли;

Миниатюра 2.3

Живущих же в области Пургасовой порубили мечами без пощады; а прочих в плен взяли и послали к себе домой.

Миниатюра 2.4

Мордовцы же, узнав об этом, побежали в леса, в укрепления свои; а которые не убежали, тех убили.

Продолжение войны связано с ответными военными действиями Пургаса весной 1229 г. и его столкновением с сыном Пуреша, которым авторы ЛС посвятили 3 миниатюры. Миниатюра 3.1 иллюстрирует текст: «Придоша мордва с Пургасом к Новугороду Нижнему, и биша их новогородцы»[19]. Миниатюра цельная, не распадающаяся на эпизоды, очень колоритная. Художник изобразил отступающих конных мордовских воинов и атакующих их на конях же нижегородцев. Причем часть из них «побита» и лежит под копытами коней. Среди отступающей мордвы фигурирует ее предводитель — Пургас. Стоит отметить, что это первое (из известных нам) его изображение.

Миниатюра 3.2 не менее колоритна и показывает сожжение Богородичного монастыря отступающими мордовскими воинами, среди которых присутствует и Пургас. Она иллюстрирует слова ЛС: «Они же, зажегъше монастырь святыя Богородицы вне града, бежаша прочь»[20].

Наконец, миниатюра 3.3 изображает один из заключительных эпизодов войны: «Победи Пургаса Пурешев сын с половцы, и изби мордву всю и русь Пургасову, а Пуръгас утече вмале»[21]. Она состоит из двух фрагментов: центральный показывает разгром Пургаса сыном Пуреша с половцами, здесь конная дружина половцев, атакующая отступающую мордву и «русь Пургасову» во главе с Пургасом; в левом верхнем углу показан убегающий с ближним окружением Пургас.

Миниатюра 3.1

Внутренне созвучна проанализированным ранее миниатюра 4.1, отражающая поход сына великого князя Всеволода Юрьевича на мордву в 1232 г. и служащая иллюстрацией слов летописца: «Того же лета князь велики Юрьи Всеволодичь посла сына своего Всеволода на Мордву, и с ним князь Феодор Ярославич, и рязаньския князи и муромския, и воеваша Моръдву, и власти и села пожгоша»[22]. Миниатюра 4.1 состоит из двух фрагментов: в левом верхнем углу изображен сидящим на троне великий князь Юрий Всеволодович, а перед ним стоят его сын Всеволод Юрьевич, рязанские и муромские князья, по мысли миниатюриста это сцена отражает решение о начале похода. Основную площадь миниатюры занимает рисунок военных действий, княжеские дружинники жгут мордовские волости и села.

Миниатюра 3.2

Миниатюра 3.3

Побѣди поургаса поурешевъ сынъ с поло
вцы. и избиморъ дву
всю. и ро҃ѵ поу
ргасовоу.
а поуръ
гл҃оу
тече
вма
лѣ.

Победил Пургаса сын Пуреша с половцами; и перебил всех мордовцев и всех воинов из Руси Пургасовой; а Пургас убежал с немногими.

Монгольское нашествие — центральное событие в истории мордовского края начала XIII в. Ему посвящены две миниатюры ЛС, которые отразили летописный текст, повествующий о походе монголов на мордву в 1239 г.: «На ту же зиму взяша Батыеве татарове Мордовскую землю, и Муром пожгоша, и по Клязьме воеваша, и град святыя Богородица Гороховец пожгоша, и идоша во страны своя. Бе же пополох тогда зол по всей земли, сами во себе людие не ведаху кто где бежит от страха»[23]. На миниатюре 5.1 художник изобразил атаку монгольского войска: монголы изображены на конях, с поднятыми саблями. На миниатюре 5.2 показаны штурм Гороховца и уход монгольского войска.

Практически все рассмотренные выше миниатюры многоэпизодны (9 из 12 миниатюр), т. е. изображают не одно событие, а сразу несколько. Наиболее ранние события обычно располагаются внизу, а над ними изображается то, что совершается позднее. Вместе с тем верхний план, по наблюдению Д. С. Лихачёва, является задним планом, а низ имеет еще значение главного места действия. Поэтому «основной эпизод изображаемого рассказа летописи может быть помещен внизу даже тогда, когда он завершает рассказ»[24]. Но, как показал А. А. Амосов, общую закономерность в построении всех композиций установить довольно трудно[25].

Изображение на миниатюре не одного события, а нескольких позволяет художнику «перебороть статичность изображения, развернуть его во времени»[26]. Например, на миниатюре 2.3 дружинники только подняли мечи над головами поверженных врагов, но те уже лежат мертвыми. Аналогичны изображения на миниатюрах 2.4, 3.1 и 3.3. Д. С. Лихачёв попытался разъяснить ситуацию: «С нашей точки зрения, изображение непоследовательно, но для миниатюриста оно изображено последовательно — согласно его принципам: для нападающего воина характерно поднятое оружие, оружие в действии, о врагах же говорится в тексте летописи, что их посекли, поэтому они лежат посеченные с закрытыми глазами и с отрубленными головами. Миниатюрист не останавливает действие, чтобы его изобразить, он изображает именно действие, поэтому охватывает движение за целый промежуток времени»[27].

Миниатюра 4.1

Интересно изображение горизонтального движения на миниатюрах. Поход русских дружин обычно совершается слева направо (миниатюры 1.1, 1.2, 2.1 и 4.1), а их возвращение — справа налево (миниатюры 1.2, 2.3 и 2.1). Соответственно и пространственное изображение мордвы как противника княжеских дружин. На миниатюре 1.2 она обращена лицом на наступающих русских воинов справа налево, аналогичны рисунки миниатюр 2.2, 2.3 и 2.4. В связи с этим стоит поддержать В. Д. Чёрного, который определяет движение по горизонтали как основное направление, отмечен-

Миниатюра 5.1

ное в миниатюре. Причем то же самое выступление русского войска направлено, согласно его трактовке, в правую сторону листа, которая трактуется как запад (отсюда, левая сторона — восток, верх листа — юг, а низ — север)[28].

Все события на всех без исключения миниатюрах изображаются снаружи зданий. По объяснению Д. С. Лихачёва, «это происходит от особого видения художником всего происходящего в мире. Он видит все события в большом масштабе, как бы панорамным зрением. Охват живописцем пространства так велик, что изображать интерьеры было, конечно, невозможно. Миниатюрист должен был ясно показать, где происходит событие, обозначить здание, а это можно было сделать только изображением наружного вида здания. Это соответствовало повествовательности его творчества»[29]. В этом плане показательны миниатюра 1.1, на которой великий князь Юрий Всеволодович направляет братьев князей Святослава и Ивана на мордву, и миниатюра 4.1 с аналогичным сюжетом. В последнем случае художник обозначает то, что действие происходит внутри здания, темным проемом, поскольку в его понимании темнота является устойчивым признаком интерьера.

Интересно изображение природы, пейзажа мордовского края. При его рассмотрении бросается в глаза, что действие практически всегда разворачивается в гористой местности, среди скал и обрывов. Однако делать вывод о мордовском крае как о горной стране преждевременно. На миниатюрах мы имеем дело с так называемыми лещадными горками — символом природы, «их функция в миниатюре не изображать, а исключительно „обозначать“, что действие происходит вне города»[30]. Они являются своеобразными кулисами, «позволяют сократить число фигур, служат своего рода „многоточием“, чтобы оставить часть группы или даже часть фигуры, иногда даже одни головы. Они — средство разделения миниатюры на отдельные изображения и средство сокращения многолюдных сцен или отдельных человеческих фигур. С помощью лещадных горок можно изобразить только „знак“ события, спрятав за них то, что показалось миниатюристу лишним»[31].

Говоря о природе мордовского края нельзя не сказать о лесах, где укрылись от княжеских дружинников бежавшие мордовские крестьяне (миниатюра 2.4). По мнению миниатюриста, леса довольно густые и состоят, по крайней мере, из двух пород деревьев, что отчетливо просматривается на рисунке. Деревья при этом изображены в привычном для средневекового читателя-зрителя виде ствола с условно переданной зеленой кроной. Зеленый цвет здесь выступает как непременный и постоянный признак любого дерева, постоянный эпитет дерева, растительности.

Миниатюра 5.2

И город Пресвятой Богородицы, Гороховец, татары пожгли, и пошли в земли свои. Был же страх тогда и ужас по всей земле; и сами люди не знали, кто куда бежит, от страха.

Все миниатюры многофигурны и включают изображения князей, знати, дружинников и крестьян. Среди представителей национальностей присутствуют русские, мордва, половцы и монголо-татары. На анализируемых миниатюрах великий князь Юрий Всеволодович представлен трижды: два раза в своих палатах отправляющим князей в поход на мордву (миниатюры 1.1 и 4.1) и один раз в походе, на коне, во главе войска (миниатюра 2.1). Во всех случаях он малоподвижен: миниатюрист как бы подчеркивает, что великому князю не пристало суетиться и стоит держаться с достоинством. В первых двух случаях великий князь изображен с жестом благословения, который в миниатюре часто трактуется как знак говорения. И действительно, в обоих случаях великий князь говорит, обращаясь к подручным князьям, посылая их в поход на мордву. Князья изображаются в круглых шапках с меховой опушкой, князья, занимающие в феодальной иерархии более низкое место, — в шапках с косыми отворотами. С помощью нюансов в изображении этого головного убора иллюстраторы ЛС определяют место каждого правителя в иерархии русских князей, формулируют свое представление о законности или незаконности его притязаний, передают оттенки взаимоотношений русских князей[32].

Все русские князья бородаты, более того, художник следит за точной передачей формы бороды, того же великого князя Юрия Всеволодовича. Простые дружинники передаются рисовальщиком одинаково, кстати говоря, они все безбороды.

Изображение мордвы присутствует на миниатюрах 1.2, 2.2, 2.3, 2.4, 3.1, 3.2, 3.3, 4.1, 5.1 и 5.2. Миниатюрист показал представителей различных социальных слоев мордовского общества того времени. Прежде всего, стоит отметить изображения знати — инязора Пургаса и сына Пуреша. Пургас представлен художником трижды: первый раз — во главе войска под Нижним Новгородом (миниатюра 3.1), второй — во главе войск, жгущих Богородичный монастырь (миниатюра 3.2), третий — убегающим от сына Пуреша с половцами (миниатюра 3.3). Во всех случаях он изображен на коне, в доспехах, поверх которых накинут коричневый плащ. Он молод, безбород, с густыми длинными каштановыми волосами. На национальную принадлежность указывает головной убор, отличный от русского — это шапка (шляпа?) с отворотами, напоминающими тюрбан. Другой представитель мордовской элиты — сын Пуреша, изображен на миниатюре 3.3. Он также молод, безбород, также с густыми длинными каштановыми волосами. Сын Пуреша изображен на коне, в богатых доспехах, в плаще алого цвета. На его голове шапка с прямыми отворотами.

Окружение вождей представлено их дружиной, воины которой изображены однотипно. Все они безбороды, в доспехах, остроконечных шеломах, вооружены копьями. Мордовская дружина представлялась миниатюри-

сту конной. Сравнение изображений русской и мордовской дружин показывает их однотипность. Весьма интересны изображения простонародья из мордвы. На миниатюрах 1.2 и 2.2 — это степенные бородатые мужики, взирающие на нападение княжеских дружинников. На миниатюрах 2.3 и 2.4 — крестьяне, среди них много женщин, убитые или захваченные в плен, или укрывшиеся в лесах.

При сопоставлении миниатюр ЛС заметно, что художники практически не делают различий при изображении русских и мордвы. Знать, воины, простые люди Руси и мордовского края изображены в сходной художественной манере, вплоть до их абсолютной внешней идентичности. Представляется, что за этим скрывается определенная мировоззренческая позиция создателей и заказчиков ЛС. Миниатюры, по всей видимости, иллюстрируют представление о некотором единстве этих территорий, сложившемся, по мнению образованных людей средневековой Руси, на определенных этапах исторического развития. Начало XIII в. было, по их мнению, одним из этих этапов.

Таким образом, миниатюры, посвященные истории мордовского края начала XIII в. в ЛС, тесно связаны с летописным текстом и следуют ему достаточно точно и полно. За их пределами не остался ни один из важных аспектов повествования. Для всех рассмотренных миниатюр характерно практически полное отсутствие сверхтекстовой информации о событиях. Художники изображают только то, о чем можно прочесть. Сверхтекстовая информация здесь, как и в ряде других миниатюрных циклов, «лежит в рамках восприятия художником описываемых событий, она раскрывает представления миниатюриста, его восприятие отражаемого текста, его отношение к событиям и поведению героев повествования и их взаимоотношениям»[33].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЕ

[1] **Лихачёв Д. С.** Избранные работы : в 3 т. Т. 1. Развитие русской литературы X — XVII веков. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1987. С. 314.

[2] См.: **Пресняков А. Е.** Московская историческая энциклопедия XVI в. // ИОРЯС. СПб., 1900. Т. 5, кн. 3. С. 824 — 876.

[3] См.: **Арциховский А. В.** Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; **Свирин А. Н.** Древнерусская миниатюра. М., 1950; **Подобедова О. И.** К вопросу об изображении природы в миниатюрах Лицевого летописного свода // Из истории русского и западноевропейского искусства. Материалы и исследования. М., 1960; **Ее же.** К вопросу о составе и происхождении Лицевого летописного свода второй половины XVI века // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. IX; **Ее же.** Изобразительные средства миниатюристов Лицевого летописного свода // Ежегодник Института истории искусств. 1960. Архитектура и живопись. М., 1961; **Ее же.** Миниатюры русских исторических рукописей. Из истории русского лицевого летописания XIII — XVI веков : автореф. дис…. д-ра ист. наук. М., 1961; **Ее же.** К вопросу об изучении миниатюр исторических рукописей как источника для истории лицевого летописания // Славянский архив : сб. ст. и материалов. М., 1963; **Ее же.** Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965; **Клосс Б. М.** Никоновский свод и русские летописи XVI — XVII веков. М., 1980; **Чёрный В. Д.** Некоторые особенности обозначения исторической среды в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. // Материалы и исследования ГММК. М., 1987. Вып. V; **Его же.** Русская средневековая книжная миниатюра: направления, проблемы и методы изучения. М., 2004; **Амосов А. А.** Лицевой летописный свод: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998; Лицевой летописный свод XVI века : методика описания и изучения разрозн. летопис. комплекса. М., 2003; **Мартынюк А. В.** Русь и Золотая Орда в миниатюрах Лицевого летописного свода // Российские и славянские исследования : сб. науч. ст. Минск, 2004. Вып. 1; **Морозов В. В.** Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005 и др.

[4] См.: **Клосс Б. М.** Летописный свод Лицевой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 2. Л — Я / отв. ред. Д. С. Лихачёв. Л., 1989. С. 30; **Его же.** Никоновский свод и русские летописи XVI — XVII вв. М., 1980. С. 249, 265.

[5] См.: **Амосов А. А.** Указ. соч. С. 184 — 185.

[6] **Арциховский А. В.** Указ. соч. С. 4.

[7] **Шмидт С. О.** Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 217.

[8] **Лихачёв Д. С.** Указ. соч. С. 306.

[9] Там же. С. 311.

[10] Там же. С. 306 — 307.

[11] **Шмидт С. О.** Указ. соч. С. 216.

[12] Для удобства анализа миниатюр пронумеруем их с учетом хронологии и отражения того или иного события. Тогда первая миниатюра о походе 1226 г. будет обозначена 1.1, а вторая миниатюра о походе монголов в 1239 г. — 5.2 и т. д.

[13] Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 5. 1217 — 1241 гг. М., 2014. С. 194.

[14] Там же. С. 195.

[15] Там же. С. 211.

[16] Там же. С. 212.

[17] Там же. С. 213.

[18] Там же. С. 214.

[19] Там же. С. 239.

[20] Там же. С. 240.

[21] Там же. С. 241.

[22] Там же. С. 300.

[23] Там же. С. 429 — 430.

[24] **Лихачёв Д. С.** Указ. соч. С. 309.

[25] **Амосов А. А.** Указ. соч. С. 239 — 240.

[26] **Лихачёв Д. С.** Указ. соч. С. 307.

[27] Там же.

[28] См.: **Чёрный В. Д.** Указ. соч. С. 70 — 71.

[29] **Лихачёв Д. С.** Указ. соч. С. 310.

[30] Там же. С. 307.

[31] Там же. С. 308.

[32] См.: **Арциховский А. В.** Указ. соч. С. 28 — 31, 111 — 118.

[33] **Морозов В. В.** Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. С. 221.

Андрей Александрович Кузнецов,
Алексей Владимирович Морохин

НИЖНИЙ НОВГОРОД В СМУТУ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО XVI И XVII СТОЛЕТИЙ В РОССИИ

XVI и XVII столетия по многим аспектам оказываются переломными для российской истории. Здесь и первый русский царь с противоречивыми итогами правления, которые и поныне являются эпицентром культурной и общественно-политической дискуссии. Здесь и начало пропагандистских войн Европы и России, породивших феномен Курбского, в коем одни видят предтечу русского свободомыслия, а другие убедительно доказывают, что он был прозаичным ренегатом. Вопрос о квотах преданности к Родине и европейским ценностям, остро поставленный Смутой, с той поры читается в отечественной публицистике. Архетип упорного самостояния горстки бойцов, решавший исход войн, проявленный Псковом в борьбе с осадой Батория, подхваченный Смоленском и Троице-Сергиевым монастырем в Смуту, красной нитью прошьет историю нашей страны через Севастополь, Порт-Артур, Брестскую крепость и далее...

Дихотомия казачества, уже при Иване Грозном проявившего себя и как державное орудие в решении военно-политических задач, и как источник разрушительных тенденций в хрупком социальном, а также многонациональном мире Московского государства, даст о себе знать и в Смуту, и в правление Алексея Михайловича, и во время реформаторского натиска Петра I, и в при Екатерине II, и в Гражданскую войну. Расширяющаяся география Российской государственности — от Поволжья, Сибири и Дальнего Востока — неизбежно будет ставить на повестку дня вопросы имперского расширения или сознательного замыкания в себе.

Все это и многое другое из событийного массива двух столетий корнями уходит в седую Русь, но произрастает кроной в Новую и Новейшую историю России.

Утверждать подобное с полной ответственностью позволяет и изменившееся по сравнению с предыдущими веками состояние источников. Во-первых, их становится настолько много, что даже при сознательном игнорировании исследователь будет страдать от «информационного шума», создаваемого движением широких народных масс, творящих историю в экономическом, политическом, религиозно-культурных измерениях. Во-вторых, круто меняется «качество» источников, особенно тех, которые относятся к нарративным. В литературе XVII в. произошло открытие личности[1]. И вот история России стала более массовой и народной. Историки получают больше возможностей ответственно рассуждать о мотивах и субъективных факторах развития истории именно в то время.

Периодом, когда бурно и взрывоподобно развивались тенденции, только заложенные в XVI в., стало Смутное время. Примером тому служит история с царской династией. Первый брак Ивана Грозного с Анастасией Романовой стал потом одним из формальных оснований легитимности Михаила Романова. И такая легитимизация произошла в Смуту. Другой пример — это то, как обрисовавшиеся в ходе Ливонский войны супротивные Речь Посполитая и Швеция в первое двадцатилетие XVII в. обозначились основными геополитическими противниками России. Смута вынудила на время отложить действия по направлениям, намеченным в XVI в. Известно, что Борис Годунов начал отсылать дворян учиться заграницу (никто не вернулся в родные палестины). И лишь спустя век с удесятеренной энергией этот процесс зарядит Петр I. Вообще, о Смуте, круто поменявшей Россию «в канун петровских преобразований» написал А. М. Панченко[2]. Следуя его концептуальным схемам, в данной статье внимание будет уде-

лено тем средостениям XVI — XVII вв., которые проявились в Смуту в нижегородской земле.

* * *

При рассмотрении Нижнего Новгорода в Смутное время необходимо подчеркнуть то, что он был центром уезда наряду с Балахной, Арзамасом и Курмышом (они сейчас входят в состав Нижегородской области). Нижний Новгород являлся в начале XVII в. шестым по экономическому развитию городом Российского государства, принося в казну до 7 тыс. рублей ежегодно[3]. (Для понимания покупательной способности рубля того времени достаточно привести факт, что рабочий мерин в 1598 г. стоил 4 рубля 95 копеек[4].) Основными занятиями нижегородцев были ремесло и торговля. Источники позволяют выделить более ста ремесел, которыми занимались нижегородцы на рубеже XVI — XVII вв.: металлообработка, изготовление обуви и одежды, речное судостроение.

Торговле нижегородцев способствовали средоточие водных и сухопутных дорог, продукция ремесла и труд земледельцев, бортников, рыбаков Нижегородского уезда. Нижний Новгород уже к началу XVII в. стягивал на себя товарные потоки России и зарубежья: «соль из Балахны, с Камы и Астрахани, рыба с волжских промыслов; кожи, ткани и иные товары везли купцы из Москвы, Ярославля, Костромы, а также из Западной Европы, Персии и Средней Азии»[5]. В Нижнем Новгороде к услугам торговцев были сотни амбаров и лавок, железный, рыбный, солодовенный, рукавичный и прочие торговые ряды. Торговая жизнь города была сосредоточена в основном возле Гостиного двора и на Нижнем посаде, в 20 торговых рядах, называвшихся чаще всего соответственно специализации — Сапожный, Житный, Рыбный, Мясной и т. п. В рядах стояли лавки, которых в 1620-е гг. насчитывалось более 300[6]. В начале XVII в. торговых помещений на посаде было значительно больше, чем после Смуты и опустошительных пожаров 1613 и 1614 гг., когда сгорели 725 лавок и амбаров с товарами[7]. Коммерческая составляющая экономики Нижнего Новгорода была такова, что даже в «пиковой момент» Смуты «в Нижнем были (осенью 1611 г. и весною 1612 г.) и „люди“ Строгановых, и торговые люди Москвы и Ярославля»[8]. И этим купцам, в первую очередь «людям» Строгановых, предстояло сыграть важную роль в финансовом обеспечении ополчения 1611 — 1612 гг.

Нижний Новгород в XVII в. Иллюстрация из книги А. Олеария

Развитию Нижнего Новгорода способствовала и его административная округа, которая противоречиво формировалась в течение трех столетий. В начале XVII в. Нижегородский уезд — крупная административно-территориальная единица с высокой плотностью населения (600 селений (около 30 тыс. дворов) с 150 тыс. крестьян мужского пола). Крестьяне Нижегородского уезда делились на принадлежавших 2 боярам и 400 «служилым по отечеству» помещикам (482 владения), монастырских, дворцовых и черносошных. Березопольского, Закудемского, Стрелицкого станов и Терюшевской, Толоконцевской и Белогородской волостей[9]. Основой экономики Нижнего Новгорода и была торговля продукцией рыболовства, бортничества, промысловой охоты и животноводства. Источником хлеба для нижегородцев был рязанский край, с которым Нижний Новгород сообщался по Оке[10].

Географическое положение Нижнего Новгорода было таково, что он мог стать самодостаточной хозяйственной единицей. Недостаток хлеба легко восполнялся покупкой его у соседей. Тем не менее эта тенденция не была реализована даже на уровне идеи. Ни воеводы, ни лидеры знаменитого ополчения не высказали ее. Обсуждение данного вопроса не является надуманным, если принять во внимание недавно установленный факт того, что в Казани Никанор Шульгин предпринял подобную попытку. И только воцарение Михаила Романова прервало это восхождение на политический олимп и превращение Казани в самостоятельное государство[11].

Преимущества географо-экономического положения Нижний Новгород получил во второй половине XVI в. До середины этого столетия город представлял собой периферию Российского государства, подвергавшуюся набегам казанских, астраханских, ногайских и крымских татар. Время, последовавшее за присоединением Среднего и Нижнего Поволжья, определило встраивание Нижнего Новгорода в сложную систему экономических связей и отношений России. Только после Смуты Нижний Новгород вследствие определения специализации регионов и складывания всероссийского рынка определился как крупная хозяйственная единица. Так уж получилось, что в Смутное время нижегородцы приложили руку к подъему своей земли.

Войско Ф. И. Шереметева, состоявшее из нижегородских дворян, в 1606 г. было направлено «царем» Дмитрием Ивановичем (Лжедмитрием I) в Астрахань. Будучи в Самаре, нижегородцы узнали о воцарении Василия Шуйского и уже подчинялись ему. Но ранее, еще из Казани, Ф. И. Шереметев направил уведомление в Астрахань, что он идет туда именем царя Дмитрия Ивановича. На Нижнюю Волгу грамота об избрании на престол Василия Шуйского пришла раньше, чем грамота Шереметева. В итоге астраханцы подняли мятеж и остались верными Дмитрию Ивановичу. Все вылилось в изнурительную, почти годичную, осаду войска Шереметева астраханцами, терскими, волжскими, донскими и яицкими казаками на Балдинском острове (Балчике)[12]. «Они же сташа на острове на Балчике и поставиша тут острог. Астроханцы же приступаху к острогу, многие напасти делаху… В том же остроге на Балчике прииде на ратных на многих людей болезнь цынга, и многие люди помроша»[13]. В этих перипетиях определялся контур противоборства носителей государственных ценностей и казаков Волги и Дона во время восстания Степана Разина. Это событие пока не встроено в цепь анархистских выступлений казачества. Однако данный опыт деструктивных действий казаков в начале XVII в. должен быть известен их внукам и правнукам, пошедшим за Степаном Разиным.

В связи с державной твердостью и устойчивостью перед лицом казачье-крестьянской стихии надо отметить, что Нижний Новгород и его жители сохраняли верность царской присяге во времена разинщины и пугачевщины. Такое же качество нижегородцы проявили и в Смуту. Они держали сторону Москвы, где сидел законный государь, которому они оставались верны: и (Лже-)Дмитрию I, и Василию Шуйскому. «Семибоярщину» и Владислава нижегородцы не признали, а потому имели все основания выступить против них. Кроме прочих факторов принципиальная твердость нижегородцев определялась и тем, что они были обладателями кремля.

Крепость из камня и кирпича, возведенная в начале XVI в. (даты начала и окончания строительства не определены; в 2015 г. в Нижегородской области условно отмечалось пятисотлетие кремля), ни разу не была взята противником до сего дня (этим не может похвастаться ни одна крепость европейской части России). Благодаря этому ресурсу, воеводы Нижнего Новгорода, выдержали ряд одновременных попыток штурма тушинцами, болотниковцами и мордвой со стороны Балахны и Арзамаса.

Предыстория такова. В октябре 1606 г.[14] около Нижегородского уезда развернулось движение сторонников еще не пришедшего в Россию Лжедмитрия II. Они пока группировались вокруг тех лозунгов и идей, которые вызвали к жизни движение Ивана Болотникова. Участие в восстании к югу от Нижнего Новгорода приняли русские крестьяне, проживавшая по соседству бортная мордва и ряд местных помещиков. К ним примкнули и отдельные нижегородские дворяне во главе с Иваном Борисовичем Доможировым и князем Иваном Дмитриевичем Болховским[15]. Осенью 1606 г. в Курмыше утвердился Андрей Казаков, арзамасский помещик, недавно обращенный в

православие (назван новокрещеном; татарский мурза Шейсупов, получивший в поместье с. Казаково). Он стал приводить к клятве «царю» Дмитрию нерусское население вокруг Курмыша, грабил купцов, а гонцов не пропускал к Москве. Пламенем восстания второй половины 1606 г. был охвачен и Муромский уезд. Активными участниками стали местные служилые люди. От них те же И. Б. Доможиров и И. Д. Болховской даже требовали присылки подмоги под Нижний Новгород[16].

Именно это обстоятельство представляло главную опасность: отказ дворян, связанных с Нижним Новгородом, подчиняться царю Василию Шуйскому и открыто встать на сторону его врагов был страшнее, нежели поход восставших на город, укрепления которого бы защищали сплоченные гарнизон и нижегородские дворяне. На Нижний Новгород мятежники первоначально идти не рискнули: пугали каменный кремль и наличие сильного гарнизона. Противники царя Василия захватили Алатырь и Арзамас. В итоге уже к середине октября 1606 г. значительная часть региона к югу от Нижегородского уезда вплоть до правобережья Оки контролировалась повстанцами, разделявшими идеологию движения Ивана Болотникова. Фиксируется и связь восставших в Муроме, Алатыре, Арзамасе и Курмыше между собой и с лагерем И. И. Болотникова в Путивле.

На рубеже октября — ноября 1606 г. набравшие силу бунтовщики во главе с И. Б. Доможировым и лидерами мордвы Варгадином и Московым начали осаду Нижнего Новгорода. А ведь еще весной 1606 г. многие отряды нижегородских и арзамасских дворян во главе с боярином Ф. И. Шереметевым были отправлены Лжедмитрием I на службу в Астрахань и для замены тамошнего воеводы И. Д. Хворостинина[17]. Летописцы отметили, что «стояли под Нижним Руские люди и бортники и Мордва»[18] и «многие пакости граду делаху»[19]. В ноябре 1606 г. один из местных лидеров повстанцев Ф. М. Доможиров писал в Арзамас к воеводам болотниковцев Б. И. Доможирову и В. И. Коверневу с просьбой прислать подкрепление осаждающим: «и вам бы… однолично прислать к нам воин[ских] людей на прибавку тотчас. А буде… вы к нам людей не пришлете воинских и [нам]… погинути от вас, быти нам разор[енным] и вам от Нижнево»[20]. Уже в декабре 1606 г. — январе 1607 г. посланный Василием Шуйским на помощь Нижнему Новгороду отряд под командованием Г. Г. Пушкина и С. Г. Одадурова снял осаду с города: узнав о приближении войска «испод Нижнева воры разбежалися».

Этим дело не ограничилось. После снятия угрозы для Нижнего Новгорода и его уезда под власть царя были возвращены и Алатырь с Арзамасом[21]. После поражения Ивана Болотникова под Москвой пошло на спад и повстанческое движение в Поволжье.

Вновь обстановка вокруг Нижнего Новгорода обострилась осенью 1608 г. Страна в 1607 г. раскололась на части в соответствии с двумя главными центрами — Москвой и Тушиным. Возникшее в стране двоевластие привело к постоянным боевым столкновениям нижегородцев — сторонников «боярского царя» Василия Шуйского и «тушинского вора» Лжедмитрия II. В этом соблазне выбора Нижний Новгород остался верен Москве, чего нельзя сказать о его соседях.

На стороне тушинцев действовали и «литовские люди» — военные отряды из Речи Посполитой, и поволжские народы. Отряды «под флагом» Лжедмитрия II вновь выбили Арзамас из-под власти Василия Шуйского и захватили Балахну. Следующей целью противников Москвы, естественно, был Нижний Новгород. Овладение им дало бы Лжедмитрию II возможность «навести мосты» от контролируемых им районов в Волго-Окском междуречье к землям, где против власти Москвы поднялись чуваши, татары, марийцы и русские, где сновали казачьи отряды.

В самом Нижнем Новгороде сил для отражения тушинцев было мало. Крупный отряд нижегородских дворян во главе с боярином Ф. И. Шереметевым еще не вернулся с астраханской службы, где завяз в стычках с казаками. Осенью 1608 г. Нижний Новгород оказался фактически блокирован разнородными силами действовавших под тушинским знаменем.

Опять поднялись мордва и бортники Нижегородского уезда. С этим выступлением связана остросюжетная история. 15 сентября из Нижнего Новгорода был послан в Москву Михаил Ордынцев. Цель его миссии заключалась в доставке казны в столицу. В пути Ордынцев узнал, что восставшие в Нижегородском уезде предупредили Тушинского Вора «про тое казну». Тогда Михаил «…переехав с денежной казною на иную дорогу. И казну довез до Москвы здорово»[22].

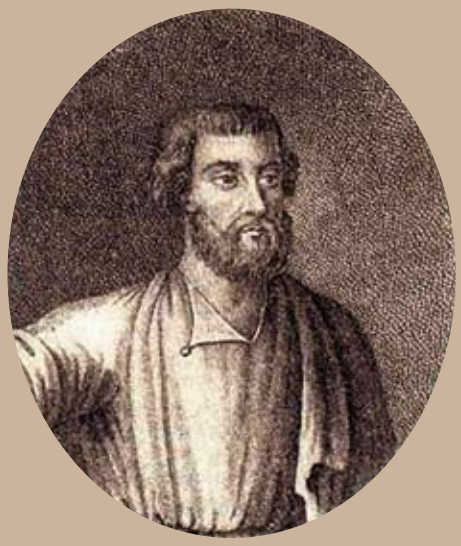
21 ноября (1 декабря) 1608 г. нижегородцы получили ультиматум из захваченной тушинцами Балахны с требованием «целовать крест государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичу всеа Руси» под угрозой наказания в противном случае. Тогда-то нижегородцы и выступили открыто и последовательно за законного царя Василия. Их бескомпромиссная позиция была четко выражена в отписке архимандрита Вознесенского Печерского монастыря Иоиля: в Нижнем Новгороде все «хотят за Государево Царево и Великого Князя Василья Ивановича… крестное целование помереть, на чом они ему Государю крест целовали»[23]. Нижегородцы не только огрызнулись в ответ на вызов балахнинцев, но и

устами руководителя местной церковной корпорации призвали и жителей соседних уездов не допустить того, чтобы «хрестьянская неповинная кровь не лилась, а были бы Балахонцы и всякие люди… во единой мысли с Нижегородцы… кто будет на Московском Государстве Государь, тот всем нам и вам Государь»[24].

В те тяжелые дни, когда практически вся округа Нижнего Новгорода от Курмыша до Арзамаса и далее до Владимира, опять «заворовала», т. е. перешла на сторону Лжедмитрия II, для управления городом и уездом был впервые создан чрезвычайный орган — Городовой (или Городской) совет. В него вошли местные церковные власти, воеводы А. С. Алябьев и А. А. Репнин, дьяк В. Семёнов, дворяне, служилые иноземцы, а также «гости, и земские старосты, и целовальники, и посадские всякие люди»[25]. К сожалению, имена последних источник не приводит. Как знать, быть может, в их числе был Кузьма Минин! Тогда же нижегородцы для самообороны организовали ополчение, основу которого составили дворяне и дети боярские во главе с воеводой А. С. Алябьевым. Городовой совет стал готовиться к борьбе.

В это же время правительство царя Василия Шуйского срочно призвало на помощь отряд Ф. И. Шереметева. Москва нуждалась в войсках для противостояния тушинцам. По дороге к Казани войско Ф. И. Шереметева вело бои с казаками. В Казани Ф. И. Шереметев задержался, затем переместился в Чебоксары, где приводил к верности Василию Шуйскому окрестные народы, но отправил к Нижнем Новгороду часть нижегородских дворян, стрельцов, казаков, чуваш и башкир[26].

Сами же власти Нижнего Новгорода, не подозревая пока о подходе помощи, начали превентивные действия против превосходивших сил тушинцев. Для обеспечения долговременного сидения в предполагаемой



Кузьма Минин. Гравюра XVIII в.

осаде нужны были запасы продовольствия. Напротив кремля через Волгу у устья Оки — на так называемой Стрелке (с 1817 г. там зашумит Нижегородская ярмарка) — традиционно находились склады купцов и торговых людей. Михаил Ордынцев 22 ноября (2 декабря) 1608 г. вывел из Нижнего Новгорода на Стрелку отряд, в который входили стрельцы и служилые иноземцы («литва и немец»). «И на него, Михайла, приходили изменники из Болохны атаман Тимоха Таскаев, и хотел Стрелку засесть, и Михайло царю Василью служил и запасы с Стрелки вывез в Нижний все сполна и Стрелку выжег для приходу воровских людей»[27]. Благодаря этому город смог подготовиться к длительной осаде.

Через несколько дней, 25 ноября (5 декабря) от Арзамаса к Нижнему Новгороду подошли силы восставших мордвы и бортников. Воевода Андрей Алябьев, не мешкая, устроил вылазку, и нижегородцы рассеяли мятежников. 29 ноября (9 декабря) нижегородцы вновь отбили от города приступ Сурвоцкого. На следующий день, 30 ноября (10 декабря) 1608 г., тушинцы предприняли общий штурм города — «к Нижнему был приступ в четырех местах к Печерским, к Никольским, к Ильинским воротам, да от Балахны»[28]; Алябьев и здесь ухитрился сделать вылазку, и противник был отброшен от города.

1 (11) декабря в осажденный Нижний Новгород пробился отряд, посланный Ф. И. Шереметевым. За 30 верст до города отряд начал продвигаться, преодолевая нападения «воровских людей». Поднаторевшие в двухлетних сражениях воины сокрушали любые попытки остановить их на пути к Нижнему Новгороду. Им противостояли мятежники, ранее бортничавшие, пахавшие землю и охотничавшие, а затем променявшие добывание хлеба насущного в поте лица своего на легкую добычу вседозволенного разбоя. Видимо, приближавшийся шум боев был услышан в Нижнем Новгороде, и воевода А. А. Репнин с войском устремился им навстречу и обеспечил вхождение подмоги в осажденную крепость[29].

Усиление нижегородского гарнизона сразу позволило перейти от активной обороны к наступательным действиям. 2 (12) декабря не подозревавшие плохого тушинцы «по Болохонской дороге» беспечно подошли к городу — «Тимоха Таскаев с с товарыщи, да с ним болохонцы и суздальцы и шуяне, и костромичи, и кинешемцы, и юрьевчане, и гороховцы дети боярские и всякие люди с большим нарядом». Воевода А. С. Алябьев предпринял вылазку, в ходе которой сторонники Лжедмитрия II были отброшены от Нижнего.

Лаконичность источников позволяет представить авторскую реконструкцию событий. Усиление нижегородского гарнизона за счет закаленного в поволжских сражениях воинства позволяло провести полноценную боевую операцию по всем правилам воинского искусства. Появление толп из Балахны на левом берегу Оки, в районе Стрелки, не могло остаться незамеченным из кремля, высившегося на правом берегу Волги. Из крепости заранее должны были вывести группы воинов на конях и скрытно разместить в оврагах

и постройках посада. Когда нападавшие сконцентрировались возле намеченных ими точек прорыва, из разных ворот кремля вылетели отряды, неожиданно ударившие по осаждавшим. Возможные попытки балахнинцев отойти и перегруппироваться были пресечены на корню засадными группами. Рассеянные силы противника устремились к месту переправы на другой берег Оки, но и там их уже поджидал один из нижегородских отрядов. Паника среди врага усилилась, что привело искателей наживы, организованных в подобие воинства, в толпу испуганных мужчин, которые россыпью бежали по льду реки. Многих из них настигали всадники и безжалостно рубили.

Нижегородцы наголову разбили тушинцев и их «до Балахны топтали, и Балахну взяли»[29]. В плен попали балахонский воевода С. Голенищев, перешедший на сторону Шуйского, казачий атаман Т. Таскаев, повешенный затем в Нижнем Новгороде, а также суздальцы Е. Редриков, С. Долгий, Л. Синий и И. Гриденков, а всего более 300 человек[31].

Весть о победе над Балахной быстро разнеслась по нижегородской округе и зародила в других близлежащих от Нижнего Новгорода населенных пунктах мысли о борьбе со сторонниками самозванца. Так, в те же дни сторонники Лжедмитрия II в Павлове сообщали, что «хотели их переимати павловские мужики и отвести в Нижней»[32]. Кроме того, устранение угрозы со стороны Балахны благоприятствовало переброске сил на другие направления. Хотя и тут пришлось действовать от обороны.

5 (15) декабря 1608 г. Нижний Новгород был атакован со стороны Арзамаса большим отрядом тушинцев (нижегородских, арзамасских, алатырских детей боярских, татар, черемис, мордвы, бортников и др.) во главе с Н. Собакиным, С. Сурвацким, А. Подбельским и С. Низовцевым. Он был разбит А. С. Алябьевым, устроившим вылазку из кремля. На протяжении 15 верст нижегородцы секли противника. Было захвачено 300 пленных. Все воеводы «инсургентов» были заточены в нижегородские темницы. В дальнейшем гарнизон Нижнего Новгорода перешел к активным наступательным операциям против тушинцев в направлении Мурома, через который шла дорога на Москву.

10 декабря им был нанесен удар под с. Ворсма, 11 декабря — под Павловым. Из этих мест Алябьев разослал память в с. Вача и Яковцево, расположенные южнее. Другая грамота была направлена далеко на север в с. Пурех. Алябьев, действовавший по повелению царя Шуйского, требовал от крестьян этих селений прислать к нему повинные челобитные. Подобная грамота, направленная в Муром, дополнялась угрозой похода. Уже к 16 декабря нижегородцы привели к присяге Василию Шуйскому Гороховец и Ярополч[33].

Одновременно в декабре в Нижний Новгород прислали отписки с изъявлением поддержки г. Лух, Кострома и Шуя[34]. 25 декабря 1608 г. (4 января 1609 г.) в Нижний Новгород была прислана грамота из Москвы с призывом вместе с соседними уездами активизировать действия против сторонников Лжедмитрия II.

С. В. Иванов. В Смутное время. 1908 г.

После этого отряды нижегородцев во главе с воеводой А. С. Алябьевым выдвинулись из города по направлению к Мурому. В бою у с. Бурцева в 20 верстах к югу от Нижнего Новгорода 6 января 1609 г. отряд тушинцев был вынужден отойти к с. Ямгородскому, где на следующий день нижегородский воевода А. С. Алябьев разгромил его, взяв в плен самого князя Вяземского. Его затем публично казнили в Нижнем Новгороде[35]. Тогда же был взят в плен и другой тушинский воевода — Тимофей Лазарев[36]. Около 40 арзамасских дворян во главе с Ф. В. Левашевым перешли на сторону А. С. Алябьева[37].

Далее успех сопутствовал нижегородскому воеводе в бою с тушинцами 6 февраля 1609 г. у с. Кадницы. Там А. С. Алябьев прижал к Арзамасу крупный отряд сторонников Лжедмитрия II. 15 февраля войско нижегородского воеводы предприняло штурм Арзамаса, однако тушинцы смогли удержать город в своих руках. После неудачи А. С. Алябьев был вынужден ретироваться к Нижнему Новгороду. При отходе нижегородцев 16 февраля тушинцы потрепали их отряд вблизи Собакинского леса и вынудили А. С. Алябьева ускорить марш к берегам Волги[38].

Рать А. С. Алябьева предприняла поход из Нижнего Новгорода к занятому сторонниками самозванца Мурому. 18 (28) марта в Муроме вспыхнуло восстание против тушинцев, и в тот же день жители города встретили нижегородцев «с образы и крест царю Василью Ивановичю целовали»[39]. Через несколько дней, 27 марта (6 апреля) 1609 г., отряды войска А. С. Алябьева внезапным броском захватили Владимир. Весной 1609 г. А. С. Алябьев, удерживая Муром и не удаляясь далеко от Нижнего Новгорода до подхода ожидаемой «понизовой рати» Ф. И. Шереметева, совершил успешный рейд на Касимов. В то же время А. С. Алябьев направил сотню нижегородских стрельцов во главе с Ф. С. Мостниным в Юрьевец, где население присягнуло на верность царю Василию Шуйскому.

После ухода из города основных сил в Нижнем Новгороде, по словам современников, в июне 1609 г. там «была большая тревога, так как не было никаких сил, поскольку одна часть воинов ушла в Муром, другие во владимирской службе, а в Нижнем остались только миряне, и те в большой тревоге»[40]. Затем в Нижний Новгород в конце мая 1609 г. вошла «понизовая рать» Ф. И. Шереметева 3 000 стрельцов и 500 татар и башкир. Из Мурома к нему также пришла 1 000 «всяких служилых людей»[41]. Эти резервы позволили нижегородцам активизировать действия против сторонников Лжедмитрия II. К Ф. И. Шереметеву в те дни перешло верховное командование действовавшими в городе и его округе военными силами, сохранявшими верность царю Василию Шуйскому.

Оставаясь с основными силами в Нижнем Новгороде, Ф. И. Шереметев отправлял мобильные отряды для очищения окрестностей от тушинцев. В июле 1609 г. основные силы Ф. И. Шереметева из Нижнего Новгорода вышли в сторону Москвы на соединение с войсками М. В. Скопина-Шуйского, двигавшегося из Новгорода Великого. В середине ноября две армии соединились в Александровой Слободе и в течение зимы 1609 — 1610 гг. очистили от приверженцев Лжедмитрия II окрестности Москвы и в марте 1610 г. вступили в столицу.

Тем временем, после ухода из Нижнего Новгорода армии Ф. И. Шереметева, на подступах к городу, долгое время остававшемуся без военного прикрытия, оживились тушинцы. Центром их сосредоточения вновь стал Арзамас. Уже в октябре 1609 г. в Нижнем Новгороде был «всполох» от «воровских людей». Видимо, тогда же произошел бой князя А. М. Львова, ставшего вместо А. С. Алябьева нижегородским воеводой, с «воровскими казаками и черемисой» у с. Ельня. Весной 1610 г. Нижний Новгород снова осаждали крупные силы сторонников Лжедмитрия II, хотя в итоге местные силы смогли устроить успешную вылазку, в ходе которой разбили тушинцев и отогнали их от города. Это позволило воеводе А. А. Репнину сообщить царю Василию Шуйскому, что «воры от Нижнева побежали»[42].

В июне 1610 г. в Нижний Новгород из Москвы прибыли военные отряды во главе с воеводами князем В. Ф. Масальским, С. Чевкиным, Я. С. Прокудиным и В. В. Аничковым. Объединенная рать во главе с князем А. М. Львовым в том же месяце взяла приступом Арзамас — последний оплот тушинцев в регионе. К началу июля 1610 г. нижегородским отрядам удалось закрепить достигнутый успех, приведя население края на верность царю Василию Шуйскому. Однако сокрушительное поражение войск Шуйского от армии польского короля Сигизмунда III в Клушинской битве 24 июня (4 июля) 1610 г. обусловило призыв нижегородцев в Москву. Уже в июле 1610 г. нижегородцы получили приказ немедленно выдвинуться на защиту Москвы от наступавших польско-литовских войск. На марше их застало известие об отречении «боярского царя» от престола, и нижегородские отряды были возвращены домой.

Ратный подвиг нижегородцев в 1608 — 1610 гг. стал залогом того, что Нижнему Новгороду, закаленному в боях, вернувшему под власть законного царя (хоть и временно) земли в радиусе от 100 до 200 километров, предстояло позднее еще раз сыграть ключевую роль в борьбе с деструктивными силами. Где-то в этом бурлящем котле битв, осад,

сражений и походов среди нижегородцев, взявших на себя ответственность за свой город и окрестные земли, вызревал феномен Минина.

Кузьма Минин является во всех смыслах знаковой фигурой. До Смутного времени, наверное, не найти в русской истории случая, когда человек, ломая социальные рамки вдруг поднимался до того, чтобы решать задачи уровня монарха и его окружения. Разве что Ермак... Смутное же время дало когорту таких деятелей. Начать надо с самозванцев, которые затем до отмены крепостного права будут постоянным социокультурным фактором истории России. Затем были загадочный контур Ивана Болотникова, страсть к авантюрам Ивана Заруцкого, трагичный феномен Прокофия Ляпунова. В последнем, кончено, была авантюрная жилка, но более угадывается в нем искреннее желание решать проблемы неустроения России[43]. Как недавно выяснилось, Никанор Шульгин хотел в Казани добиться полной независимости, прежде всего, от Москвы[44]. Что же позволяет включить в этот пестрый ряд Минина? Думается, что это было дерзновение решать державные задачи и умение повести за собой людей. У Минина появление такой харизмы определили явления (видения) ему Сергия Радонежского. Без такого сакрального стимула Минин не рискнул выйти к народу с призывом. У других харизматиков Смуты были иные стимулы. Но так или иначе эти люди положили начало «демократизации» лидерства в русской истории. Она проявляется в Степане Разине, Алёне Арзамасской и деятелях Раскола.

Самостояние духовенства в Смуту, вылившееся в решающую роль Гермогена, в практическую идеологию ее преодоления, тоже многое объясняет то, что с середине XVII в. церковная реформа стала такой резонансной в политическом и социокультурном аспектах. Это определялось активной ролью духовенства, принимавшего или не принимавшего ее.

Корни этой активности уходят в движение «боголюбцев», которое представлено такими именами, как Иван Неронов, Никита Минов (будущий патриарх Никон), Павл (будущий епископ Коломенский), Илларион (будущий митрополит Рязанский), Симеон (будущий архиепископ Сибирский), протопоп Аввакум Петров. Первоначально это движение было связано с Лысковым и находившимся на противоположном берегу Волги Макарьевским Желтоводским монастырем. И вот они — казалось бы, «странные сближенья»: пришли в действие алгоритмы народной инициативы, впервые проявившиеся в Смуту. Макарьевский монастырь был обновлен жителями с. Лыскова, которые «множеством народа на Желтые Воды приидоша... и от своего усердия насекоша древес доволно к созданию церковному»[45]. В то же время — в 1620-е гг. — в самом Лыскове и под ним строились новые и восстанавливался разоренный в Смуту монастыри. Причем обители ставились на собранные по народной инициативе мирские средства[46]. Село Лысково и восстановление Макарьевского Желтоводского монастыря через почитание Макария Унженского связываются с Дмитрием Пожарским. Дмитрий Пожарский делал вклады в Макарьево-Желтоводский монастырь в 1625 — 1626 гг. Это было обусловлено малоизвестным сейчас фактом того, что Дмитрий Пожарский двигал рати на Москву, воодушевляемый заступничеством Макария Желтоводского[47]. Естественно, что важную роль в утверждении этого небесного покровителя ополчения сыграло нижегородское духовенство, и прежде всего настоятель Печерского Вознесенского монастыря в Нижнем Новгороде Феодосий. Он внес существенный вклад в организацию ополчения[48]. Вот протягивается незримая нить от организации ополчения к «боголюбцам», идеологам церковной реформы. Известно и то, что эти самые «боголюбцы», связанные с Макарьевским Желтоводским монастырем, в Нижнем Новгороде ориентировались на круги, связанные еще с ополчением Минина и Пожарского.

Влияние процессов общественной консолидации во втором десятилетии XVII в., где весьма заметен фактор Православной церкви, проявилось чуть позже — через духовные искания «боголюбцев». А из их среды вышли два заметных оппонента — патриарх Никон и протопоп Аввакум.

* * *

Вот так модель нижегородского хронотопа времени Смуты, вобравшая в себя тенденции общественно-политического и церковного развития XVI в., привнесшая новые направления развития страны, отразила особенности транзита от века XVI к веку XVII в России. А они определил движение страны более чем на столетие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Лихачёв Д. С.** Человек в литературе Древней Руси. СПб., 2015. С. 231 — 247.
[2] См.: **Панченко А. М.** Русская культура в канун петровских преобразований // Из истории русской культуры. Т. 3. XVII — начало XVIII века. М., 1996. С. 19 — 20, 25 — 33 и др.
[3] См.: **Буганов В. И.** «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 93.
[4] См.: **Маньков А. Г.** Цены и их движение в Русском государстве XVI века. Л., 1951. С. 131 — 132.
[5] **Пудалов Б. М.** Введение // Нижегородский край в конце XVI — первой половине XVII в. (Акты приказного делопроизводства) : сб. док. Н. Новгород, 2009. С. 7.
[6] См.: Писцовая книга 1621 — 1629 гг. по Нижнему Новгороду // РИБ. Т. XVII. Стб. 204 — 284.
[7] См.: **Любомиров П. Г.** Очерк истории Нижегородского ополчения 1611 — 1613 гг. // Подвиг Нижегородского ополчения. Н. Новгород, 2011. Т. 2. С. 23.
[8] Там же. С. 22.
[9] См.: **Буганов В. И.** «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин… С. 92 — 93. См. также: Центральный архив Нижегородской области. Ф. 3098. Оп. 1. Д. 23. Л. 3; **Пудалов Б. М.** Введение. С. 4, 7.
[10] См.: **Любомиров П. Г.** Указ. соч. С. 17.
[11] См.: **Козляков В. Н.** Герои Смуты. М., 2012. С. 251 — 272.
[12] См.: **Антонов А. В.** Историко-археографические исследования: Россия XV — начала XVII века. М., 2013. С. 270 — 274.
[13] См.: Новый летописец // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XIV. С. 72.
[14] О датировке восстания под Арзамасом, названного И. И. Смирновым Приволжским восстанием, октябрем 1606 г. — январем 1607 г. см.: **Смирнов И. И.** Восстание Болотникова. 1606 — 1607. Л. ; М., 1951. С. 354.
[15] См.: **Любомиров П. Г.** Указ. соч. С. 32 — 33.
[16] См.: **Смирнов И. И.** Указ. соч. С. 356 — 359.
[17] См.: **Антонов А. В.** Указ. соч. С. 270.
[18] **Попов А.** Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 333.
[19] Новый летописец. С. 72.
[20] Восстание И. Болотникова : док. и материалы. М., 1959. С. 209, 210.
[21] См.: Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601 — 1608 : сб. док. М., 2003. С. 114 — 115.
[22] Служба царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси Михайла Ордынцева // Пудалов Б. М. К событиям в Нижегородском Поволжье в 1608 — 1609 гг. (малоизвестный источник) // Мининские чтения : тр. науч. конф. Н. Новгород, 2011. С. 71.
[23] АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 107. С. 137.
[24] См.: **Тюменцев И. О.** Смутное время в России начала XVII века. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 307 — 308.
[25] ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 104. С. 204 — 205.
[26] См.: **Антонов А. В.** Указ. соч. С. 274 — 277.
[27] Служба царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси Михайла Ордынцева. С. 71.
[28] Там же.
[29] См.: **Антонов А. В.** Указ. соч. С. 278 — 279.
[30] Служба царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси Михайла Ордынцева. С. 72.
[31] См.: **Антонов А. В.** Указ. соч. С. 279; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 12. С. 34 — 35; ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 104. С. 204.
[32] Сборник князя Хилкова. С. 35.
[33] См.: **Антонов А. В.** Указ. соч. С. 279 — 280.
[34] См.: ААЭ. Т. 2. № 104. С. 205; АИ. Т. 2. № 112. С. 141; № 113. С. 142 — 143.
[35] См.: Новый летописец. С. 86.
[36] См.: АИ. Т. 2. № 131. С. 155.
[37] См.: **Антонов А. В.** Указ. соч. С. 281.
[38] См.: Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601 — 1608 : сб. док. М., 2003. С. 292.
[39] Новый летописец. С. 89.
[40] Дневник Яна Петра Сапеги (1608 — 1611). М., 2012. С. 127.
[41] Там же. С. 135.
[42] См.: Акты XIII — XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества // ЧОИДР. 1898. Кн. 3, № 294. С. 314.
[43] См.: **Козляков В. Н.** Герои Смуты. М., 2012. С. 10 — 76.
[44] Там же. С. 251 — 272.
[45] Отдел рукописей Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 15 об. — 16, 40 — 40 об.
[46] См.: **Морохин А. В.** Нижегородское духовенство и формирование ополчения 1612 года // Мининские чтения : тр. науч. конф. Н. Новгород, 2007. С. 149.
[47] См.: **Понырко Н. В.** Обновление Макарьева Желтоводского монастыря и новые люди XVII века — ревнители благочестия // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. XLIII. С. 64.
[48] См.: **Морохин А. В.** Нижегородское духовенство и формирование ополчения 1612 года // Мининские чтения. 2007. С. 146 — 148.

Сергей Васильевич Видяйкин

ПОД БЕЛИЧЬИМ ЛЕСОМ

Опыт построения пространственной модели Верхомянского стана Алатырского уезда в 1620-е гг.

В 2017 г. историки Поволжья отметят 150-летний юбилей со дня рождения одного из основоположников научного изучения истории мордовского народа — Александра Александровича Гераклитова. Блестящий знаток этнической истории Поволжского региона, архивист и палеограф, он, заложив основы научного изучения истории мордвы, тем не менее, не создал ее связного и цельного изложения. В то же время именно А. А. Гераклитов наметил ключевые проблемы региональной истории, выделил переломные эпохи и основные тенденции ее развития[1]. Многие из вопросов, поставленных им, до сих пор актуальны для региональных историков и пока не нашли своего решения. К числу таких проблем относится и историческая география расселения мордовского народа в XVI — XVIII вв.

Во многих своих работах А. А. Гераклитов активно использовал картографические материалы для разрешения спорных вопросов мордовской этнической истории. Одновременно в статье «К вопросу о границе между „мокшей“ и „эрзей“ в начале XVII в.» исследователь указывал на слабую разработанность этой темы: «В настоящее время не существует никакой этнографической карты мордвы, с помощью которой мы могли бы составить представление о современном распределении обоих мордовских племен»[2]. Тем не менее в другой своей работе — «Алатырская мордва. По переписям 1624 — 1721 гг.» он высоко оценивал значимость этой работы: «...карта Алатырского уезда, хотя бы и не во всех деталях полная и точная, должна представлять более общий интерес при той скудности сведений по исторической географии Поволжья»[3].

Данная статья — первая в серии статей, посвященных проблеме, поставленной еще в первой половине XX в. Александром Александровичем Гераклитовым, — исторической географии Алатырского уезда. Используя современные базы данных, мы предприняли попытку построения пространственной модели одного из четырех станов Алатырского уезда — Верхомянского в 20-х гг. XVII столетия.

При работе над статьей были использованы следующие картографические материалы: «Геометрической атлас Симбирской губернии Алаторского уезда» (начало XIX в.)[4], «Топографическо-межевая карта Симбирской губернии» А. И. Менде (1859 — 1861 гг.)[5] и «Топографические Карты России и СССР»[6]. К сожалению, имеющиеся более ранние карты XVII в. малоинформативны из-за низкой детализации. Карты XIX в. представляют собой более значимый источник информации, но отсутствие на них современной координатной сетки и имеющиеся искажения создают определенные проблемы с их сопоставлением с современными картами.

При построении авторских карт использовалось сопоставление указанных карт с письменными источниками — писцовыми книгами Д. Ю. Пушечникова. В 1624 г. писцы Дмитрий Юрьевич Пушечников и подьячий Афанасий Давыдов сын Костяев были направлены в Алатырский уезд. Огромная территория уезда потребовала многолетнего труда. В течение трех лет писцы составили по уезду четыре книги: первая была посвящена поместьям и вотчинам русских владельцев (книга до сих пор не обнаружена историками); вторая — татарским поместным землям, т. е. землям служилых татар и мордвы; третья — мордовским и буртасским землям; четвертая — их бортным ухожаям.

Для картографического построения мордовских населенных пунктов Верхомянского стана Алатырского уезда 1620-х гг. в статье использо-

вались материалы «Книги письма и меры писцов Дмитрея Юрьевича Пушечникова да подъячего Афонасья Костяева мордовских и буртаских земель 132 и 133 и 134 году»[7] (далее — «Книга мордовских земель»).

Традиционно, все исследователи, начиная с А. А. Гераклитова, придерживаются деления Алатырского уезда в XVII в. для мордовского населения на три стана: Верхопьянский, Верхалатырский и Верхосурский[8]. Тем не менее, необходимо оговорить следующий немаловажный факт. Свое описание земель Алатырского уезда составители «Книги мордовских земель» начали с Верхомянского стана. Описав в нем десять деревень, писец перешел к «Мордве Верхопьянской». Иными словами, в самом тексте мордовские деревни фактически сгруппированы в четыре стана. В то же время в списке деревень в начале книги фигурируют только три стана, в конце книги их значится также три — «всего в Алаторском уезде Залесны и Верхосурские и Верхалаторские мордвы»[9]. Весьма вероятно, что упоминание Верхомянского стана — это проявление более древнего деления уезда на станы. Можно предположить, что в XVI в. мордовские деревни распределялись по трем станам — Верхомянскому, Верхопьянскому и третьему, включавшему в себя территории будущих Верхалатырского и Верхосурского. В связи со значительными миграционными процессами, к 1620-м гг. к югу от реки Алатырь появилось значительное количество новых мордовских поселений. Соответственно это потребовало внесения изменений в административное деление Алатырского уезда. Сильно разросшийся третий стан (в междуречье Алатыря и Суры), разделился на два стана — Верхалатырский и Верхосурский (кстати, количество селений в них было столь велико, особенно в Верхосурском, что к 1640-м гг. часть их территорий перешла к новому Саранскому уезду). В противоположность третьему, Верхомянский и Верхопьянский станы все больше теряли свое значение, что привело к их постепенному слиянию в один стан — Низсурский. Вероятно, отсюда происходит путаница у писца со станами. Мы используем более старинное деление уезда на четыре стана по двум причинам. Во-первых, в утилитарных целях, так как объем работ достаточно велик для рамок одной статьи, т. е. проще ее разделить на четыре части и соответственно на четыре статьи. А, во-вторых, для исследователей того периода было бы интереснее посмотреть на более древнее устройство уезда, о котором сегодня, к сожалению, очень мало информации.

Перед тем как перейти к непосредственному построению пространственной модели Алатырского уезда 1620-х гг., считаем необходимым оговорить то, что для многих объектов на последующих представленных нами картах показано их примерное расположение, которое носит относительный характер (исходя из авторского представления), особенно это касается межевых границ сельхозугодий рассматриваемых населенных пунктов.

Итак, начинается «Книга мордовских земель» с описания Верхомянского стана. Как видно из названия, его территорию составили населенные пункты, расположенные в бассейне реки Мени* — левого притока реки Суры.

Описание стана начинается с «деревни Ордатово на речке на Муравлее Лунгинсково беляка»[10]. Деревня была четко идентифицирована еще А. А. Гераклитовым** с современным селом Старое Ардатово Ардатовского района Республики Мордовия[11].

Гидроним *Муравлейка* присутствует в «Геометрическом атласе Симбирской губернии Алаторскаго уезда» и на карте А. И. Менде. На современной карте река уже носит название *Норелей*. В последующем описании межи деревни упоминается речка *Уноровлей*. Примечательно, что название *Муравлей* встречается только рядом с названием деревень, а *Уноровлей* — в описании межевых границ. Привязка данных источника к карте показывает, что речь, по всей видимости, идет об одной и той же реке, и мы имеем дело либо с ошибкой переписчика, либо гидроним *Уноровлей* предшествовал гидрониму *Муравлей* и впоследствии был забыт.

Достаточно четко можно идентифицировать речку *Молмолея под чорным лесом*, у которой находились сенные покосы. По всей видимости, речь идет о ручьях, впадающих в Норелей по оврагам Кафседлей или Шаолей. Речка *Колмолей* также четко идентифицируется с современной речкой *Кудашкелей*, в XIX в. носившей название *Кармалейка*.

Интересен вопрос с упоминаемыми при межевании земель «отингеевской мордвы» и «отешенской мордвы» в районе речки Колмолей. Речь, несомненно, идет о жителях деревень «Атяшева на пьянских вершинах» Верхопьянского стана и «Коласева Тетингеева тож» Верхалаторского стана. Обе деревни были расположены на значительном удалении от рассматриваемого района, поэтому, по всей видимости, речь идет не о пашенных землях, а о промысловых угодьях — вероятно, частях Суханского ухожая, границы которого описаны в «Книге письма и меры Дмитрия Юрьевича Пушечникова да подьячего Афанасия Костяева 132-го и 133-го и 134-го году Алатырского уезду татарским и буртасским и мордовским вотчинам бортным ухожаям»[12].

Следующий раздел книги посвящен «деревне Кечюшева на речке на

---

* Здесь и далее географические названия даются в именительном падеже.

** Названия населенных пунктов, идентифицированных А. А. Гераклитовым, приводятся в соответствии с современным административно-территориальным делением.

Муровлей», и выставкам из нее — «деревня Кечюшева выстовка из деревни Старой Кечюшевой на речке на Муровлее Нижнее Кечюшево» и «выставка ис тое ж деревни Кечюшевы на речке на Суровлее»[13]. В отличие от выставок деревня Кечюшева на речке Муровлей была четко идентифицирована еще А. А. Гераклитовым с современным селом Жабиным Ардатовского района Республики Мордовия[14]. Речка *Суровлей* в XIX в. носила название *Суравлейка*, ныне носит название *Суралейка*.

О местонахождении выставок исходя из рельефа местности можно с высокой степенью точности предполагать, что Нижнее Кечюшево находилось ниже урочища Яндова по течению реки Норелея, а вторая выставка — ниже оврага Чапамо 3-й по течению реки Суралейки.

Кроме того, именно в описании межевых границ этих деревень мы встречаем упоминание названия *Уров* («Беличий») *лес*. К сожалению, не известно, какая именно часть «Большова мордовского чорнова лесу» так называлась. По всей видимости, данное название соотносилась с той частью леса, которая составляла Соханский ухожай.

Не возникает вопросов и при определении расположения «деревни Иванова Урусова на норовлейской вершине Кашмурсково беляка»[15] — современное село Урусово Ардатовского района Республики Мордовия. Вблизи села в реку Суралейку впадает речка Ташседлейка, возможно, называвшаяся в то время *Норолей*, и поэтому деревня записана находящейся в ее истоках (карта 1).

Множество вопросов перед нами ставит следующий раздел «Книги мордовских земель», посвященный описанию деревень «Момадышево на речке на Дерлее»[16] и «Кулясова на речке на Мокшалее»[17]. А. А. Гераклитов смог идентифицировать только первую деревню — Момадышево с современным селом Манадыши 2-е

Карта 1. Район деревень Ордатово, Кечушева и Иванова Урусова

Ардатовского района Республики Мордовия[18]. Привязка данных «Книги мордовских земель» к современных картам показывает неверность этой точки зрении.

Согласно описанию межевых границ земель обеих деревень, можно построить следующую модель речной системы вокруг них: деревня Момадышево находилась вблизи реки Уромлей, впадавшей в реку Меню; в нее в свою очередь впадала речка Мокшалей, вблизи которой была расположена деревня Кулясова, причем с другой стороны от нее протекала еще одна речка Потапка, впадавшая в реку Меню. Единственная область, под которую подходит эта модель, находится к югу от реки Мени в районе современного села Манадыши 1-е Ардатовского района. Таким образом, можно предполагать, что река *Уромлей* это современная речка *Румлейка*, *Мокшалей* — южная часть речки *Задней*, а *Потапка* — безымянный ручей, впадающий в реку Меню в районе современного села Солдатского Ардатовского района

Республики Мордовия. Кроме того, в пользу южного берега реки Мени говорит и привязка верховий реки Уромлея к «чорному лесу», как и в случае гидронима *Муравлей*.

В то же время в описании межи деревни Кулясова встречается упоминание «поместная земля Обросима Скрыпина з братьею»[19]. В среднем течении речки Вачки — левого притока Меня находится село Скрипино Сеченовского района Нижегородской области. Данный факт свидетельствует в пользу того, деревня Кулясова, межа которой граничила с землями Скрипиных, располагалась к северу от реки Мени — в районе речки Вачки. Кроме того, в пользу более северного расположения этой деревни и деревни Момадышево говорит тот факт, что жителям последней принадлежала оброчная земля в верховьях реки Киши.

Разрешить этот спорный вопрос о местонахождении обеих деревень помогают «Геометрический атлас Симбирской губернии Алаторскаго уезда», а также карта А. И. Менде. Согласно им река *Румлейка* носила такое же название и в XIX в., современная же река *Задняя* тогда именовалась речкой *Мачелей* (что созвучно гидрониму XVII в. — *Мокшалей*), а к западу от нее мы находим речку *Потапку*. Таким образом, бесспорно, именно южное расположение обеих деревень относительно реки Мени — деревни Момадышево на месте современного села Манадыши 1-е Ардатовского района и деревни Кулясова, по всей видимости, на месте современной деревни Новоклейка Ардатовского района (карта 2).

Достаточно сложной проблемой является географическая идентификация следующих двух селений в «Книге мордовских земель» — «Киржеманова на мянской вершине»[20] и «Новая Тургакова на речке на Кшлее»[21]. Первую деревню А. А. Гераклитов идентифицировал с современным селом Киржеманы Большеигнатовского района Республики Мордовия[22], второе — с селом Турдаково Порецкого района Чувашской Республики[23]. Причем во втором случае он сделал это совершенно безосновательно. Текст «Книги мордовских земель» точно указывает на граничность межей сельскохозяйственных угодий обоих селений, тогда как села, указанные А. А. Гераклитовым, разделяет расстояние около 40 км.

Географическая идентификация обеих деревень возможна только с помощью построения модели речной системы вокруг них. Исходя из текста «Книги мордовских земель», мы знаем, что речка Ушторлей (Ушпарлей), впадающая в Меню, разделяла земли киржемановской и тургаковской мордвы. Кроме того, сельхозугодья деревни Киржеманова тянулись от впадения Ушторлея в Меню вверх по ее течению по обе стороны. Речка Кизылвагомолей, также впадавшая в Меню, делила земли тургаковской мордвы и «землю Алексея Ворыпаева с племянники». В описании межевых границ упоминаются гидронимы *Мяня*, *Пьяна*, *Чюрдоклей*, *Кшлея*, *Кизылвагомолей* и *Ушторлей*. Из них на современных картах мы находим только самые крупные — *Меня* и *Пьяна*.

Благодаря картам XIX в. мы можем идентифицировать следующие реки: речку *Кизылвагомолей* — с речкой *Козываламалей* в «Геометрическом атласе Симбирской губернии Алаторскаго уезда» и *Казывалей* на карте А. И. Менде, а на современной

Карта 2. Район деревень Момадышево и Кулясова

карте — с ручьем, текущим по оврагам Алмазиха и Спасский к востоку от современного села Горки Большеигнатовского района Республики Мордовия; речку *Кшлея* — с речкой *Шклей* в «Геометрическом атласе Симбирской губернии Алаторскаго уезда», а на современной карте — с ручьем, текущим по оврагу Шкилейка к югу от современного села Горки Большеигнатовского района Республики Мордовия; речку *Чюрдоклей* — с ручьем *Чердаклей*, впадавшем в речку Пьяну, в «Геометрическом атласе Симбирской губернии Алаторскаго уезда», а на современной карте — с ручьем, текущим по оврагу Ахматскому к западу от современного села Булдаково Сеченовского района Нижегородской области. Таким образом, можно предполагать, что река *Уштopлей*, разделявшая сельхозугодья киржемановской и тургаковской мордвы, это речка *Пазыдалей* в «Геометрическом атласе Симбирской губернии Алаторскаго уезда», а на современной карте — ручей, текущий по оврагу Чадасскому к северо-западу от современного села Горки Большеигнатовского района Республики Мордовия.

Построенная модель речной системы вокруг деревень Киржеманова и Новая Тургакова подтверждает идентификацию А. А. Гераклитова первого селения с современным селом Киржеманы Большеигнатовского района Республики Мордовия. Примечательный факт, на который необходимо обратить внимание: сельхозугодья этой деревни были весьма значительны — в северном направлении они достигали реки Пьяны; кроме того в средней части они проходили по лесному массиву, который разделял их надвое. Деревня же Новая Тургакова, по всей видимости, находилась в районе впадения ручья Шкилейка в реку Меню, т. е. также на ее южном берегу. Единственный факт, говорящий против данной точки зрения, — то, что сельхозугодья

Карта 3. Район деревень Киржеманова и Новая Тургакова

обеих деревень большей частью находились на противоположном берегу реки Мени. Тем не менее источник достаточно точно указывает, что Новая Тургакова находилась не против устья речки Кшлеи, а именно на речке Кшлее (на которой, согласно источнику, располагались и сенные покосы деревни Новая Тургакова), что, по нашему мнению, указывает все-таки на южное расположение деревни от реки Мени (карта 3).

Последние три деревни Верхомянского стана — «Новая Чемзино на речке на Ковлейке»[24], «Ермензина на речке на Чувашлее»[25] и «Шишкино выставка из деревни из Старые Ермензины на речке на Сутовлее»[26]. Первую деревню А. А. Гераклитов идентифицировал с современной деревней Новое Чамзино Большеигнатовского района Республики Мордовия[27], вторую — с деревней Старое Качаево того же района[28], а третью — с селом Большое Игнатово того же района[29]. В случае с этими деревнями в отличие от предыдущих при их географической идентификацией почти не возникает проблем. Множество вопросов появляется при определении их межевых границ, которые были весьма запутанными.

Исходя из текста «Книги мордовских земель» мы знаем, что овраг Ломаврелей разделял сельхозугодья чамзинской и ермензинской мордвы. Второй крупный массив сельхозугодий чамзинцев находился в междуречье Пьяны и Моркозлея, причем с юга они ограничивались Посольской дорогой. По реке Пьяне на правом берегу они доходили до Утки Помры, а на левом — до реки Уштовралей, которая в свою очередь также разделяла земли чамзинской и ермензинской мордвы. Река Чувакшлей разделяла земли ермензинской и шишкинской мордвы. Для определения западных межевых границ мы обратились к описанию межей деревни «Малая Чюкалы Андреевка тож на Паметном враге»[30]. Согласно им в 1620-х гг. в отличие от современности деревни Малая Чюкалы и Шишкино разделяла лесная

полоса, доходившая до верховьев реки Уштовралей. Сельхозугодья деревни Малая Чюкалы граничили только с землями чамзинской мордвы.

В описании межевых границ упоминаются гидронимы *Пьяна*, *Ковлейка*, *Уштовралей* (*Шушторавлей*), *Чувашлей* (*Чувакшлей*), *Мумобрелей*, *Сушторлей*, *Сутолей*, *Ламбрелелей*, *Шукшторавлей* и *Моркозлей*. Из них на современных картах мы находим только реку *Пьяну*, а также овраг *Утка* на правом берегу Пьяны, к северу от современного села Кучкаево Большеигнатовского района Республики Мордовия. Благодаря картам XIX в. мы можем идентифицировать следующие реки: речку *Чувашлей* — с ручьем, протекавшим по оврагу Шувашклей в «Геометрическом атласе Симбирской губернии Алаторскаго уезда», а на современной карте — с ручьем, протекающим в южной и восточной части села Большое Игнатово Большеигнатовского района Республики Мордовия и впадающим в речку Чечера; речку *Сутолей* — с ручьем, протекавшим по оврагу Аотовлей в «Геометрическом атласе Симбирской губернии Алаторскаго уезда», с речкой *Сютавлейкой* на карте А. И. Менде, а на современной карте — с ручьем, протекающим в северной части села Большое Игнатово Большеигнатовского района Республики Мордовия и впадающим в речку Чечера; речку *Моркозлей* — с речкой *Вармазейкой* в «Геометрическом атласе Симбирской губернии Алаторскаго уезда», с речкой *Макаразлейкой* на карте А. И. Менде, а на современной карте — с ручьем, протекающим мимо современных сел Чукалы и Андреевка Большеигнатовского района Республики Мордовия и впадающим в реку Пьяну. Построенная на основе этой информации модель речной системы в районе трех названных деревень, позволяет приурочить и оставшиеся гидронимы. Таким образом, с высокой долей вероятности можно предполагать, что *Уштовралей*, *Шушторавлей*, *Сушторлей* и *Шукшторавлей* — это одна река, название которой записывалось русскоязычным писцом со слов носителей мордовского языка (причем наибольшее разнозвучание названий одной и той же реки варьируется именно в зависимости от описания конкретной деревни, т. е. в каждой из трех деревень ее название искажалось по-своему). Речка Уштовралей, разделявшая сельхозугодья чамзинской и ермензинской мордвы, — это ручей, протекающий по оврагу Седлей в «Геометрическом атласе Симбирской губернии Алаторскаго уезда», а на современной карте — ручей, протекающий в южной части села Старое Чамзино Большеигнатовского района Республики Мордовия и впадающий в реку Пьяну. Речка *Ковлейка* идентифицируется с верхней частью речки *Митровки* на карте А. И. Менде, а на современной карте — с верхней частью речки Чечеры, левого притока реки Пьяны. Речки *Мумобрелей* и *Ламбрелелей*, а также овраг *Ломаврелей*, по всей видимости, одна и та же речка, которая идентифицируется с нижней и средней частью речки Чечера.

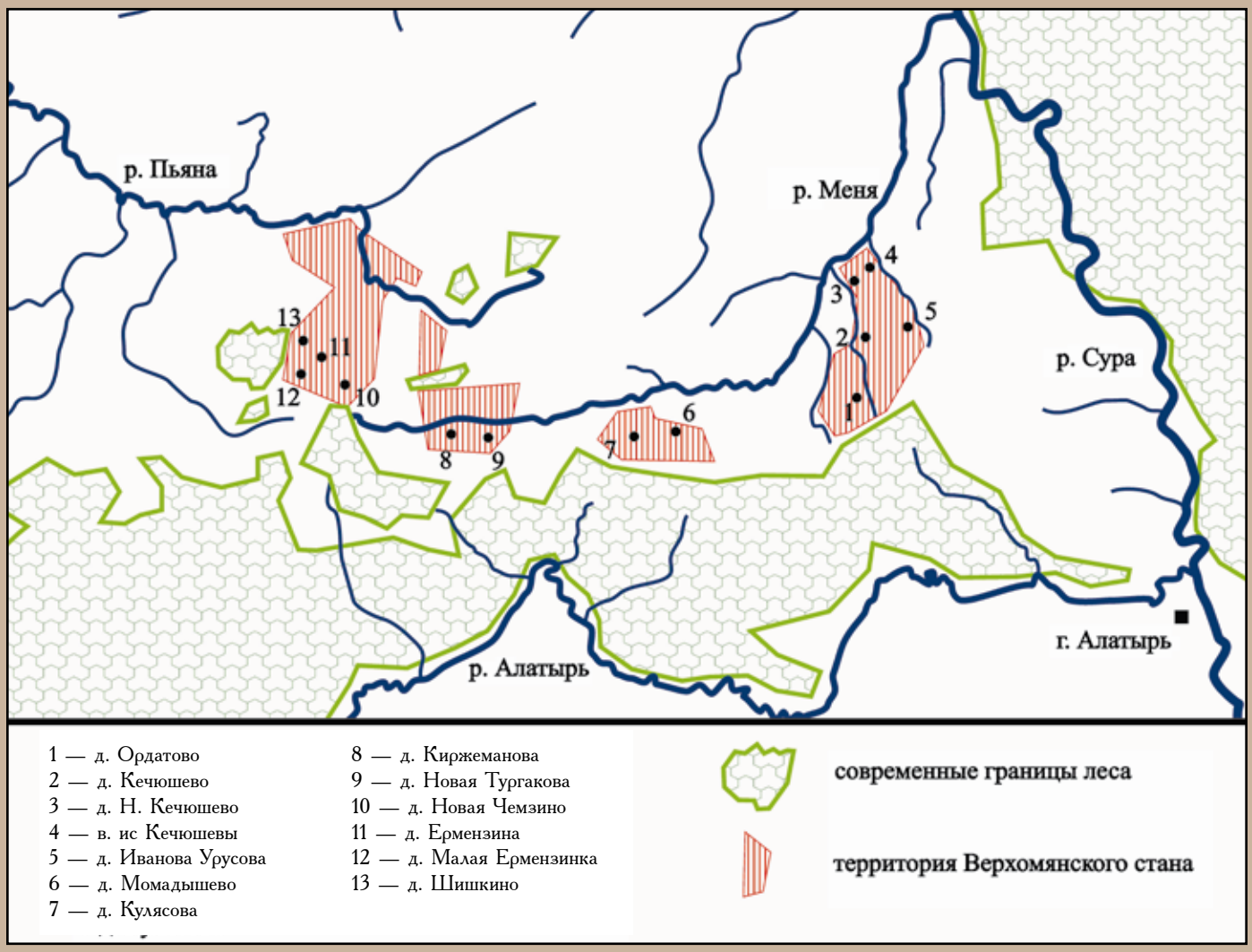
Построенная модель речной системы вокруг деревень Новая Чемзино, Ермензина и Шишкино полностью подтверждает их идентификацию А. А. Гераклитовым. Единственный вопрос, который возникает, — расположение выставки из деревни Ермензина — «деревни Малая Ермензинки на речке на Чювашлее». Исходя из названия выставки, состоявшей из двух дворов, она располагалась либо выше, либо ниже по течению от деревни Ермензина. Учитывая, какая чересполосица земель всех трех деревень была в пойме реки Мумобрелея, можно предположить, что выставка находилась к юго-западу от деревни Ермензина, т. е. выше по течению речки Чувашлея (карта 4).

Карта 4. Район деревень Новая Чемзино, Ермензина и Шишкино

Этими деревнями в «Книге мордовских земель» заканчивается перепись Верхомянского стана и начинается описание «мордвы Верхопьянской». В целом пространственная модель Верхомянского стана Алатырского уезда 1620-х гг. представлена на карте 5.

Так как большинство географических описаний писцовых книг Д. Ю. Пушечникова делалось со слов местных жителей, мы можем в определенной степени выделить некоторые особенности географической картины мира жителя той эпохи — в нашем случае мордвина начала XVII в. Основа его мировосприятия — река, относительно которой выстраиваются все остальные пространственные элементы, а также лес как непременная часть его хозяйственной жизни. Все мордовские населенные пункты Верхомянского стана основывались на берегах рек и речек, истоки которых брали начало в лесу. То есть весь стан располагался, по терминологии того времени, «под Большим мордовским чорном лесом».

В целом, как мы видим, использование картографического построения позволило внести ряд изменений в существовавшее до этого представление о географии этого стана, особенно в области месторасположения некоторых деревень (Нижнее Кечюшево, Момадышево, Кулясова, Новая Тургакова и Малая Ермензинки). Характер расположения сельхозугодий также говорит о том, что часть селений до 1620-х гг., по всей видимости, смещалась в пределах стана. Скорее всего, деревня Киржеманова раньше располагалась в районе впадения речки Чюрдоклей в реку Пьяну, а деревня Новое Чемзино находилась на левом берегу реки Пьяны напротив впадения в нее речки Пьянки.



Карта 5. Территория Верхомянского стана Алатырского уезда в 1620-е гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Юрчёнков В. А.** Александр Александрович Гераклитов — основоположник научного изучения истории мордовского народа // Гераклитов А. А. Избранное : в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 7, 36.
[2] **Гераклитов А. А.** К вопросу о границе между «мокшей» и «эрзей» в начале XVII в. // Гераклитов А. А. Избранное. Ч. 1. С. 136.
[3] **Гераклитов А. А.** Алатырская мордва. По переписям 1624 — 1721 гг. // Гераклитов А. А. Избранное. Ч. 1. С. 354.
[4] См.: Геометрической Атлас Симбирской губернии Алаторскаго уезда [Электронный ресурс]. URL: http://maps.southklad.ru/plany-generalnogo-mezhevaniya (дата обращения — 15.12.2015).
[5] См.: Топографическо-межевая карта Симбирской губернии (1859 — 1861 гг.) А. И. Менде [Электронный ресурс]. URL: http://nipol.ucoz.ru/load/kartografija _ nizhegorodskaja/simbirskaja _ gubernija/topograficheskaja _ mezhevaja _ karta _ mende _ simbirskoj _ gubernii/148-1-0-2687 (дата обращения — 15.12.2015).
[6] См.: Топографические Карты России и СССР // http://parasite.kicks-ass.org/vBulletin/showthread.php?t=220 (дата обращения — 15.12.2015).
[7] Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3535 (далее — РГАДА).
[8] См.: **Гераклитов А. А.** Алатырская мордва. С. 357.
[9] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3535. Л. 111 об.
[10] Там же. Л. 4 об — 5 об.
[11] См.: **Гераклитов А. А.** Алатырская мордва. С. 390.
[12] Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевича Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Р-3371. Л. 306 об.
[13] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3535. Л. 5 об — 6 об.
[14] См.: **Гераклитов А. А.** Алатырская мордва. С. 406.
[15] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3535. Л. 6 об — 7 об.
[16] Там же. Л. 7 об — 9.
[17] Там же. Л. 9 — 10 об.
[18] См.: **Гераклитов А. А.** Алатырская мордва. С. 424.
[19] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3535. Л. 10 об.
[20] Там же. Л. 10 об — 12.
[21] Там же. Л. 12 — 13.
[22] См.: **Гераклитов А. А.** Алатырская мордва. С. 414.
[23] Там же. С. 451.
[24] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3535. Л. 13 — 14 об.
[25] Там же. Л. 14 об — 15.
[26] Там же. Л. 15 об — 16 об.
[27] См.: **Гераклитов А. А.** Алатырская мордва. С. 453.
[28] Там же. С. 411.
[29] Там же. С. 408.
[30] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3535. Л. 16 об — 17 об.

Дмитрий Викторович Фролов

ЦАРСКИЙ УКАЗ 1685 г. О СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ МЕЖДУ САРАНСКИМИ ПОМЕЩИКАМИ*

До середины XVII в. дворянская конница была главным русским войском, несшим все тяготы войны. Дворяне служили со своих поместий и вотчин и должны были являться на военную службу по призыву власти «конны, людны и оружны» — на своем коне, в сопровождении лично вооруженных слуг, в своем обмундировании и со своим провиантом.

Во второй половине XVII в. Саранский уезд стал одним из центров быстро растущего помещичьего землевладения. В 1678 г. за дворянами значился 2 641 двор крепостных, к 1701 г. помещики в Саранском уезде владели 2 886 дворами. В среде дворян постепенно утрачивалась прямая связь между службой и ее вознаграждением: поместья оставались за родом даже в том случае, если его представители перестали нести службу. Права распоряжения поместьями все больше расширялись (передача в качестве приданого, мена и др.), т. е. поместье теряло черты условного землевладения и приближалось к вотчине, с которой у него в XVII в. сохранялись формальные различия. Вся земля находилась в собственности духовных и светских феодалов, дворцового ведомства и государства. По подсчетам доктора исторических наук Я. Е. Водарского, бояре и дворяне уже к последней четверти XVII в. сосредоточили в своих руках 68 % крестьянских дворов. К тому времени в незакрепощенном положении находилась лишь десятая часть тяглого населения России. Архиереям и монастырям во второй половине XVII в. принадлежало до 20 % тяглых дворов (всего, по разным подсчетам, до 150 тыс. дворов.). Оставшиеся 12 % принадлежали лично царю и государству[1].

Через 20 лет после строительства кремля, т. е. к 1661 г., в Саранском уезде насчитывалось 332 человека дворян, детей боярских и служилых татарских и мордовских мурз, и все они служили «со своих поместий». Именной состав русской поместной конницы XVI — XVII вв. можно узнать из «десятен» — списков служилых людей «по отечеству» определенного уезда («служилого города»). Время сохранило две саранско-атемарские десятни — 1669 — 1670 гг. и 1679 — 1680 гг., из которых известны не только саранские дворяне XVII в. поименно, но и их вооружение, правительственные награды, и те войны, в которых они приняли участие. Дворяне и дети боярские назывались «служилыми по отечеству», поскольку военная служба передавалась от отца к сыну вместе с поместьем. Жизнь дворянина XVII столетия была очень сложной, иногда он годами не покидал действующее войско.

В поход помещик впервые брал сыновей с достижения ими 15 — 18 лет, в этом возрасте и начиналась «служба государева», которая делилась на 3 неравные категории. Первая — «дальняя служба» — участие в войнах, которые вело Русское государство (например с Польшей); вторая — «береговая служба» (разделялась на собственно береговую, проходившую по берегам рек, и полевую — охрана границ, т. е. Саранской засечной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Юридическая лексика русского языка XI — XVII вв.: Опыт комплексного словаря-справочника»), проект № 13—04—00366.

черты от набегов кочевых орд); третья — «осадная служба или городовая». Осадная служба неслась «с земли» малопоместными людьми. На нее также переводились те, кто уже не мог в силу старости, болезни или ранений нести полковую службу, в этом случае часть поместья могли отобрать. Денежное жалование числившимся в осадной службе не полагалось.

В Саранской десятне 1669 — 1670 гг. русских дворян и детей боярских, служилой шляхты, мордовских и татарских мурз значилось всего 625 человек (русских — 416). Годных к службе 395 (из которых 2 даточных человека вместо 2 увечных). Погибли на войнах и умерли — 185. Переписались служить по иным городам (Москва, Пенза, Симбирск, Астрахань) — 27. Постриглись в монастыри — 4. Отставлены по старости и увечьям — 5. «Дряхл» — 1. «Без ума, не служил» — 1. «Слепы» — 2. Взяты в плен — 2. «Пропали безвестно» — 5[2]. Как видно из десятни, все поверстанные поместными и денежными окладами русские дворяне несли дальнюю полковую службу. Их неверстанные дети, служившие с отцовских поместий, были как в дальней, так и в осадной службе. Полковые мурзы и татары несли осадную и, реже, дальнюю службы. Все шляхтичи-иноземцы служили на восточных границах, участвовали в войнах с башкирами и кочевыми ордами. Все 150 мордовских мурз (из которых верстаны были только 15) несли станичную (полевую) службу.

В XVII в. в каждом городе существовало разделение помещиков на три категории. Лучшие представители уездных детей боярских служили в чине выборных дворян и являлись высшим слоем городового дворянства. Средний чин провинциальных дворян носил наименование дворовых детей боярских, низший и наиболее многочисленный слой представителей самых бедных, малопоместных дворян носил название городовых детей боярских. Обыкновенно, в войске представители государева двора, в том числе выборные дворяне, выступали в качестве офицерского корпуса, а дворовые и городовые — представляли собой рядовой состав дворянской конницы. Отличало выборных дворян то, что они чередовали службу в столице и в «посылках» со службой «с городом», т. е. со своим уездом[3].

Отношения внутри «городовой корпорации» детей боярских одного служилого города были сложными и далеко не всегда мирными. Различный социальный статус, местничество, древность и захудалость родов, давние семейные и родовые распри, имущественные отношения, соседние поместные земли часто делали часто, жизнь внутри служилого сословия далекой от идеала мирного сосуществования.

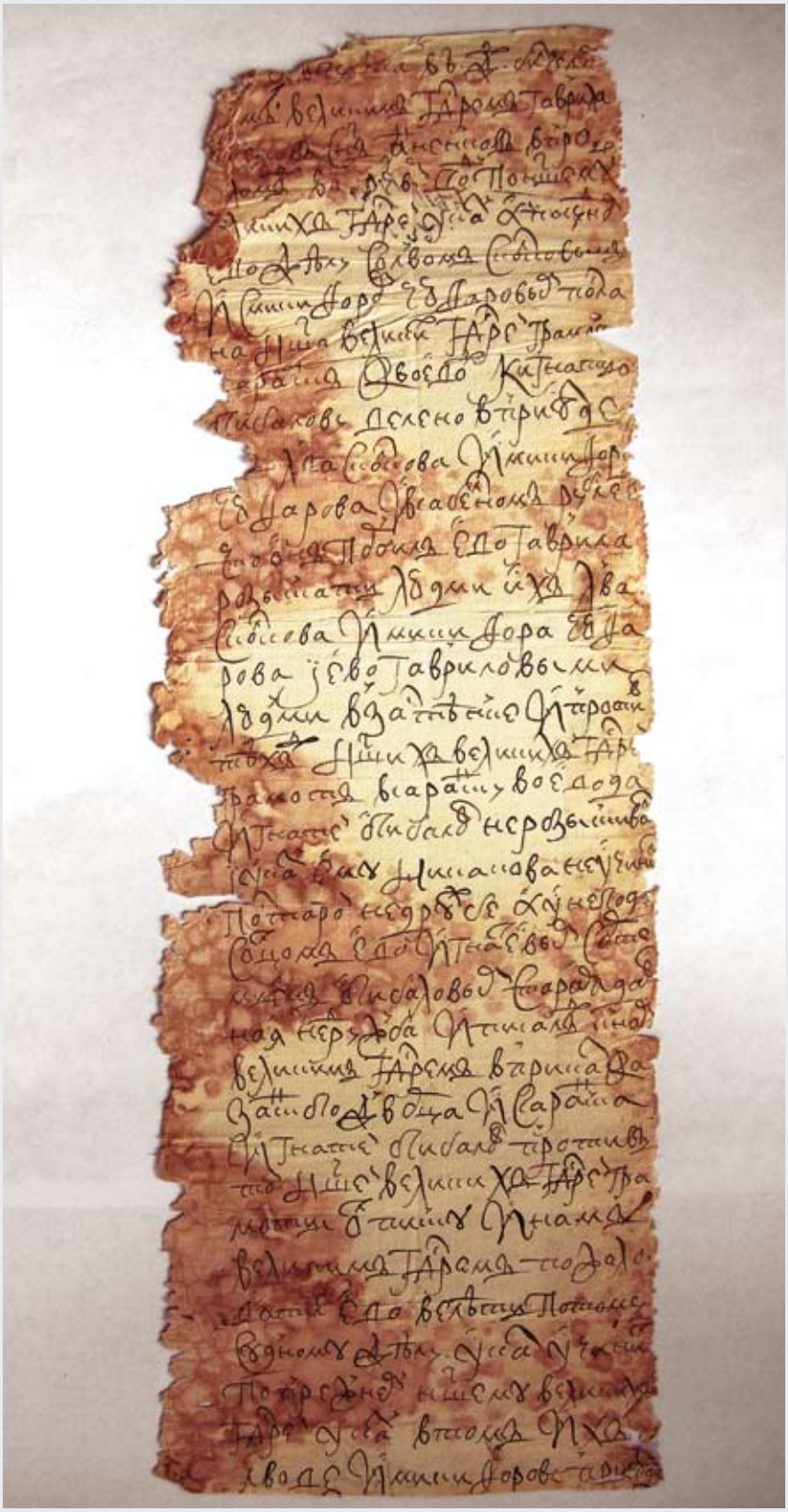
Подобное положение дел иллюстрирует следующая царская грамота.

Царская грамота (без начала) в Саранск от 8.10.1685 г. о произведении розыска в обход городового воеводы Огибалова по судному делу Анненкова со Сколковым и Чуфаровым о приезде их и «сабельном рублении Анненкова*

(РГАДА. Ф. 1156. Саранская приказная изба. Оп. 1. Ч. II. Д. 114. Л. 1 — 2)

[отсутствует начало документа] ...августа а въ 4 *день* бил челом/ намъ великимъ государемъ Гаврила/ [утрата части документа] ...еновъ(?) сынъ Анненковъ в прош/ломъ во 192 (1684 г. — *Д. Ф.*) *году* по нашему/ великихъ государей *указу* а по *судному*/ ево дѣлу со Львом Сколковымъ/ и с Микифором Чюфаровым посла/ на наша великих государей грамота/ [въ] Саранскъ к воевод*е* к Игнатею/ Огибалову велено в присуде/ ...Льва Сколкова и Микифора/ Чюфарова и в сабелномъ *рубление*/ что онъ по*рубил* ево Гаврила/ розыскати людьми ихъ Льва/ Сколкова и Микифора Чюфа/рова и ево Гавриловыми/ людьми в застѣнке и против/ тѣхъ нашихъ великихъ государей/ грамотъ в Саранску воевода/ Игнатей Огибалов не розыскивал/ и *указу* ему никакова не учинил/ по старой недружбе а у него де/ с *от*цомъ ево Игнат*ь*евым с Орте/миемъ Огибаловым старая дав/ная недружба и писалъ къ нам/ великим государемъ в приказ Ка/занского дворца ис Саранска/ Игнатей Огибалов против/ той нашей великихъ государей гра/моты *от*писку и намъ/ великимъ государемъ пожало/вати ево велѣти по тому/ судному дѣлу указ учинить/по прежнему нашему великихъ/ государей *указу* в томъ ихъ/ Львове и Микифорове приезде// и с сабелномъ рубление что онъ/ Левъ Сколковъ по*рубил*ъ ево Гаври/ла львовыми и микифоровыми/ людьми розыскати в застѣнке/ и потомъ дати ему нашу великих/ государей грамоту мимо саранского/ воеводы пото*му* что де саранской/ воевода Игнатей Огибалов по ста/рой недружбе на него посягаетъ/ и *указу* ему Гаврилу никакова/ не чинит и какъ к тебѣ ся наша/ великихъ государей грамота придет/ и ты*б* по прежнему и по сему/ нашему великихъ государей *указу*/ про присудъ и про увѣчие исца/ Гаврила Анненкова что искал/ онъ на Лвѣ Сколкове и про людей/ ево и крестьян и про отборые/ лошади и про грабеж велѣл взят/ для розыску людей их и крестиянъ/ на которых накожи они истец и *от*вѣ/тчикъ слали розыскал про все/ тѣми их людьми и крестияны а что/ по розыску учинено будет и о том/ к намъ великимъ государемъ писал/ а *от*писку и розыскъ и с того/ розыску перечневую выписку/ за своею рукою велѣлъ подат в при/казе Казанского дворца кравчему/ нашему князю Борису Алексѣе/вичю Голицыну с товарищи./ Писанъ на Москвѣ лѣта 7194-*го* (1685 г. — *Д. Ф.*)/ октября въ 8 *день*// [Помета на обороте:] Смотрѣл Мишка Саранов

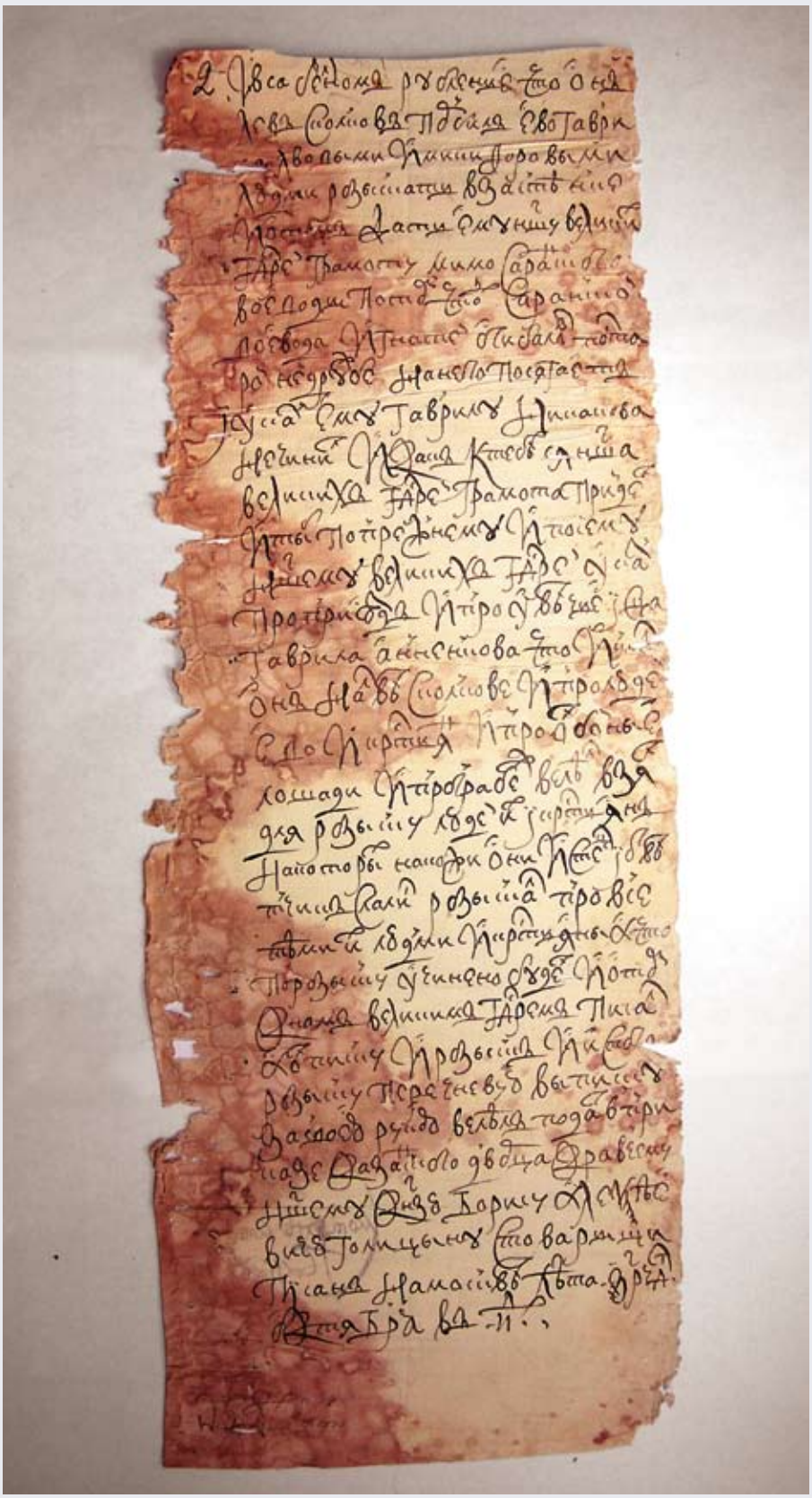
* Текст публикуется впервые. Здесь и далее курсивом обозначены выносные надстрочные буквы, сокращенные слова и слова под титлами приводятся полностью, / — конец строки, // — конец листа.



Царская грамота в Саранск от 8 октября 1685 г. о произведении розыска в обход городового воеводы Огибалова по судному делу Анненкова со Сколковым и Чуфаровым о приезде их и «сабельном рублении Анненкова. Публикуется впервые
(источник: РГАДА. Ф. 1156. Оп. 1. Ч. II. Д. 114. Л. 1)

Из данного документа (а также из других) становится очевидной суть дела: Лев Сколков и Никифор Чуфаров как друзья и помещики, владевшие соседними землями на территории современных Ромодановского и Лямбирского районов Мордовии, приехали во владенья помещика же соседа Гаврилы Анненкова, где в результате земельного или иного конфликта Лев Сколков нанес увечья Гавриле Анненкову «сабельным рублением». Едва ли это можно назвать поединком нескольких благородных людей, скорее всего, как это видится из содержания грамоты, два помещика приехали в соседнюю усадьбу с толпой вооруженных холопов, поскольку был не только порублен владелец деревни Анненковой (возможно, со своими людьми), но и усадьба подверглась грабежу, так как в документе говорится «про людей ево и крестьян и про отборые лошади и про грабеж».

Далее из документа становится ясным, что Анненков пишет челобитные в Москву о проведении расследования. Затем из приказа Казанского дворца присылаются грамоты, удовлетворяющие его требования, однако саранский воевода стольник Игнатий Артемьевич Огибалов не проводит расследования («против тѣхъ нашихъ великихъ государей грамотъ в Саранску воевода Игнатей Огибалов не розыскивал и указу ему никакова не учинил») по причине личной «недружбы» с Анненковым, поскольку, как узнаем из документа, «а у него де с отцомъ ево Игнатьевым с Ортемиемъ Огибаловым старая давная недружба». Таким образом, саранский воевода Игнатий Огибалов, не проводя расследование, которое требовалось по грамотам правительства царевны Софьи, видимо, решает свести старые семейные счеты за некую «обиду» еще своего отца. Указание на воеводство Огибалова, позволяет уточнить начало данного дела — не ранее 1684 г.,



Царская грамота в Саранск от 8 октября 1685 г. о произведении розыска в обход городового воеводы Огибалова по судному делу Анненкова со Сколковым и Чуфаровым о приезде их и «сабельном рублении Анненкова. Публикуется впервые
(источник: РГАДА. Ф. 1156. Оп. 1. Ч. II. Д. 114. Л. 2)

поскольку на воеводстве в Саранске в 1682 — 1684 гг. был стольник Иван Юрьевич Леонтьев, видный полководец и участник Крымского похода, а ему на смену назначается как раз И. А. Огибалов бывший на воеводстве в 1684 — 1685 гг. (повторно упоминается как саранский воевода в документах 1686 — 1689 гг.).

В Москве находят «соломоново решение». Игнатий Огибалов, будучи, как это видно из дат его полномочий, приближенным круга царевны Софьи, не наказывается за пренебрежение царскими указами, отвечая на них некими отписками. Однако удовлетворяются и требования истца Гаврилы Анненкова — по данному документу от 8 октября 1685 г. велено «дати ему... грамоту мимо саранского воеводы потому что де саранской воевода Игнатей Огибалов по старой недружбе на него посягаетъ». То есть правительство, осознавая беззаконные действия воеводы, все равно оставляет его на своем месте, но при этом «жалует» истца, повелевая дать ему суд «мимо» воеводы, при этом «взят для розыску людей их и крестиянъ на которых накожи они истец и отвѣтчикъ слали розыскал про все тѣми их людьми и крестияны а что по розыску учинено будет и о том к намъ великимъ государемъ писал».

Данный документ, приоткрывая завесу времени, позволяет увидеть картину злоупотреблений, что творились в провинции во времена регентства царевны Софьи.

Юридическая лексика, соответствующая содержанию статей Соборного Уложения 1649 г., включает названия официальных учреждений и документов, например: *приказ Казанского дворца*, *указ*, *грамота*; уголовные термины: *грабеж*, *истец*, *ответчик*, *розыск* и др.

Приказ Казанского дворца в документе употреблен в значении «учреждение, имевшее в своем ведении

какой-либо круг государственных дел, какую-либо отрасль дворцового хозяйства, или ведавшее отдельными областями государства». Таково четвертое значение слова «приказ» в «Словаре русского языка XI — XVII вв.»[4]. Как известно, приказ Казанского дворца ведал землями в Поволжье и «понизовыми городами», куда входил и Саранск.

Термин *челобитье* или терминосочетание *бить челом* в приказном языке имеет много значений, прежде всего, это просьба или жалоба, подаваемая центральным или местным властям. По Соборному Уложению это «условное название любой жалобы истца, в том числе служащее основанием для возбуждения состязательного (гражданского) процесса»[5]. В Уложении зафиксировано непосредственно 11 видов челобитных, из других правовых памятников известно значительное количество иных видов данного документа.

Термин *указ* употреблен в прямом значении царского указа, распоряжения.

Термин *грамота*, исходя из контекста «посла/на наша великих государей **грамота**/ [въ] Саранскъ к воеводе к Игнатею/ Огибалову велено... розыскати», употребляется в четвертом значении «деловой документ, акт, грамота»[6].

Терминосочетание *за своею рукою*, имеет значение подписи, заверяющей подлинность содержания документа, т. е. шестого значения слова «рука», фиксируемого в «Словаре русского языка XI — XVII вв.»[7].

Перечневая выписка — «различного рода краткие сводки основных данных»[8].

Отписка, в контексте «а что/ по розыску учинено будет и о том/ к намъ великимъ государемъ писал/ а **отписку** и розыскъ... за своею рукою велѣлъ подат в при/казе Казанского дворца» соответствует первому значению слова, зафиксированного в «Словаре русского языка XI — XVII вв.»: «письменное уведомление, донесение, распоряжение», в данном контексте это письменное донесение»[9].

Термин *розыск* имеет основное значение «расследование»[10]. В данное терминологическое гнездо входят однокоренные слова *розыскивати*, *разыскати*: «и против/ тѣхъ нашихъ великихъ государей/ грамотъ в Саранску воевода/ Игнатей Огибалов **не розыскивал**/ и указу ему никакова не учинил/ по старой недружбе а у него де/ с отцомъ ево Игнатьевым с Орте/миемъ Огибаловым старая дав/ная недружба». Термин *не розыскивал* реализовывается в третьем значении — «не проводил расследования»[11].

Термин *присуд* — «посла/на наша великих государей грамота/ [въ] Саранскъ к воеводе к Игнатею/ Огибалову велено в **присуде**/ ...Льва Сколкова...» — как нам видится, в публикуемом документе употреблен в первом значении — «территориально-административная единица, округ, находящийся в чьем-либо ведении в отношении суда и управления»[12], что подтверждается контекстом: «и потомъ дати ему нашу великих/ государей грамоту мимо саранского/ воеводы потому что де саранской/ воевода Игнатей Огибалов по ста/рой недружбе на него посягаетъ...».

Термин *застенок* употреблен в третьем из шести приводимых значений — «место пыток, застенок»[13].

Термин *посягать* в отрывке «потому что де саранской/ воевода Игнатей Огибалов по ста/рой недружбе на него посягаетъ/ и указу ему Гаврилу никакова/ не чинит» реализуется в третьем значении — «злоумышлять, действовать против кого-либо», аналогичный пример приводится и в словаре: «А то соцким и волостным людем сказывать, чтобы они в скасках своих торговых и ремесленных людей никого не таили, и никому не норовили ни которыми делы, также никто ни на кого по недружбе напрасно не посягали»[14].

Терминосочетание *судное дело* используется в десятом значении слова *дело* — «судебное или административное разбирательство; судебный процесс. Тяжба»[15].

В контексте «что искал/ онъ на Лвѣ Сколкове и про людей/ ево и крестьян и про **отборые**/ лошади и про грабеж» термин *отборные* употреблен в незафиксированном словарем значении — «отобранные», т. е. в четвертом значении, зафиксированном у слова *отбирати* — «силой, с боем отнимать»[16].

Термин *ответчик* употребляется в зафиксированном значении — «тот, кто привлекается судом к ответу, ответчик»[17].

Термин *истец* зафиксирован в первом значении — «истец»[18] или «проситель, податель жалобы»[19].

Термин *искати* в контексте «про увѣчие исца/ Гаврила Анненкова что **искал**/ онъ на Лвѣ Сколкове» употреблен в четвертом значении — «добиваться судом чего-либо, предъявлять иск на что-либо»[20].

Термин *увечье* в приводимом выше отрывке употреблен в прямом значении данного слова — «увечье», очевидно, исходя из контекста, полученное «сабельным рублением» и в то же время, видимо, как плата за полученное увечье.

Термин *грабеж* в контексте «про увѣчие исца/ Гаврила Анненкова что искал/ онъ на Лвѣ Сколкове и про людей/ ево и крестьян и про отборые/ лошади и про **грабеж** велѣл взят/ для розыску людей» употреблен в первом значении — «грабеж», хотя нельзя исключать и второго значения — «награбленное имущество», поскольку слово *грабеж* употребляется рядом со словосочетанием «отборые лошади»[21].

Обе сохранившиеся саранско-атемарские десятни (1669/70 и 1679/80 гг.) дают некоторую интересную

информацию о фигурантах этого дела 330-летней давности. Самые подробные сведения в документах содержатся о Никифоре Чуфарове и его семье. Так, в десятне 1669/70 гг. мы находим его самого и его отца — Афанасия Васильевича Чуфарова[22], который значится среди элиты саранского служилого города — в числе выборных дворян с окладом в 490 четей земли и 17 рублей деньгами.

При проведении «разбора» всех дворян уезда саранским воеводой (в 1669 — 1670 гг.) князем Никитой Ивановичем Приимковым-Ростовским и подьячим с приписью Гаврилой Пичегиным из 625 человек «служилых по отчеству» только 31 человек зафиксирован среди «служащих по выбору». Всего выборных в списке 31 человек. Поместные и денежные оклады от 1 000 четвертей земли и деньгами 79 рублей до 400 четвертей и деньгами 12 рублей в год. Убиты в разных походах — 2. Умер — 1. Переписался по иным городам (Москве) — 1 (Панкрат Васильевич Нечаев). Отставлены за увечья и по старости — 3 (оставлены формально нести службу по городу). Годных к службе — 24.

В конце десятни в особом списке среди атемарцев дворян и детей боярских, «которые в прошлых годех, со 160 (1651 — 1652 гг., видимо, год составления первой, несохранившейся Атемарско-Саранской десятни. — *Д. Ф.*) году, померли и великого государя на службе побиты и по иным городам служить переписались» значатся еще 26 выборных дворян, версставшихся по Саранску и Атемару. Из наиболее знатных 2 князя Болховских — Андрей и Григорий Ивановичи и князь Григорий Брешевич Еникеев. Умерли дома — 16. Умерли и убиты на службе в походах — 6. Убит дома — 1. Утонул — 1. Постригся в монахи — 1. Переписался «по иным городам» (Симбирск) — 1.

Таким образом, всего в десятне 1669/70 гг. из 625 имен выборных дворян значатся 57 человек. Из них годных к службе — 24. Отставлены по старости и увечьям — 3. Переписались по иным городам — 2. Постриглись в монастырь — 1. Умерли и убиты — 27.

Про отца обвиняемого Никифора Чуфарова — Афанасия Васильевича Чуфарова, служившего среди выборных дворян десятня дает такие сведения: «Переписался по Атемару во 158-м году (1650 г.), а велено ему служить по дворовому в прежнем его поместном и денежном окладе; а оклад ему 400 четей, денег с городом 12 рублей. Да ему ж, Афанасью, великого государя по грамоте 159 году (1651 г.) велено служить из дворовых по выбору в прежнем его поместном и денежном окладе. Да великаго государя по грамоте 168 году (1660 г.), велено его, Афанасья, из городовых из 14 рублев, написать вновь из чети в 10-ти рублях. Да ему ж, Афанасью, по той великого государя грамоте, за литовскую службу, к прежнему его окладу, к 400-м четям поместной придачи 50 четей, денег к 10 рублям, 3 рубли с полтиною. Всего ему Афонасью, поместного окладу 450 четей, денег 13 рублев с полтиною. 179 году (1671 г.), прислана великого государя грамота, а по той великого государя грамоте, велено, вместо Афанасья Чуфарова служить великого государя службу сыну его Борису»[23].

Сам Никифор Афанасьевич Чуфаров значится в документе 1670 г. среди «детей боярских неверстанных, служащих по Атемару по великого государя грамотам с отцовских поместий»[24].

Высокое положение отца позволяет Никифору Чуфарову быть вторым в списке окладчиков в следующей по времени Саранско-Атемарской десятне 1679/80 гг.[25]

Большую роль в составлении десятен играли окладчики. Они выбирались уездными детьми боярскими из своего состава (как из выборных, так и из дворовых и городовых дворян). Окладчики свидетельствовали о происхождении, земельных владениях, службе и окладах всех уездных дворян, выступали поручителями в службе, часто определяли размер жалованья и поместного оклада. Эти полномочия обеспечивали привилегированное положение окладчиков в своей уездной корпорации. Кроме того, «окладчики стояли на страже корпоративной чистоты рядов своей уездной служилой организации. В их обязанность вменялось не допускать в ряды служилых людей по отечеству выходцев из тяглых слоев населения, холопов, монастырских слуг, а также стрельцов и казаков, относящихся к служилым людям по прибору»[26].

Если Атемарская десятня 1669/70 гг. имела целью рассмотреть всех служилых людей по отчеству «на лицо», то перед составителями исследуемого документа 1679/80 гг. ставились совершенно иные цели — рассмотреть только рейтар (как правило, это были беднейшие городовые дворяне), а не всю служилую корпорацию; выбрать из них «вновь» копейщиков и переверстать часть помещиков из рейтар в солдатский строй. В оригинале читаем об этом: «В нынешнем во 188-м году, по указу великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексевича и по грамотам и по указным статьям из Рейтарского Приказу, в Саранску, воевода Павел Петрович Языков да подьячий Андрей Степанов, атемарских помещиков и вотчинников русских людей и мурз, и татар, старых рейтар и новиков, которые по разбору прошлого 187 году из городовой службы и из недорослей писаны в рейтары ж, пересмотрели и разобрали с окладчики; а копейщиков выбрали вновь из рейтар, потому что на Атемаре копейщиков наперед сего не было, и, разобрав копейщиков и рейтар, для службы великаго государя расписали по полкам. А кто в копейщики и в рейтары и в солдаты написаны, и что есть за ними поместий и вотчин и сколько за кем крестьян и бобылей и задвор-

ных людей, и за пустопоместными сколько в дачах поместных... и всяких земель... и сколько за кем на службе людей с боем и в кошу (т. е. в обозе. — *Д. Ф.*) будет, и то писано в сем разборном списке под их имяны, ниже сего по статьям»[27].

В 1678 — 1679 гг. большинство саранских бедных городовых дворян, иноземцев и татарских мурз массово поверстали в рейтары. Из 258 человек, значащихся в десятне 1680 г., только 200 оставлены служить рейтарскую службу, из них мурз и татар — 45 человек, или 22,5 % (либо 58 из 258, т. е. также 22,5 %).

В середине XVI — XVII вв. рейтары в Западной Европе были особым родом кавалерии, ведущей бой в правильных, линейных боевых порядках. Основная особенность их способа ведения боя — активное применение пистолетов и карабинов (залповая стрельба) на ближней дистанции к сопернику. В России на смену полков старой дворянской «сотенной» службы начиная со второй трети XVII в. постепенно начинают выходить рейтарские полки, сформированные из многочисленных малопоместных детей боярских и служилых татар. Комплект снаряжения был заимствован у западноевропейских рейтар («аркебузиров») — пара пистолетов, карабин, шишак и двусторонняя кираса. Рейтары могли нормально существовать благодаря высокому «подъемному жалованью» (30 руб. в год) и выдаче казенного комплекта вооружения («рейтарской службы»), а потому почти не зависели от состояния своих поместий.

От момента создания 6 первых рейтарских полков, хорошо проявивших себя в ходе Русско-Польской войны 1654 — 1667 гг., саранские и атемарские помещики служили в трех из них. По неизвестным причинам царь Алексей Михайлович в 1654 г. включил в отборный Государев полк несколько небогатых детей боярских из пограничного Атемара. Кроме того, в 7 — 8 октября 1655 г. атемарцы значатся в тысяче Анца Трауернихта. Но более, чем в двух первых полках, саранские дворяне были в «четвертой тысяче» (полк В. В. Кречетникова). В 1654 и 1655 гг. «четвертая тысяча» действовала в составе Сторожевого полка, в августе 1654 г. временно входила в состав армии князя Трубецкого и участвовала в разгроме Радзивилла, штурме Шклова и т. д. В 1656 г. эта тысяча служила под началом Фанстробеля в Государевом полку, в Рижском походе. Тот же полк Фанстробеля в 1659 г. был и под Конотопом (где почти полностью погиб), на что указывают данные об участии некоторых атемарцев в Конотопском сражении и отметки в Саранско-Атемарской десятне 1669/1670 гг. о гибели многих на литовской службе.

Документ 1680 г. с позднейшими добавлениями дает подробные сведения о фигуранте публикуемого дела Никифоре Афанасьевиче Чуфарове, в данной десятне он записан пятым с поместным окладом в 350 четей и денежным в 12 рублей. «В сказке его написано: служил он, Никифор, великого государя полковую службу лет с 20 (т. е. примерно с 1660 г.), а рейтарскую службу служит со 187 году (1679 г.), по разбору воеводы Павла Петровича Языкова. А поместной земли за ним, в Саранском и в Арзамасском и в Алатырском уездах 183 чети с полчетвериком; а на той поместной земле, в Саранском уезде, бобыльских два двора, а крестьян и задворных людей и мельниц и рыбных ловель и всяких пожиточных угодий и в наем отдаточной земли и сенных покосов нет. А великого государя жалованья, дано: карабин да сабля; да в кошу человек. А братьев и племенников в дому его и иных родственников нет. Окладчики сказали про него тоже, что в сказке его написано»[28]. Рядом в десятне значится его младший брат — Петр Афанасьевич Чуфаров с похожей записью: «служил он великого государя полковую службу с городом лет с 17 (т. е. примерно с 1663 г. — *Д. Ф.*), а по разбору 187 году (1679 г. — *Д. Ф.*) служит рейтарскую службу. Поместной земли в Саранском и в Арзамасском и в Алатырском уездах 305 четей да один двор крестьянской; мельниц и рыбных ловель и всяких пожиточных угодий и оброчных земель нет. Ружья ему из казны выдано: карабин да пара пистолей; лат и шишака не дано. А детей и братьев и племянников и всяких свойственников в дому его нет. На службе великого государя будет на меринке; ружья карабин да сабля; да человек в кошу у него с бердышем. Окладчики сказали про него тож, что и в сказке его написано»[29].

Таким образом, из двух десятен становится понятным положение Никифора Чуфарова. Его отец, будучи выборным дворянином, уже в 1671 г. отставлен от службы по старости, вместо него служит старший сын Борис, который, очевидно, получает большую долю отцовского поместья и остается в числе дворян старой «сотенной» службы, поскольку он не значится в десятне 1680 г., в которой разбираются только дворяне-рейтары, куда попадали, как правило, небогатые и бедные помещики. Никифор Чуфаров с 1660 г. более 10 лет служил неверстанным с отцовского поместья, затем, видимо, по родовой принадлежности был записан в сотенную службу, очевидно, после 1671 г., в которой и находился до рейтарского разбора 1679 г., и, по документу 1680 г., «выбран вновь из рейтар в копейщики», «потому что на Атемаре копейщиков наперед сего не было»[30]. Однако в десятне 1680 г. братья Чуфаровы значатся в самом начале под номерами 5 и 7, т. е. среди самых богатых из помещиков-рейтар. Но из их сказок видно, что, даже имея поместья по 300 четей и более, эти земли было некому обрабатывать — крестьян и бобылей в их владениях крайне мало, всего по 1 — 2 двора.

Другой фигурант дела — сын боярский Лев Сколков в саранских десятнях не зафиксирован. Однако, обратившись к фонду Саранской приказной избы в РГАДА, нам удалось обнаружить один важный документ, в котором упоминается данный человек и также вместе с Никифором Чуфаровым. Из столбца становится ясно, что они были соседями-помещиками. Это царская грамота 1676 г.

Указ царя Федора Алексеевича саранскому воеводе князю Прохору Григорьевичу Долгорукому и подьячему с приписью Василию Петрову об отказе порожжей земли в Саранском уезде дьяку приказа Казанского дворца Михаилу Прокофьеву и подьячим Андрею Покрышкину, Дорофею Лихачеву и Федору Маматову, а также помещикам Савелью Салову, Льву Сколкову, Никифору Чуфарову и Григорию Мартынову*

(РГАДА. Ф. 1156. Саранская приказная изба. Оп. 1. Ч. II. Д. 91. Л. 1 — 7)

[Первый лист документа ветхий, неполный]

...поданъ.../ ка казанского дво[рца].../ Покрышкинъ Дор[офей Лихачев]/ ...Маматов дано/ государя жалованье поместье в Саранском/ уѣзде по одну сторону рѣчки Арефляйки/ пашни по сту по пятидесят четий человеку/ в поле а в дву потомуж а сенных поко/сов к тѣм их дачамъ ничего в отп.../[исных (?)] книгах не написано и по другую сторону/ тоѣ рѣчки Арефляйки к дуброве/ и дубровъ по конец их казачьихъ/ по деревни Пролей Салма против/ их дачъ лежит порожжая земля/ в помѣстье и на оброк никому не отдана/ и намъ великому государю пожалова/тиб их тое землю и дуброву на/ рѣчки Арефляйки что противъ ихъ// дачи велѣл дать имъ в сенные покосы/ по пятисот копен человеку къ их дачам/ да били челом нам великому государю/ Савелей Салов да Лев Сколков Мики/фор Чюфаров Григорей Мартынов нашего/ великого государя жалованья по окладу/ велено за ними помѣстья учинить/ за Савою на пятсотъ на пятдесят/ четей а за Львомъ на триста на пят/десят четий и за ними помѣстья за Савою/ в Резанскомъ да в Вяземскомъ да в Темниковскомъ уѣздех двѣсте семь/десят четий а за Львомъ в Нижегоро/цкомъ да в Саранскомъ уѣздех восьмдесят семь четий без полутрет/ника а за Микифором Чюфаровым в Саранскомъ да в Арзамасском уѣздех/ сто восмьдесят двѣ чети а за Григор/емъ Мартыновымъ в Саранскомъ/ уѣзде пятдесят четий а есть в Саран/скомъ уѣзде к рѣчке Пролей Салмѣ/ по конец их дачь Лва Сколкова да Микифора Чюфарова лежит пороз/жая земля в помѣстье и во оброкъ никому/ не отдана и ныне бьет челом нам великому/ государю дьякъ нашъ Михайло Прокофивъ/ с товарищи по конецъ своих дач// по пятисот копен человеку и намъ/ великому государю пожаловатиб ихъ/ велѣт ис тое порожжие земли что/ останетца за челобитемъ дьяка/ нашего Михаила Прокофива с товарьщи/ дат имъ по пятидесят четий человеку/ в поле а в дву потомуж а в даче и в от/казныхъ книгах отказу атемарца/ Кондратья Булгака да приказные/ избы подьячего Савы Комлева прош/лого 183 (1675 г. — *Д. Ф.*) году апрѣля въ 19 на/писано отказано дьяку нашему/ Михаилу Прокофьеву приказу Казан/ского дворца подьячему Андрѣю Покры/шкину Дорофѣю Лихачеву Федору Мама/тову в Саранскомъ уѣзде сотничья/ земля по писцовым книгам по конец/ саранских казачьих и стрелецких и сторо/жевых поль против их челобитья/ по сту по пятидесят четий в поле/ а в дву потому ж в помѣстье с сенными/ покосы и со всѣми угодьи а по сколку/ копен сенных покосов имъ отказано/ и того в тѣх отказных книгах не напи/сано и какъ к вам ся наша великого/ государя грамота придет и вы б в Саранском// уѣздѣ в выше писанные урочища/ послали ково пригоже а велѣли/ ему взять с собою тутошних и сторон/них людей старостъ и целовалников/ и крестьян сколко человекъ пригож да около/ той порожжей земли велѣл сыскат всяких/ чинов людми русскими по святей непоро/чной евангельской заповеди господни а мур/зы и татары и мордвѣ по их вѣре по/ шерти да будет в сыску обыщите/ люди скажут против челобитья дьяка/ нашего Михаила Прокофива с товарищи/ что та земля порожжая и не владѣет/ ею никто и не мордовская и не ясаш/ная и вы б тое порожжую землю велѣли/ описат и измѣряв в десятины и положит/ в чети а описав ис тое мерные земли/ велѣл отделит дьяку нашему Михаилу/ Прокофиву приказа Казанского дворца/ подячему Андрѣю Покрышкину Доро/фѣю Лихачеву Федору Маматову/ против их челобитя по пятисотъ/ копен человеку сенных покосов в угодье/ къ их помѣстям а что за тѣ/ми сенными покосы по мѣре останетца/ лишние земли велѣл отказат Саве/ Салову Лву Сколкову Микифору Чюфарову/ Григорю Мартынову [утрата части нижней строки]// тидесят четий человеку в поле а в дву пото/муж к старым их помѣстьямъ Саве/ Салову к резанскому да к вяземскому/ да к темниковскому помѣстью к двумъ/ стамъ к семидесят четямъ Лву/ Сколкову к нижегородскому да к саран/скому помѣстью к осмидесят к семи чет/ямъ без полутретника Никифору/ Чюфарову к саранскому да к арзамаскому/ помѣстью к сту к осмидесять/ к двумъ четямъ Григорью Марти/нову к саранскому помѣстью к пятдесят/ четям и въ их оклады Саве Салову/ в пятсот в пятьдесят четий Лву/ Сколкову в триста в пятдесятъ/ четий а что за тѣми дачами останетца/ лишние земли и вы б тое лишнюю/ землю велѣли отписать на насъ/ великого государя до помѣсные отдачи/ да что ис тои земли дьяку нашему/ Михаилу Профьеву с товарьщи/ в угодье сенных покосов и Саве

* Текст публикуется впервые.

Салову/ с товарыщи пашни в помѣстье отказано/ и на нас великого государя отписано будет/ и вы б то все в мѣрные и в отписные/ и в отказные книги велѣл написат/ подлинно порознь да о том к намъ/ великому государю писал и сыскъ/ за обыскных людей и мѣрные и отпис//ные и отказные книги за откащиковою/ и сторонних людей за руками при/слалъ и велѣлъ подать в приказ Казанского дворца боярину нашему/ князю Михаилу Юрьевичю Долго/руково да дьяку нашему / Афонасью Ташлыкову да Петру/ Самоилову. Писан на Москвѣ/ лѣта 7184 (1676 г. — *Д. Ф.*) февраля/ в 16-е.

[В самом низу листа другим почерком и чернилами:]

Посылан Кондратей Булгак да подьячей Артемей/ Полянской и в сыску мѣрные книги отказные де// [строка утрачена] подалъ и посланъ.

[На 7-м листе подклеен черновик воеводской отписки по данной грамоте:]

Государю царю и великому князю Феодору Алексѣевичю/ всеа великия и малыя и бѣлыя Росии само/держцу холопи твои Прохорка Долгору/кова и Васка Петровъ челом бьют. В ныне/шнем Государь во 184 (1676 г. — *Д. Ф.*) году [**между строк** «по твоего Великого Государя указу по грамоте и сыску»] отказана/ в Саранском уѣзде на речке Аре/фляйке порожжая земля дьяку/ Михаилу Прокофьиву с товарыщи/ против их помѣстных дач да Савелью/ Салову Лву Сколкову Микифору Чю/фарову Григорью Мартынову по пят/десят четий человеку в поле а в дву/ потомуж да и сыскъ и отказные/ книги [**между строк** «сенными покосы по тою землю посылал»] к тебѣ Великому Государю царю/ великому князю Феодору Алексѣевичю/ всеа великия и малыя и бѣлыя/ Росии самодержцу к Москве послали/ мы холопи твои июня въ 13 и ве/лели отписку и сыскъ и отказные/ книги подат в приказе Казан/ского дворца боярину князю/ Михаилу Юрьевичю Долгоруково/ да дьяку Афонасью Ташлыкову/ да Петру Самоилову//.

[На обороте седьмого листа почти угасшими чернилами запись в 4 строки из которых не полностью читаются только две первые:]

...отписка и сыскъ... послали/ 184 году июня въ 13 день...

[На обороте первого листа три записи, сделанные разными почерками и разными чернилами:]

В Саранской столнику нашему и воеводе князю Прохору/ Григорьевичю Долгоруково да подьячему Василью/ Петрову[;]

[начало утрачено из-за обрыва] ...подан великому государю[;]

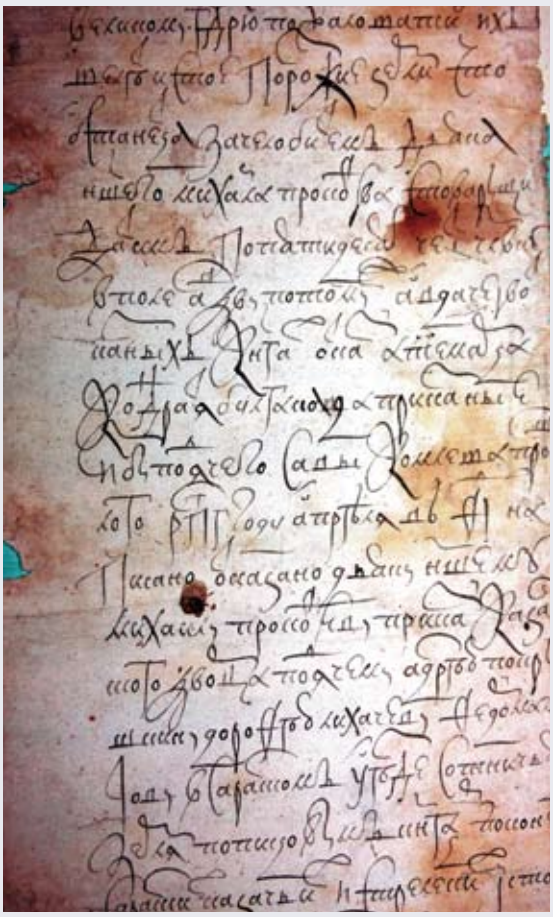
Взято Прокофьивъ// [утрата текста из-за обрыва].

Данный документ очень важен, поскольку позволяет точно локализовать место конфликта и дает информацию о фигурантах дела. Так, упомянутая речка Арефляйка сегодня называется Ришлейкой. По данным государственного водного реестра России, «Ришлейка — река в России, протекает в Лямбирском и Ромодановском районах Республики Мордовия. Устье реки находится в 66 км по левому берегу реки Инсар. Длина реки составляет 19 км, площадь водосборного бассейна 73,6 км^2. Исток реки западнее села Еремеево в Лямбирском районе в 8 км к северо-западу от села Лямбирь. Река течет на восток, протекает села Еремеево и Старая Михайловка, деревни Ханинеевка и Покрышкино. Впадает в Инсар в селе Анненково в 5 км к юго-западу от центра поселка Ромоданово»[31]. Также до сих пор существуют села Большое Чуфарово, Малое Чуфарово и Анненково, расположенные неподалеку друг от друга в Ромодановском районе Мордовии.

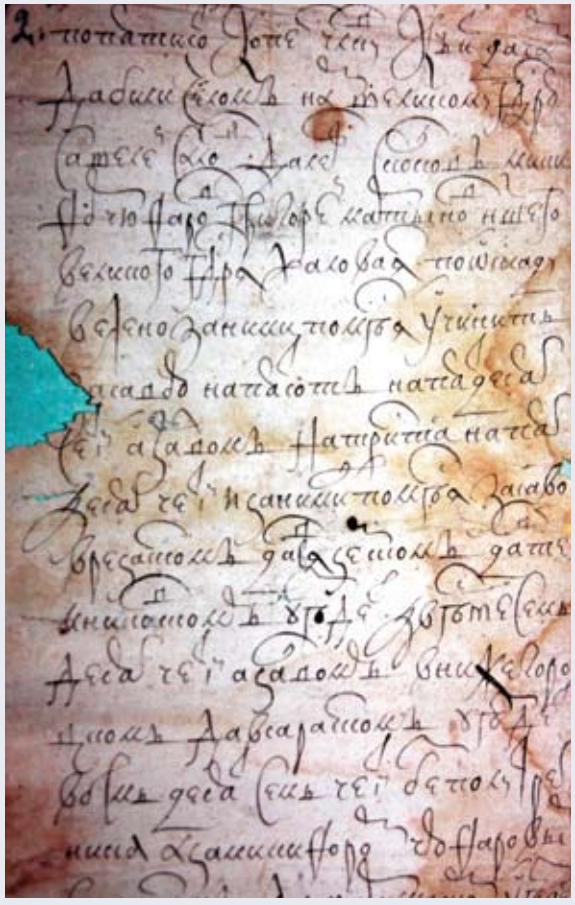
Не затрагивая дьяка приказа Казанского дворца Михаила Прокофьева и подьячих Андрея Покрышкина, Дорофея Лихачева и Федора Маматова обратимся к тем сведениям, которые можно получить о Никифоре Чуфарове и Льве Сколкове. Публикуемый документ дает картину землевладения двух фигурантов дела к 1676 г.: «а за Лвомъ в Нижегородцкомъ да в Саранскомъ уѣздех восьмдесят семь четий без полутретника а за Микифором Чюфаровым в Саранскомъ да в Арзамасском уѣздех сто восмьдесят двѣ чети». Далее читаем: «и намъ великому государю пожаловатиб ихъ велѣт ис тое порожжие земли что останетца за челобитемъ дьяка нашего Михаила Прокофива с товарыщи дат имъ по пятидесят четий человеку в поле а в дву потомуж». То есть по особенности русского землевладения и трехпольной системы оборота данным помещикам жалуется по 150 четей земли («50 четей в поле, а в дву потому ж»). После описания пожалований Михаила Прокофьева со товарищи далее указано: «а что за тѣми сенными покосы по мѣре останетца лишние земли велѣл отказат... Лву Сколкову, Микифору Чюфарову... [утрата части нижней строки]// тидесят четий человеку в поле а в ду потомуж к старым их помѣстьямъ... Лву Сколкову к нижегородцкому да к саранскому помѣстью к осмидесят к семи четямъ без полутретника, Никифору Чюфарову к саранскому да к арзамаскому помѣстью к сту к осмидесять к двумъ четямъ».

Указывается и на обыкновенную для подобных документов необходимость занести все новые пожалования в отказные и мерные книги — «и вы б то все в мѣрные и в отписные и в отказные книги велѣл написат подлинно порознь да о том к намъ великому государю писал».

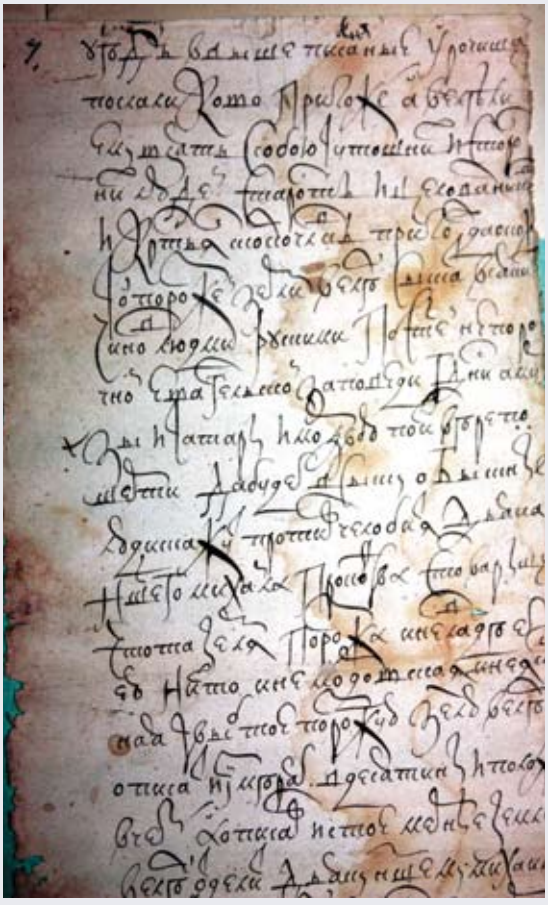
Лист 1



Лист 3

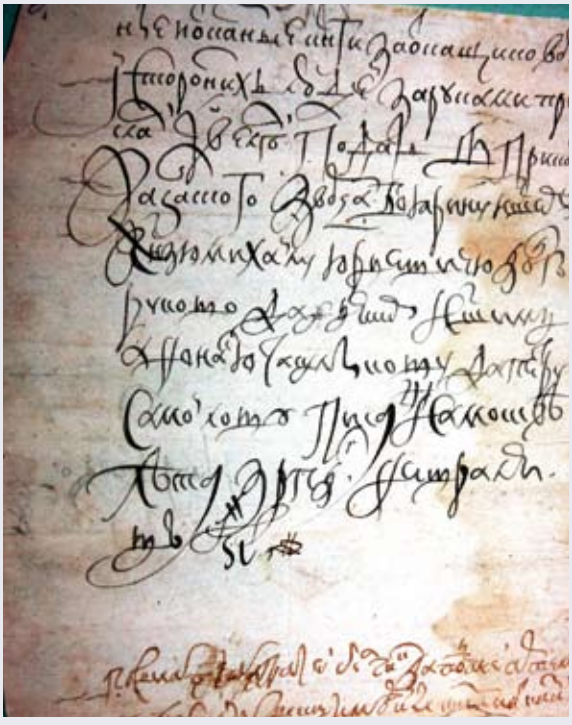


Лист 2

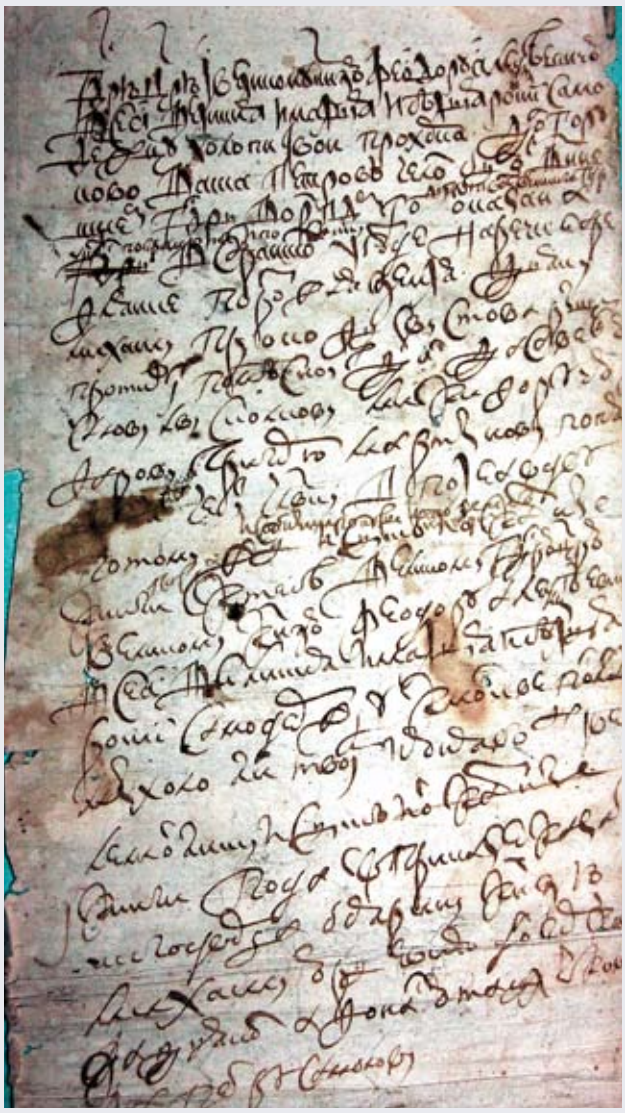


Лист 4

Лист 5

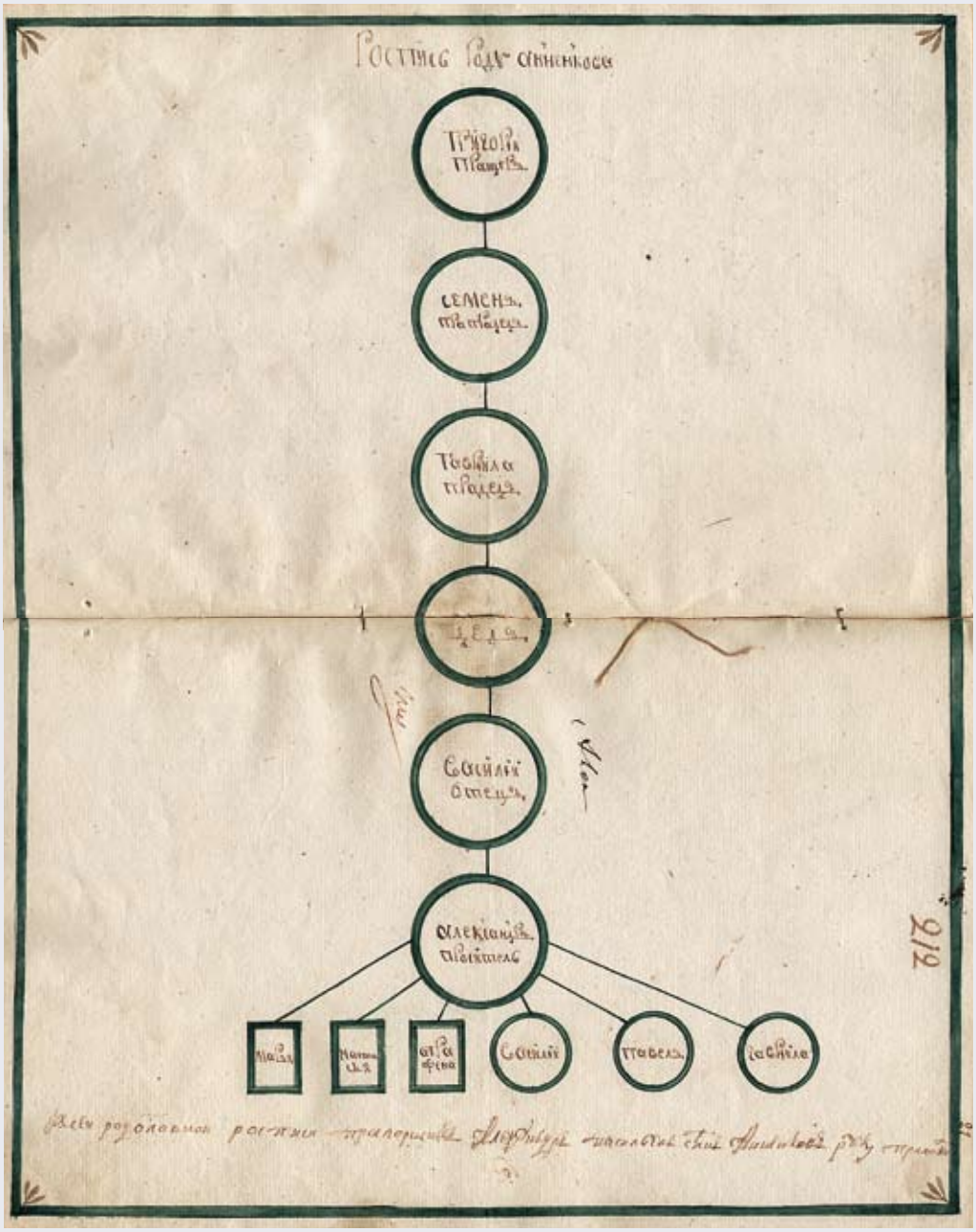


Лист 6



Лист 7

Указ царя Федора Алексеевича саранскому воеводе князю Прохору Григорьевичу Долгорукому и подьячему с приписью Василию Петрову об отказе порожжей земли в Саранском уезде дьяку приказа Казанского дворца Михаилу Прокофьеву и подьячим Андрею Покрышкину, Дорофею Лихачеву и Федору Маматову, а также помещикам Савелью Салову, Льву Сколкову, Никифору Чуфарову и Григорию Мартынову.
Публикуется впервые
(источник: РГАДА. Ф. 1156. Оп. 1. Ч. II. Д. 91. Л. 1 — 7)



Роспись рода Анненковых
(источник: ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 45. Л. 26 об. — 27)

К данному же делу подклеен черновик воеводской отписки в Москву, где сказано, что «в нынешнем, Государь, во 184 (1676 г. — *Д. Ф.*) году по твоего Великого Государя указу по грамоте и сыску отказана в Саранском уѣзде на речке Арефляйке порожжая земля дьяку Михаилу Прокофьиву с товарьщи против их помѣстных дач... Лву Сколкову, Микифору Чюфарову... по пятдесят четий человеку в поле а в дву потомуж да и сыскъ и отказные книги сенными покосы по тою землю посылал к тебѣ, Великому Государю Царю... к Москве... июня въ 13...».

Пострадавший Гаврила Семенович Анненков не был обнаружен в саранских десятнях и других документах из фонда Саранской приказной избы, хотя помещиков Анненковых в документе 1669/1670 гг. зафиксировано 5 персоналий. Однако ни с кем из саранских Анненковых его соотнести нельзя. Так, среди дворовых дворян (средний класс помещиков в каждом служилом городе) значится Федор Власович Анненков с окладом в 350 четей земли и 8 рублей деньгами, который «верстался по Атемару со 150 году (с 1642 г. — *Д. Ф.*)»[32]. Записаны там и среди неверстанных, служащих с отцов-

ских поместий его сыновья Федор Федорович Анненков с пометой «убит» и Борис Федорович[33]. В списке дворян и детей боярских «которые со 160 году (1652 г. — *Д. Ф.*) померли и великого государя на службах побиты» записан Иван Власович Анненков (брат Федора Власовича) с пометой «умер на службе»[34], а среди неверстанных, служаших с отцовских поместий значится Клементий Иванов сын Анненков с пометой «убит»[35].

Однако, обратившись в Государственный архив Пензенской области, удалось обнаружить дело конца XVIII столетия, содержащее родословную Анненковых, с указаниями и разъяснениями, из которых обнаружено множество важных сведений о Гавриле Семеновиче. Так, известно, что он унаследовал от отца поместья в Арзамасском уезде в Завалном стане за Собакинскими воротами в деревне Вонючке (Пузыриха тож) на речке Ливезай около Черной Дубравы смежно с Еделевскими мурзами, в которой пашни 150 четей в Диком поле и половина пустоши Хохловой в 60 четей мерой, а всего 210 четей. Сам же Гаврила Анненков был верстан в 1652 г. по Атемару с окладом поместья в 350 четей на реке Инсаре в Атемарском стане в сельце Светлом (Своитиново тож) у завады Тулупанды у Кривых Лук. По грамоте 1663 г. служил в чине выборных дворян с прежним поместным и денежным окладом. Кроме того, дано ему поместья по отказу 1683 г. там же 25 четей и в 1690 г. в с. Никольском Анненково тож (что прежде было деревней Никитиной) — 37 четей с осминою, а всего 512 четей с осминою[36]. До 1652 г. жил в Карачевском уезде в своей деревне, которую затем продал дьяку Дементию Башмакову, главе Тайного приказа.

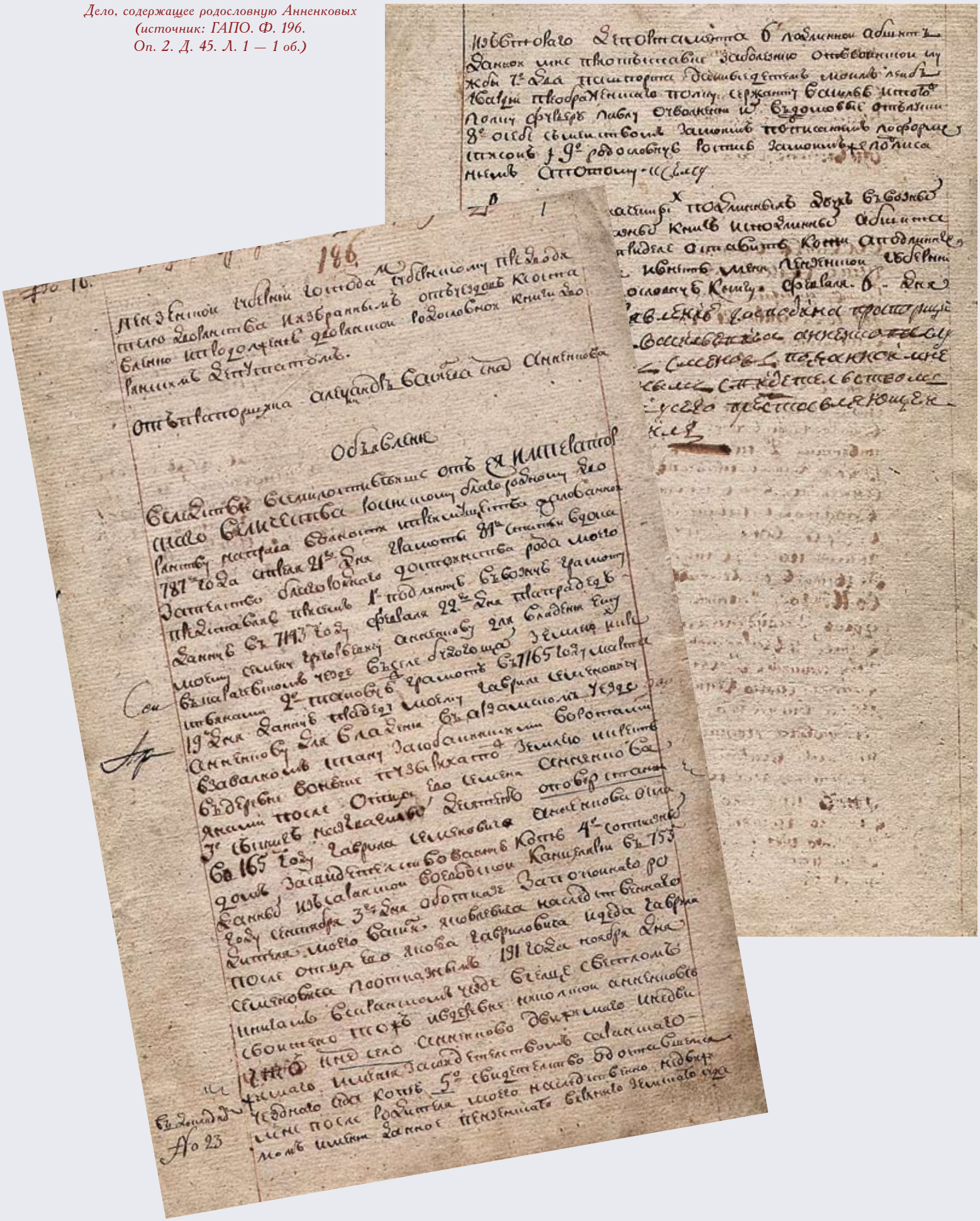
«В исторических и юридических материалах бывшего района приказа Казанского дворца» в 3-м томе (Симбирск, 1902) удалось обнаружить 2 важных документа. Первый 1639 г. — «Раздельная запись между Семеном Григорьевым (отцом Гаврилы Анненкова) и Дмитрием Тарасовым Анненковым»[37].

Се аз Семен Григорьев сын, да аз Дмитрий Тарасов сын Анненков. Государева жалованья у меня, у Семена в Карчевском уезде отца моего выслуженная вотчина в сельце в Бугодиши сто четвертей. А смежная та моя вотчинная земля с его, Дмитриевою поместною землею в одном усаде в том же сельце в Бугодиши с сорока с пятью четвертьми с вотчинною землею в усадех и в полях не разделена. И мы: я, Семен да я, Дмитрий, поговоря меж себя полюбовно впредь для ссоры вотчинную землю отделить от поместной земли и изладили в том меж себя третьева Василия Гавриловича Завыкина пожалывать приехать третьему нашему Василью Гавриловичу в то наше сельцо в Бугодиши и меж нас ту нашу землю разделить в усаде и в полях. Мне, Семену на вотчинную землю на сто четвертей в поле а в дву потому ж, а мне, Дмитрию на сорок на пять четвертей в поле а в дву потому ж, размежевать и межу меж нас учинить и грани поставить и всякие признаки учинить в усаде и в полях. А поставить столбы на полюбовной нашей меж в усаде меж Козлишинова да Петрушина двора поставить столб и с того столба вниз к речке Команице чинить признаки на деревах, а в полях с того столба поставить столб за Ноздревскою ладью, едучи в поле по левую сторону дорожки над старою ямою. А с того столба поставить столбы на большой дороге, а с того столба на общую грань в кусту, а с того куста поставить столб по конец крутого верха на меже, что сеяна рожь к нынешнему сто четыредесят седьмому году, а с того столба прямо межою к Савельевской дорожке. А на дорожке поставить столб, а с того столба по Косляковскую пустошь от речки от Команицы в поля: правая сторона вотчинная, а левая сторона поместная земля. А пожаловать третьему нашему Василию Гавриловичу учинить меж нами всякие признаки и пожаловать дать нам полюбовной нашей земли... а кто из нас так не похочет делать, как в сей записи писано и третьему не виноватым взять свое... а правому дать на виноватова приговор. А при сей записи Семен да Иван Богдановы... да Михайло Алексеев сын Сибижев. А на то послуси: Микита Михайлов сын Синков, да Антип Михайлов сын Кутуров. А запись писал Левка Афонасьев сын Скулов. Лета семь тысяч сто четыредесять седьмаго году, генваря в первый надесять день.

[На обороте запись:] «при сей записи Семен Подымалов сидел с Дмитрием вместо Анненкова по ево велению руку приложил. При сей записи Михайла Сибижев сидел и руку приложил. При сей записи сидел Иван Богданов и руку приложил. Послух Микита руку приложил. Послух Антон руку приложил. К сей записи Семен Анненков руку приложил.

Второй же документ еще более важен и интересен, поскольку раскрывает окончание данного судебного дела между саранскими помещиками — 1693 г. «Мировая полюбовная запись, данная Львом Васильевым Сколковым вдове Татьяне Леонтьевой дочери Гавриловской в окончании миром судных и несудных дел»[38].

Се аз Лев Васильев сын Сколков в нынешнем в двести первом году, июля в четвертый день, дал я, сию записку на себя вдове Татьяне Леонтьевой дочери Гавриловской жене Семенова сына Аненкова в том, что в прошлых годех у меня, Льва были с



Дело, содержащее родословную Анненковых (источник: ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 45. Л. 1 — 1 об.)

мужем ея, Гаврилом Семеновым сыном Аненковым судныя и несудныя дела и по челобитным и по явкам по моему, Львову челобитью и людей моих и крестьян на мужа ея, Гаврила и на нее, вдову Татьяну и на детей ея, на Якова и на Андрея и на людей их и на крестьян на Москве и в городе всякия дела до сего числа також де и по челобитью мужа ея, Гаврила и людей его и крестьян, которые были ж дела судныя и несудныя и по челобитным и по явкам в прошлых годех на Москве и в городех до сего ж числа. И по тем всем вышеписанным всяким делам мне, Льву и жене моей и детям и людям и крестьянам на нее, вдову Татьяну и на детей ея, Якова и Андрея и на жен их и на детей и на людей их и на крестьян Великим Государям ни в чем не бить челом и не вчинить и за делами не ходить, також де и ей, вдове Татьяне и детям ея, Якову и Андрею и людям их и крестьянам на меня, Льва и на жену мою и на детей и на крестьян по тем всем же вышеписанным делам Великим Государям не бить челом и не вчинять. А будет те вышеписанныя судныя дела указом Великих Государей веричатся без нашей ходьбы и укажут по них пошлины и с тех вышеписанных судных дел мне, Льву те пошлинныя деньги платить с нею, вдовою пополам. А будет я, Лев в чем против сей записи не устою, что писано в сей записи выше сего и ей, вдове Татьяне и детям ея взять на мне, Льве и на жене моей и на детях но сей записи за неустойку двести рублев денег. А сия запись и впредь в запись. А у сей записи послухи Иван Соболев, Афонасий Иевлев, Микита Анурьев. А запись писал Ивановская площади подъячий стольника и полковника Григорьева полку Ивановича Анненкова сотенной Мишка Мелнов. Лета 7201 года, июля в 4 день.

[На обороте написано:]

Ото Льва Сколкова Татьяне Леонтьевой. К сей записи Лев Сколков руку приложил. Послух Ивашка Соболев руку приложил. Послух Афонька руку приложил. Послух Микитка руку приложил.

Предлагаемые сведения, которые удалось обнаружить и опубликовать, приоткрывают еще одну маленькую страничку провинциальной жизни окраины Московского царства XVII в. Публикуемые грамоты представляют собой богатейший материал не только для изучения истории персоналий Саранского уезда второй половины XVII в., но и для истории русского языка, в том числе юридической терминологии данного периода, а также являются важнейшими источниками генеалогических и иных исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Фролов Д. В.** Первый век саранской истории: город и его жители в XVII столетии. Саранск, 2014. С. 61.
[2] Там же. С. 16.
[3] Там же.
[4] Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1994. Т. 19. С. 168.
[5] См.: Краткий словарь историко-правовых терминов (проект «КЮИ МВД РК») [Электронный ресурс]. URL: http://interpretive.ru/dictionary/390/word/chelobitnaja (дата обращения — 10.12.2015).
[6] Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1977. Т. 4. С. 119.
[7] См.: Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1997. Т. 22. С. 239.
[8] Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1988. Т. 14. С. 304 — 305.
[9] Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1987. Т. 13. С. 299.
[10] Словарь русского языка XI — XVII вв. Т. 22. С. 209.
[11] Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1995. Т. 21. С. 262 — 263.
[12] Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1995. Т. 20. С. 45.
[13] Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1978. Т. 5. С. 304 — 305.
[14] Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1991. Т. 17. С. 277.
[15] Словарь русского языка XI — XVII вв. Т. 4. С. 206 — 208.
[16] Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1987. Т. 13. С. 183 — 184.
[17] Там же. С. 197.
[18] Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1979. Т. 6. С. 319.
[19] Юридическая лексика русского языка XI — XVII вв. : материалы к слов.-справ. Саранск, 2014. Вып. 1. С. 148.
[20] Словарь русского языка XI — XVII вв. Т. 13. С. 253 — 254.
[21] Там же. Т. 4. С. 112.
[22] См.: Десятни Пензенского края. 1669 — 1696 / под ред. А. Барсукова. СПб., 1897. Стлб. 149 — 150.
[23] Там же.
[24] Там же. Стлб. 204.
[25] Там же. Стлб. 205.
[26] **Мигунов Ю. В.** История происхождения и формирования уездных служилых организаций в XV — первой половине XVII вв. (на примере служилой организации Арзамасского уезда) : автореф. дис.... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2001. С. 21.
[27] Десятни Пензенского края. Стлб. 249 — 250.
[28] Там же. Стлб. 253.
[29] Там же. Стлб. 254.
[30] Там же. Стлб. 249 — 250.
[31] Государственный водный реестр (Электронный ресурс). URL: http://www.textual.ru/gvr/index.php?card=177543&bo=0&rb=0&subb=0&hep=0&wot=0&name=%F0%E8%F8%EB%E5%E9%EA%E0&loc= (дата обращения — 10.12.2015).
[32] Десятни Пензенского края. Стлб. 162.
[33] Там же. Стлб. 205, 207.
[34] Там же. Стлб. 240.
[35] Там же. Стлб. 207.
[36] Государственный архив Пензенской области. Ф. 196. Оп. 2. Д. 45. Л. 1, 10, 26 об. — 27.
[37] Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т. 3. Собрание актов XVII-го и начала XVIII-го в. В. П. Мещеринова, Л. В. Анненкова, А. В. Толстого, Л. А. Прушакевича, П. Я. Дашкова и др. / Симбирск. Учен. Архив. Комиссия. Симбирск, 1902. С. 50 — 51.
[38] Там же. С. 25 — 26.

**Сергей Владиславович Белоусов, Андрей Викторович Борисов,
Елена Михайловна Букреева, Валерий Анатольевич Юрчёнков**

НАУЧНАЯ МИССИЯ ФРАНЦУЗСКОГО УЧЕНОГО БАРОНА ДЕ БАЯ В ПЕНЗЕНСКУЮ ГУБЕРНИЮ В 1897 ГОДУ

В 1898 г. в парижском академическом издательстве Нильсона вышла книга французского ученого барона де Бая «De Penza á Minoussinsk» в виде отдельного оттиска из журнала французского Географического общества. Доклад, сделанный членом этого научного общества бароном де Баем в Париже 18 марта 1898 г., был отчетом о его командировке по Поволжью, Уралу и Сибири летом 1897 г. Это был седьмой визит французского археолога в Россию начиная с 1890 г. (почти ежегодно барон приезжал в Россию и жил здесь подолгу, от двух до шести месяцев, с июля по ноябрь/декабрь).

Сначала объектом исследований де Бая была исключительно археология: эпоха неолита и Меровингов. Затем в связи с поездками на Кавказ и невозможностью вывозить археологические памятники интерес барона переключился на этнографию. Углубленное изучение быта и истории культуры народов России не по книжным памятникам, а благодаря собственным научным изысканиям на месте, в «поле», способствовало началу формирования богатейших коллекций документальных и изобразительных источников и предметов этнографии, хранящихся в настоящее время в десяти музеях Франции[1]. Чтобы понять, чем был вызван такой длительный, на протяжении сорока лет (1890 — 1930), интерес к России со стороны французского гражданина, необходимо обратиться к личности барона де Бая[2].

Амур-Огюст-Луи-Жозеф-Бертело де Бай (Amour Auguste Louis Joseph Berthelot de Baye) родился в Париже 31 января 1853 г. в семье потомственного баронета[3] Огюста Амеде Александра Бертело де Бая (1825 — 1892) и представительницы старинного английского рода Джорджины Уилкинсон (1825 — 1903). Семье принадлежали обширные земли и фермерские хозяйства в провинции Шампань, родовой замок XIII в.[4] и несколько домов в предместьях Парижа и в самой столице. Несмотря на то, что никаких университетов барон де Бай не оканчивал (только среднюю школу[5]), в двадцатилетнем возрасте его имя зазвучало благодаря открытию, ставшему целым событием во французской науке. В родной провинции Шампань, в долине Малого Морена (dans la Vallée du Petit Morin), он обнаружил более 100 гротов неолитической эпохи[6]. Результаты изучения этих памятников вошли в монографию барона де Бая, вышедшую спустя несколько лет после археологических раскопок[7].

Имя молодого ученого барона де Бая быстро облетело научные круги Европы, США и Англии. Его приглашали выступать с лекциями научные общества Франции, Бельгии, Англии и Венгрии. В 1889 г. барон стал членом Национального общества антикваров Франции, потом его секретарем, а с 1906 г. — президентом[8].

В январе 1890 г. Министерство народного просвещения Франции делегировало барона де Бая в Москву, на VIII археологический съезд, где он познакомился с видными российскими учеными — И. Е. Забелиным, графиней П. С. Уваровой, князем П. А. Путятиным, В. Н. Поливановым и др.[9] С этого момента судьба французского ученого неразрывно была связана с Россией, которой он посвятил почти сорок лет жизни. Практически ежегодные путешествия в самые отдаленные уголки российских губерний имели чисто научный интерес и поощрялись французским правительством. География этих научных экспедиций впечатляет и сегодня: Сибирь[10], Урал[11], Поволжье[12], Кавказ, Крым[13], Прибалтика[14], Украина[15], центральные районы России[16].

В июле 1895 г. в подмосковной усадьбе Кусково состоялась судьбоносная встреча французского ученого с егермейстером Высочайшего двора графом Сергеем Дмитриевичем Шереметевым. Знакомство переросло в близкую дружбу, продолжавшуюся до конца жизни Шереметева (1918). Они вместе путешествовали, в домах графа барон де Бай останавливался всякий раз, приезжая в Россию. Также и члены семьи Шереметевых неоднократно гостили в Шампани, в родовом замке барона де Бая. Именно с графом С. Д. Шереметевым июльским днем 1897 г. барон де Бай прибыл в Пензу.

«Два компаньона-путешественника» барон де Бай и граф С. Д. Шереметев. 1897 г.

Дневниковые записи С. Д. Шереметева от 14 — 16 июля зафиксировали следующее: «*14 июля. Выезд из Кускова в Москву. С Рязанского вокзала <...> с бароном де Бай в Пензу. Ехали в одном вагоне с Т. И. Толстым и [нрзб]. Спали дурно от духоты*». На следующий день Шереметев записал: «*В 11 часов дня приезд в Пензу. Немного устали*»[17].

Об определенной цели этой поездки и времяпрепровождении гостей подробно рассказал читателям «Пензенских губернских ведомостей» действительный член Пензенского губернского статистического комитета В. Терёхин[18]. Напомним, что по прибытии в Пензу барон де Бай и граф Шереметев остановились в доме губернатора, где встретили «*весьма радушный прием у Их Сиятельств Петра Дмитриевича Святополк-Мирского и его супруги княгини Екатерины Алексеевны*»[19]. И пока барон де Бай знакомился с местной археологией и этнографией в сопровождении прикомандированных к нему лиц, пензенский губернатор показывал графу Шереметеву город. «Был с Мирским у антиквария, у фотографа», — писал Шереметев в дневнике 16 июля. Как гости проводили вечера, тоже кратко засвидетельствовано графом: «*Вечером прогулка в рощу. Чудное место. Много сидели по парам на балконе. Храповицкий, брат [Генгора] с бароном де Бай, Вырубова с княгиней Львовой. Барон де Бай рассказывал о Сибири*»[20].

18 июля граф Шереметев уехал из Пензы, а барон де Бай еще два дня изучал местность перед дальнейшим продвижением вглубь страны, его путь лежал в Минусинск. Друзья встретились уже в Москве, чтобы 22 сентября отправиться вместе на Кавказ. Полтора месяца барон де Бай путешествовал с графом Шереметевым по Кавказу: Владикавказ, Карданах, Тифлис, Сигнах, Боржом, Кутаис, Батум, Абастуман, Мцхет. Всюду их встречали и принимали по высшему разряду губернаторы и их помощники.

По возвращении в Париж[21], барон де Бай отчитался о научной командировке в Россию докладами в академии Реймса (12 февраля 1898 г.), в Географическом обществе (15 февраля) и в Национальном обществе антикваров (9 марта)[22], чуть позже опубликовал две книги[23], проиллюстрировав их собственными фотографиями, сделанными аппаратом Кодак[24].

Свои труды барон не преминул преподнести в дар всем друзьям и знакомым в России, в первую очередь, графу С. Д. Шереметеву, а также в музеи, библиотеки и в научные общества. В настоящее время три экземпляра книги барона де Бая «De Penza á Minoussinsk» с дарственными надписями были найдены в фондах Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки и в Отделе письменных источников Государственного исторического музея[25].

Ниже предлагается публикация на русском языке[26] избранных страниц книги барона де Бая, касающихся времени пребывания французского ученого в Пензенской губернии, когда он совершил две поездки на территорию Пензенского и Городищенского уездов. Первую — 16 июля 1897 г. в так называемое урочище Калашный Затон, где были найдены археологические артефакты (керамика, несколько кусочков кремня и человеческих костей), относящихся к эпохе каменного века. 17 июля барон де Бай побывал в Засурье и посетил мордовское село Селиксу[27], где он «расспрашивал мордву об ее обычаях, нравах и одеждах». В селении было сделано несколько фотографий местных жителей в национальных костюмах. Кроме того, французский ученый приобрел «несколько старинных мордовских костюмов»[28].

Селикса в качестве объекта исследования была рекомендована де Баю неслучайно. Село, расположенное на проезжей дороге, было достаточно богатым, имело школу и две православные церкви. Но главным все-таки было то, что населявшая его мордва имела опыт общения с путешественниками, в том числе иностранцами. В 1768 г. в Селиксе побывал академик Петер Симон Паллас[29], в 1834 г. — чиновник Департамента внешней торговли, позднее корпуса жандармов Михаил Максимович Попов и др. В ходе контактов у местного населения выработался своеобразный подход, вызывавший, с одной стороны, интерес путешествующих, с другой — показывавший с положительной стороны местные власти. М. М. Попов писал о причинах своего внимания к мордве Селиксы: «*Немногие дни, которые я провел у них, показались мне столь же приятными, как три часа в театре... Это особенный народ, это не те люди, с коими мы живем; их приемы, их обыкновения, между нами невиданные, не могли быть для меня незанимательными*»[30]. П. С. Палласа привлекла хозяйственная деятельность: «*Живущие в сей лесистой стране Мордвинцы имеют множество ульев, и во всю зиму оставляют пчел в лесу под легкою покрышкою. Так же держат они много скота...*»[31]. Кроме того, интерес путешествующих вызывало наличие среди мордовского населения Селиксы нескольких семей старообрядцев и факт сохранения остатков языческих верований.

Круг тем, затрагиваемых в книге барона де Бая, является традиционным для записок путешественника. Его внимание привлекают старинные обряды и обычаи мордвы, которые он называет «наивными пережитками былых времен». Причем, по его мнению, их «нужно быстро описать, пока они не исчезли». Отмечает весьма специфические элементы свадебного и похоронного обрядов, которые не были зафиксированы другими исследователями. По всей видимости, виденное или известное ему со слов местных жителей является локальными вариантами обрядового комплекса. Барон де Бай понимает это и указывает на местный характер обычая. Кстати говоря, аналогичную мысль высказывал и М. М. Попов: «*...Почти в каждой деревне нравы различны. Про них то можно сказать, что деревня, то обычай*»[32].

Пережитки язычества у мордвы де Бай сводит к молениям у священного дуба и приношению жертвы, ранее («тридцать лет назад», т. е. в 1860-е гг.) — быка, позднее — гуся. Остатки язычества у селиксенской мордвы отмечал и М. М. Попов за шестьдесят лет до французского путешественника. Его сообщение интересно в сравнении с текстом де Бая, позволяющим проследить процесс ухода язычества в динамике. Итак, М. М. Попов писал: «*Прежняя вера в Селиксе забыта. 80-летние старики едва помнят, как некогда они со своими дедами и отцами ходили в густые леса поклоняться „большому Богу“. Еще виден недалеко от селения холм, называемый „мором“, остаток жертвенника того бога. Вокруг него по дубам развешены бычачьи кожи, все исколотые, чтобы они не соблазняли прохожего на святотатство. Прежде, в половине мая здесь бывало моление и пиршество. Ныне холм этот стоит уединенно и наглухо порос могильными травами. Но добрый мордвин, тихонько от священника, иногда ездит туда поклониться большому Богу и попросить у него хлеба и денег*»[33].

Портрет барона де Бая. Фотоателье Д. Ермакова. Тифлис. 1897 г. ГТГ. Публикуется впервые

Пристальный интерес путешественников, как правило, вызывала национальная одежда мордвы, в первую очередь женская. Барон де Бай в этом плане не составил исключения. Конечно, его описание существенно уступает работам П. С. Палласа (1809), И. Н. Смирнова (1892 — 1894), А. Хейкеля (1899) и др., однако некоторые наблюдения представляют интерес. Так, он указывает на связь одежды, ее деталей с «районом обитания» мордвы. Им был сделан вывод о более быстром исчезновении национального костюма в мужской среде и его консервации в женской. Интересны сопоставления барона по поводу консервативности в одежде у мордвы и французов.

Особого внимания заслуживают сделанные бароном де Баем фотографии. До него мордву фотографировали единицы. Известны работы А. О. Карелина (1870), В. А. Каррика (1871), М. Букаря (1872) и М. П. Дмитриева (1891 — 1892). Снимки делались в Нижегородской (А. О. Карелин, М. П. Дмитриев) и Симбирской (В. А. Каррик) губерниях. В Пензенской губернии фотографирование осуществлялось только М. Е. Евсевьевым в ходе экспедиции 1885 — 1886 гг., который сделал до 250 «типических» снимков народов Поволжья[34]. Причем стоит отметить, что в ходе фотографирования М. Е. Евсевьев испытывал некоторые трудности. В письме Н. М. Могилянскому он отмечал: «*В прошлом году я сделал несколько фотографических снимков с языческих молений мордвы в селе Волгапино Краснослободского уезда. То же самое хотел сделать и в соседней с Волгапином деревне Керетине, но не удалось. Керетинцы оказались более фанатичными в отношении своих старинных обычаев, не допустили на свое моление*»[35]. Де Бай, судя по его запискам, таких сложностей не испытал.

Для фотографий XIX в. характерна статичность, де Бай пытается избежать ее, зафиксировать движение. Несомненно то, что у него были свои видение предмета и трактовка этнографических реалий. Его фотосъемка комплекса одежды в пространственно-временной среде бытования позволяет реконструировать ее в сознании зрителя. Весьма запоминающейся является фотография волынщика, соотносимая с текстом с описанием музыкального инструмента «уфам». Она настолько колоритна, что на ее авторство претендовали другие фотографы[36].

Книга барона де Бая «De Penza á Minoussinsk», вышедшая в Париже более ста лет назад, и сегодня представляет значительный интерес для широкого круга исследователей: историков, этнографов и краеведов, занимающихся отечественной историей и, в частности, историей Мордовии. Она интересна тем, что написана французом, одним из первых иностранных ученых, познакомивших соотечественников с историей и культурой малых народов Российской империи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ, ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

[1] См., например: Collections ASIE à le Musée du quai Branly (MQB), Musée d'Archéologie nationale et Domaine national de Saint-Germain-en-Laye; Serves-Cite de la Ceramique.

[2] Подробнее см.: **Букреева Е. М.** Корреспондент Особого комитета Музея 1812 года барон де Бай (1853 — 1931). Материалы к биографии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VIII : сб. материалов // Труды ГИМ. М., 2009. Вып. 181. С. 241 — 257; **Ее же.** Русские струны французской души барона де Бая // Золотая палитра : информац.-аналит. журн. М., 2010. № 2. С. 52 — 59; **Ее же.** Вклад французского ученого барона де Бая в изучение археологии, этнографии, истории и искусства России // Десятые Татищевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 — 22 ноября 2013 г.). Екатеринбург, 2013. С. 482 — 486; **Букреева Е. М., Данилова О. С., Шарпи Ж-Ж.** Барон де Бай в гостях у княгини Тенишевой (из записных книжек французского ученого) // Край Смоленский. [Смоленск]. 2014. № 2. С. 25 — 33.

[3] Первое упоминание о баронах относится к 1019 г., когда в Шампани поселилась семья сеньора де Бая, так называемого Бардуля II. Об этом см.: **Baye J. de.** Baronnie de Baye. Documents historiques réunis. Châlons-sur-Marne, 1883. P. 7.

[4] Château de Baye — родовой замок барона де Бая в провинции Шампань (Франция).

[5] В частном архиве (Франция) сохранилась грамота о награждении первой премией ученика школы Ecole libre de l`Immaculee Concepion барона де Бая (17 октября 1865 г.). Авторы сердечно благодарят Jean-Jacques Charpy (Франция) за помощь в работе.

[6] См.: **Baye J. de.** Grottes de Baye: pointes de flèches en silex à tranchant transversal. Paris, 1874; Du même auteur. Grottes de la vallée du Petit-Morin. Paris, 1875.

[7] См.: **Baye J. de.** L'Arhéologie Préhistorique. Paris, 1880; Du même auteur. L'Archéologie: Préhistorique: avec 50 figures intercalées dans le texte. Libraire J.-B. Bailliere et fils, 1888.

[8] Диплом о принятии барона де Бая в члены Национального Общества антикваров Франции 3 апреля 1889 г. хранится в частном собрании (Франция).

[9] См.: **Букреева Е. М.** Член Императорского Московского археологического общества барон де Бай (1853 — 1931) и его вклад в изучение археологической науки Российской империи // Роль Императорского московского археологического общества в становлении и развитии археологии, охраны культурного наследия, музейного дела и краеведения : сб. материалов науч.-практ. конф. (в печати).

[10] См.: **Чистяков Н. С.** Бай // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 5; **Орехова Н. А.** Барон Жозеф де Бай: сибирский след // Енисейская провинция : альманах. Красноярск, 2004. Вып. 1. С. 60 — 65; **Ее же.** Письма барона Жозефа де Бая И. Т. Савенкову (к истории археологических исследований Енисея) // Енисейская провинция : альманах. Красноярск, 2009. Вып. 4. С. 358 — 363.

[11] См.: **Зорина Л. И.** Французский археолог барон Ж. О. де Бай на Урале // Берсовские чтения : материалы науч. конф. (Екатеринбург, 19 — 20 декабря 1994 г.). Екатеринбург, 1994. С. 11 — 12; **Нестеров А. Г., Сачкова И. И.** Франко-русская коллекция Свердловского областного краеведческого музея // Россия. Романовы. Урал : материалы III науч. чтений, посвящ. памяти Великого Князя Николая Михайловича. Екатеринбург, 1997. Вып. 3. С. 113 — 115; **Панина С. Н.** Уральские экскурсии барона Жозефа де Бая // «Французский след» на Урале : материалы круглого стола, состоявшегося 23 июня 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 124 — 127.

[12] См.: **Терёхин В.** Две поездки с научной целью, совершенные в нынешнем 1897 г., в уездах Пензенском и Городищенском // Пензенские губернские ведомости. 1897. № 159.

[13] См.: **Baye J. de.** Chez les tatars de Crimée: Souvenirs d`une mission. Paris, 1907; Du même auteur. En Crimée. Paris, 1906.

[14] См.: **Baye J. de.** En Lithuanie: souvenirs d`une mission. Paris, 1905.

[15] См.: **Baye J. de.** Etudes sur l'archéologie de l`Ukraine: antérieure à notre ère. Paris, 1895; Du même auteur. Note sur l`époque des métaux en Ukraine. Paris; Du même auteur. En Petite-Russie: Souvenirs d'une mission. Paris, 1903; Du même auteur. Sépulture du Xe siècle à Kiev. Paris, 1896.

[16] См.: **Baye J. de.** A travers quelques villes historiques de la Russie: souvenir d`une mission. Paris, 1901.

[17] Российский государственный архив древних актов. Ф. 2487. Оп. 1. Д. 5043. Л. 19 (далее — РГАДА).

[18] **Терёхин В.** Указ. соч. С. 3.

[19] Там же.

[20] РГАДА. Ф. 2487. Оп. 1. Д. 5043. Л. 19.

[21] Согласно записи С. Д. Шереметева, 15 ноября 1897 г. барона де Бая проводили в Париж с Варшавского вокзала. См. об этом: РГАДА. Ф. 2487. Оп. 1. Д. 5043. Л. 58.

[22] См.: Communications faites en séance de la Société nationale des antiquares de France. Séance du 9 mars 1898. Nogent, 1898.

[23] См.: **Baye J. de.** En Géorgie. Extrait de la Revue de Geographie. Paris, 1898; Du même auteur. De Penza á Minoussinsk. Souvenirs d'une mission par Le baron de Baye. Extrait de la Revue de Geographie. Paris, 1898.

[24] Часть фотографий, сделанных бароном да Баем в 1897 г., хранится в Musée du quai Branly (Париж), в папке «Sibérie et Caucase, 1897, 111 photo» (Инв. PA104/70.2006.26.1).

[25] В Государственном историческом музее хранится экземпляр с дарственной надписью барона де Бая на титульном листе («Для библиотеки Императорского Исторического музея от барона де Бая» — перевод с французского). Авторы благодарят сотрудников ОПИ ГИМ Н. Б. Быстрову и И. Г. Шевелева за сканирование и предоставление для публикации фотографий из книги барона де Бая.

[26] Перевод с французского языка осуществлен по изданию: «De Penza á Minoussinsk. Souvenirs d'une mission par Le baron de Baye. Extrait de la Revue de Geographie» (Paris, 1898. P. 7 — 8, 10, 12) кандидатом исторических наук А. В. Борисовым. Авторы благодарят старшего преподавателя МГУ им. М. В. Ломоносова Т. Б. Пошерстник за помощь в работе.

[27] Селикса (Рождественское, ныне Кижеватово), село мордвы-мокши. Основано в 1681 г. Богданом Понакшиным «со товарищи» как мордовская посопная и оброчная деревня на «старинных дедов и отцов их в вотчинных и бортных ухожаях» между речками Инра и Отвель (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 6492. Л. 299 — 313). Гидроним *Селикса* восходит к болгаро-чувашскому языческому имени *Селик*, суффикс *-ис* означает «вода, река». *Селик-ис* — «Селикова река». В 1709 г. в д. Селиксе Засурского стана Пензенского уезда насчитывалось 155 дворов, где проживало 510 душ мужского и 219 душ женского пола. В 1748 г. в д. Селиксе проживало 229 ревизских душ ясачной мордвы, в том числе 18 новокрещен (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2546. Л. 559 — 570). С 1780 г. село относилось к Городищенскому уезду, со второй половины XIX в. — Чемодановской волости. В 1782 г. в с. Рождественском, Селикса тож, было 210 дворов новокрещенной мордвы. Село располагалось по обе стороны речки Селиксы и большой дороги из Пензы в Городище. В селе была церковь во имя Рождества Христова, деревянная. Крестьяне находились на казенном окладе (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1032. Л. 4 об.). С 1837 г. крестьяне были переведены в разряд государственных и занимались в основном земледелием и скотоводством, частично лесными промыслами. В 1877 г. в селе имелись две православные церкви, школа, почтовая станция, две лавки, два постоялых двора. В 1910 г. с. Селикса входило в Чемодановскую волость Городищенского уезда. В нем насчитывалось 660 дворов. Село является родиной Героя Советского Союза, начальника 9-й погранзаставы 17-го Брестского погранотряда, лейтенанта Андрея Митрофановича Кижеватова (1907 — 1941), в честь которого оно было переименовано в 1963 г. (см.: http://www.suslony.ru/Penzagebiet/besson2.html; **Белоусов С. В., Винничек В. А., Гомонюк Е. Н.** [и др.] Очерки истории города Заречного. Пенза, 2013. С. 22, 30, 38 — 40).

[28] **Терёхин В.** Указ. соч. С. 3.

[29] См.: **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1. С. 123.

[30] **Попов М.** Селиксенские мордвы. Рассказ путешественника // Санкт-Петербургские ведомости. 1834. 6 февр., № 30.

[31] **Паллас П. С.** Указ. соч. С. 123.

[32] **Попов М.** Селиксенские мордвы. 6 февр., № 30.

[33] **Попов М.** Селиксенские мордвы. Рассказ путешественника // Санкт-Петербургские ведомости. 1834. 9 февр., № 33.

[34] См.: **Шигурова Т. А.** Коллекция негативов М. Е. Евсевьева — запечатленная история мордовского народа // М. Е. Евсевьев: жизнь мордвы в фотографиях. Саранск, 2004. С. 33.

[35] **Евсевьев М. Е.** Избранные труды : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5. С. 489.

[36] См.: М. Е. Евсевьев: жизнь мордвы в фотографиях. С. 62.

Жозеф де Бай, барон

ОПИСАНИЕ СЕЛИКСИНСКОЙ МОРДВЫ

Мордва относятся к финно-угорской группе болгарской ветви, как черемисы и чуваши[1]. До XV в. они являлись сильной нацией. В настоящее время в Пензенской губернии мордвы насчитывается 176 689 человек. Они делятся на две ветви: «мокша» по названию реки Мокша и «эрзя» — слово, которое в мордовском языке означает «красивый»[2].

Мне не хочется давать вам даже краткое описание того, что было написано о мордве. Я предлагаю вам посетить деревню, в которой я их [мордву] изучал. Экипаж, запряженный четверкой лошадей, привез нас в местечко, расположенное в 20 верстах от Пензы, в Городищенский уезд, в деревню Селиксу, с населением в 2 тыс. человек мордвы, принявших православную религию около 150 лет назад. В данной деревне насчитывается 100 домов староверов. Селикса по-мордовски означает «молодой вяз»[3]. Отсюда название этого местечка.

В этом поселке я смог наблюдать пережитки язычества[4]. Тридцать лет назад жители деревни Селиксы все еще ходили под священный дуб, чтобы там помолиться, убить быка, мясо которого варили и ели всем миром. Священный дуб все еще стоит в трех километрах от поселения. В настоящее время, в первую субботу после Троицы, в деревне убивают гуся, которого кормили всей деревней. На самом рассвете крестьяне идут к священному дереву, сначала молятся, а затем едят гуся и пьют крепкую брагу — местный алкогольный напиток. Этот день называется днем молитвы.

У мордвы, которую я видел, есть особое средство для лечения зрения[5]. Они высекают огонь рядом с больным глазом так, чтобы направить искру к глазу и вылечить его. Внимание окулистов! Болезни глаз очень распространены в деревнях, где в домах нет дымоходов. Старые женщины, которых зовут ворожеями, заменяют врачей. Они используют деревянную трубку. Кончик этой трубки прикладывается к больному месту и ворожея, приложив рот к другому концу трубки, нашептывает в нее несколько магических слов, чтобы вызвать исцеление.

Вот другой местный обычай, практикуемый во время свадьбы[6]. Невеста в одиночестве направляется на телеге в церковь. Девушку скрывает кусок полотна, расположенный на деревянном ободе. За телегой идет мужчина, размахивающий косой, чтобы скосить все, что могло бы быть вредным для невесты. После церемонии, при выходе из церкви, новобрачную несут до дома на руках свидетели.

Еще один старинный обычай[7]. Как только человек умирает, под тело кладут либо топор, либо большой нож. Это делается для того, чтобы болезнь не забрала и других. Курильщиков (высшее утешение) в гробу сопровождают их трубка (по-мордовски «пипка»), кисет, кремень и огниво. Мордва часто ходит молиться на могилу своих родственников. На месте погребения они проделают углубление и льют туда либо водку (вода жизни), либо брагу (напиток на основе закваски). Затем они кладут на могилу одежду, которую позже уносят.

Три года тому назад, во время страшной засухи, умер старый мордвин. На его могилу привезли 5 или 6 бочек воды, вылили ее с тем, чтобы покойный обратился к богу с мольбами о дожде.

Я вам привел лишь несколько из этих обычаев — наивных пережитков былых времен, обычаев, которые нужно быстро описать, пока они не исчезли.

В Селиксе за последние 15 лет мужчины практически полностью отказались от национального костюма[8]. Ранее они носили белые рубахи в красную полоску, зимой надевали белую баранью шапку, а летом шляпу, напоминающую нашу печную трубу. Мало-помалу все это исчезает. На западе наши высокие шляпы очень сильно раскритиковали. Их подвергли гонениям. Даже создали лигу против их ношения. Мешающие в конференц-зале, измятые в раздевалках, они все еще встречаются у нас на головах мужчин, которые не могут без них ни обойтись, ни расстаться с ними. И нас еще обвинят в том, что мы не консервативны! Да нет же, мы еще в бóльшей степени консерваторы, чем мордва.

Мордовские женщины и девушки продолжают носить национальные костюмы. Фотографии, которые предстанут перед вашими глазами, познакомят вас с деталями этих костюмов, и мне не придется давать их длинное описание. Поскольку на фотографиях нельзя различить цвет, я вам скажу, что узорная вышивка на белой ткани, украшающая костюм мордвы, синего и красно-коричневого цвета. Я привез из Селиксы коллекцию из одежды и предметов обихода, сделанных в деревне. Эта коллекция будет выставлена в музее Гимé[9] с другими вещами, привезенными мною из поездки.

Вот женщина и девушка деревни Селикса. 58-летняя женщина — Авдония Самаркина. 16-летняя девушка — Авдония Павловна Петайкина.

Девушки носят что-то наподобие диадемы[10]. Они не прячут свои волосы, как женщины. На спине коса, украшенная по всей длине

Авдония Самаркина, мордовка 58 лет деревни Селикса Пензенской губернии. Фото княгини Святополк-Мирской

Авдония Павловна Петайкина, молодая мордовская девушка 16 лет, деревни Селикса Пензенской губернии. Фото княгини Святополк-Мирской

Группа мордвы Пензенской губернии (источник: **Baye J. de.** *De Penza á Minoussinsk. Paris, 1898. P. 9)*

металлическими пластинами, соединенными с помощью разноцветных стеклянных бусинок. Серьги-подвески проходят вокруг непроколотого уха. На мочке можно видеть кисточки из кроличьей шерсти. Главный наряд женщин состоит из полотняной рубахи, длинной и узкой, под названием «панар» (panar)[11]. Обе стороны рубахи украшены лентами узорной вышивки из шелка или шерсти. «Панар» служит одновременно и рубахой, и юбкой, на талии «панар» затянут пестрым ремешком. Девушки подвязывают на уровне талии украшение, составленное из бахромы, металлических подвесок и нанизанных украшений из стекла. Нужно видеть их со спины, чтобы судить об этом так странно расположенном украшении. Иногда женщины носят поверх рубахи сарафан, застегивающийся на груди с помощью застежек.

Свадебные рубахи красивее, чем все остальные. Мне удалось раздобыть одну, достаточно старинную, на которой ткань почти не было видно из-за узорной вышивки. Свадебную рубаху дополняло украшение, располагавшееся на талии[12], очень красиво вышитое и усеянное медными монетами — одни с изображением императрицы Анны и другие с изображением Людовика XVI. Нумизматы могли бы пополнить свои коллекции из остатков мордовских костюмов.

У мордвы есть музыкальный инструмент под названием «уфам» (oufam)[13], сделанный из овчины; он отдаленно напоминает волынку. Музыкант дует в кость, усеянную дырочками. Это должна быть кость орла. Получается звук, будто дуешь в рог быка.

Следует отметить, что головные уборы мордовских женщин различаются в зависимости от района обитания. Есть цилиндрические уборы, какие вы только что видели, другие уборы украшены одним или двумя рогами.

Мордовский пастух, играющий на музыкальном инструменте «Уфам». Пензенская губерния (источник: **Baye J. de.** *De Penza á Minoussinsk. Paris, 1898. P. 13)*

Мордва деревни Станки Пензенской губернии (источник: **Baye J. de.** *De Penza á Minoussinsk. Paris, 1898. P. 15)*

Библиографические ссылки и комментарии

[1] Финно-угорские народы — языковая общность народов, говорящих на финно-угорских языках, живущих в Западной Сибири, Центральной, Северной и Восточной Европе. Разделены на две группы: финскую (финны, эстонцы, карелы, вепсы, ижорцы, ливы, водь, саамы, мордва, марийцы, удмурты, коми, коми-пермяки) и угорскую (венгры, ханты, манси). Гипотезу о родстве финно-угорских народов высказал Г. В. Лейбниц, в XIX в. к их числу относили и некоторые тюркские народы, например, чувашей. Де Бай, по всей видимости, разделял эту точку зрения.

[2] Мордовский народ состоит из двух субэтносов: мокши и эрзи. Этноним «эрзя» восходит, вероятнее всего, к иран. arsan «самец, мужчина, герой»; «мокша» — к индоевропейскому гидрониму (в санскрите moksha — «проливание, утекание, освобождение»). Связывать этимологию «эрзя» с термином «красивый» ошибочно. В эрзянском языке красивый — *мазый*, в мокшанском — *мазы*.

[3] Де Бай достаточно точно дает этимологию топонима. По-эрзянски, вяз — *селей, селейчувто* (см.: **Цыганкин Д. В., Мосин М. В.** Этимологиянь валкс. Саранск, 2015. С. 164).

[4] Мордва приняла православие в 1740-е гг., пытавшиеся сохранить родную веру бежали на Урал, в Сибирь, север современного Казахстана. На этнической территории мордвы остатки язычества сохранялись вплоть до XX в. и фиксировались практически всеми исследователями (И. Н. Смирнов, М. Е. Евсевьев, Х. Паасонен и др.). В Селиксе православный молельный дом был построен в 1709 г., церковь была заложена в 1749 г., на следующий год была освящена. В 1757 г. было осуществлено массовое крещение всех селиксенцев, однако они редко ходили в церковь и продолжали молиться у священного дуба. За приверженность к родной вере после доношения М. М. Попова на каторгу был сослан 1 человек и биты плетьми 8 человек. См.: http://www.zavtra.ru/content/view/pragmatizm-i-ratsionalizm-mordovskogo-naroda-ii-1/

[5] Среди мордвы с 1820-х гг. получила широкое распространена трахома. Описание ее протекания в мордовской среде дал И. В. Селиванов в очерке «Мордва» (1858). Попытки ее лечения народными средствами и описал барон де Бай. В его фиксации интересно указание на ворожей, выполнявших функции врачей. Трахома была ликвидирована среди мордвы в советское время. О народных методах борьбы с трахомой см.: **Никонова Л. И.** Тайны мордовского целительства. Саранск, 1995; **Ее же.** От Адама и Евы до наших дней (очерки народной медицины мордвы). Саранск, 2000; **Ее же.** «Травушка-маравушка зеленая моя...: из этномедицины мордвы. Saarbrücken, 2012.

[6] Де Бай описывает один из элементов мордовской свадьбы, имеющий локальное бытование. Подробнее о свадьбе см.: **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба. Саранск, 1990; **Рогачев В. И.** Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор (историко-этнографические, мифологические, региональные, языковые аспекты). Саранск, 2004.

[7] Описание элементов похоронно-поминального обряда вполне соотносимо с аналогами (см.: Мордва : очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа / под общ. ред. Н. П. Макаркина. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск, 2012; Народы Мордовии : историко-эногр. исслед. под ред. В. А. Юрчёнкова, Л. И. Никоновой. Саранск, 2012; **Волкова М. С.** Погребальный обряд мордвы // Финно-угорский мир: история и современность : материалы 2-й Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000).

[8] Национальную одежду мордвы с. Селикса специалисты причисляют к костюму группы мордвы северо-восточных районов Пензенской области. Длительное проживание мокши и эрзи на этой территории, общий хозяйственный уклад, тесные взаимные контакты привели к тому, что здесь сложился единый тип костюма. В своей основе он был эрзянским, но включал в себя черты, присущие мокшанской одежде. Т. П. Прокина и М. И. Сурина писали: «Образный строй костюма данной группы отличался особой торжественностью. Это впечатление создавалось благодаря силуэту, в котором всеми декоративными элементами, включая поясные украшения и головные уборы, подчеркнута стройность, величавость женской фигуры. Большую роль в художественном решении костюма играла его цветовая гамма. В ней доминировал ярко-красный цвет. В особо нарядных, праздничных, свадебных костюмах он был главным, а оставшееся неукрашенным белое поле играло роль декоративной отделки. Общий колорит обогащался введением в декор блестящих медных бляшек, блесток, что придавало костюму еще большую живописность» (Мордовский народный костюм. Саранск, 1990. С. 116 — 117).

[9] Музей Гимé (Musée national des Arts asiatigues-Guimet, Париж) — Национальный музей восточных искусств, названный по имени фондообразователя — лионского промышленника и путешественника Эмиля Гиме (1836 — 1918). Подробнее об этом см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B9%D0%93%D0%B8%D0%BC%D0%B5.

[10] Не совсем понятно, о чем пишет де Бай, поскольку девушки носили налобную повязку, украшенную бусами, цепочками, бисером и кисточками из него (см.: Мордовский народный костюм. С. 123).

[11] *Панар* — наиболее часто встречающийся термин для обозначения рубахи, которую шили из белого домотканого холста. Она являлась основной и часто единственной нательной и одновременно выходной женской одеждой независимо от возраста, имущественного и социального положения. Подробнее см.: **Белицер В. Н.** Народная одежда мордвы. М., 1973.

[12] По всей видимости, де Бай имеет в виду *пулагай, пулакш, пулай* (слово *пуло* означает «хвост»). Подробнее см.: **Белицер В. Н.** Указ. соч. С. 94 — 110.

[13] Описываемая де Баем волынка называлась фам, уфам, *пувама, пузырь* (использовались все четыре названия). Она изготовлялась из шкуры теленка или бычьего, коровьего или свиного пузыря. Де Бай ошибался, указывая на овчину как материал изготовления, кости орла также не использовались. Голосовые трубки (их было три) выделывались из липы или березы, тростника. Наигрыши на волынке, по поверью, могли умиротворять духов. Поэтому они звучали преимущественно на молениях — озксах. Например, С. Архангельский сообщает об игре на волынке при поклонении священному дереву. Подробнее см.: **Бояркин Н. И.** Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983. С. 167 — 169.

Виктор Петрович Тотфалушин

«О, СПОРТ! ТЫ – МИР!»

Современные виды физической культуры и спорта начали развиваться в России со второй половины XIX в. под влиянием новых общественных отношений и демократического подъема. В тот период в стране возникли первые спортивные и гимнастические организации, зародилось спортивно-гимнастическое движение. Новые спортивные кружки, клубы и общества, объединявшие более широкие круги городского населения, стали создаваться в 1890-х гг. в условиях промышленного подъема, когда физическая культура и спорт шире использовались в целях оздоровления и развлечения.

Революционные потрясения 1905 — 1907 гг. привели к активизации спортивно-гимнастического движения, которое после Манифеста 17 октября 1905 г. приобрело новые организационные формы. Кроме того, самодержавие пересмотрело позицию в отношении спорта и усилило свою роль в его развитии. Это было обусловлено необходимостью, с одной стороны, переключения накопившейся энергии масс, а с другой — вывода армии из кризиса, вызванного поражением России в Русско-японской войне 1904 — 1905 гг.

На 1 января 1915 г. в России насчитывалось 1 266 спортивных организаций, работавших в 332 городах и поселках страны. Они объединяли в своих рядах до 50 тыс. человек. Однако Первая мировая война затормозила дальнейшее развитие физкультурно-спортивного движения[1].

Решающую роль в его развитии в России, безусловно, сыграли Санкт-Петербург и Москва, но и в других регионах империи развивались отдельные виды спорта, возникали спортивные общества и союзы, проводились состязания. В частности, во второй половине XIX — начале XX в. в Саратове и Саратовской губернии возник и действовал ряд спортивных обществ: Саратовский речной яхт-клуб, Саратовское общество велосипедистов-любителей, «Сокол», «Цикл» и др.

Важную роль в развитии спортивного движения в Саратове сыграло общество «Спорт», специальных работ о котором еще не выходило. Его организационное оформление началось 2 сентября 1912 г., когда в нижнем зале Саратовской городской думы на первое учредительное собрание пришло более 60 человек. Председателем собрания был избран А. П. Маркелов. На собрании заслушали ранее выработанный устав и постановили создать комиссию по его доработке[2].

Члены правления Саратовского спортивного общества «Спорт». Саратовский областной музей краеведения

23 сентября общее собрание учредителей, заседавшее в зале Саратовской городской управы, одобрило устав[3], а 20 декабря он и само общество были зарегистрированы[4]. В уставе говорилось: «Общество имеет целью содействовать телесному совершенствованию своих членов путем распространения физических упражнений, необходимых и полезных для телесного развития и укрепления здоровья. Политическая агитация в Обществе недопустима. <...> Для достижения указанной цели Общество, с соблюдением существующих законов и правил, устраивает и поощряет: телесные упражнения всех видов, как в помещениях, так и под открытым небом; легкую и тяжелую атлетику, фехтование, борьбу, бокс, бег на коньках и лыжах, стрельбу в цель, верховую езду, циклизм[5], воздухоплавание, хоровое пение, оркестровую игру, велосипедный, моторный, буерный спорт и всевозможные спортивные игры (футбол, лаун-теннис, крокет, гольф, лапта, городки и т. п.)»[6].

Общество состояло из почетных, пожизненных, действительных членов и соревнователей. Действительными членами считались лица, занимавшиеся каким-либо спортом и уплачивавшие установленный взнос (8 рублей в месяц). Своего помещения у общества не было, и его приходилось арендовать.

Кстати, две попытки создания подобного общества в Царицыне[7], предпринятые в феврале и августе 1912 г., завершились безрезультатно, несмотря на то, что в числе его учредителей были присяжные поверенные и потомственные граждане города[8].

Отмечу, что на роль одного из организаторов Саратовского общества «Спорт» претендовал саратовский большевик Б. И. Залетов[9]. В своих воспоминаниях он писал: «Создать вновь новую <...> подпольную организацию было очень трудно. Опять

Члены Саратовского спортивного общества «Спорт». 1914 г. Саратовский областной музей краеведения

пришлось замаскироваться тяжелой атлетикой и спортом, уговорил кой кого из саратовцев организовать саратовское общество „Спорт“. Дело началось, но шло туго»[10]. Однако среди одиннадцати учредителей Общества, в том числе нескольких «прусскоподданных», Залетов не значится[11].

Несмотря на малый срок существования, общество «Спорт» положило начало развитию в Саратове ряда видов спорта и проведению большого для того времени количества соревнований. Так, при этом обществе была создана футбольная команда, которая в июне 1913 г. единственная из саратовских команд была принята во Всероссийский футбольный союз (ВФС), объединявший в 1914 г. 155 спортивных организаций из 33 городов. В специальной брошюре, опубликованной ВФС, на 128-й позиции значился «Саратовский кружок „Спорт“»[12].

Кроме того, в 1913 — 1914 гг. правление общества «Спорт» организовало и провело первые междугородные соревнования футболистов Саратова и Самары, на которых из четырех встреч саратовцы проиграли две — со счетом 1:3 и 3:4[13], одну свели вничью[14] и одну выиграли — 2:0.

Вслед за первой встречей с самарцами Саратовское общество «Спорт» вызвало на матч сборную Покровской слободы[15] и 22 июля 1913 г. на Саратовском ипподроме нанесло ей разгромное поражение — 0:22. В конце сезона 1913 г. общество планировало матч по футболу с членами какого-то московского общества, однако он по неизвестным причинам не состоялся. А завершился сезон розыгрышем Кубка средних учебных заведений Саратова, учредителем которого стало общество «Спорт»[16].

С Саратовским обществом «Спорт» связано и становление в крае на рубеже 1912 — 1913 гг. легкой атлетики. Это подтверждает анонимный саратовский корреспондент, который 5 октября 1914 г. сообщил со страниц журнала «Русский спорт» о том, «что легкая атлетика культивируется у нас всего 2-й год...». Очевидно, первое (или одно из первых) соревнований по легкой атлетике состоялось 20 июня 1913 г. на ипподроме Саратова перед началом междугороднего матча по футболу между командами Саратова и Самары. Поединок мастеров кожаного мяча предваряли выступления членов общества «Спорт», которые продемонстрировали приемы из

арсенала «королевы спорта»: метание диска, копья и др. Легкоатлетические поединки саратовцев и самарцев предшествовали и повторной «футбольной дуэли» в 1914 г. 14 сентября 1913 г. общество «Спорт» планировало провести «международные» соревнования по легкой атлетике с москвичами, но они, как и футбольный матч, не состоялись. Подводя некоторые итоги развития легкой атлетики в Саратове, журнал «Русский спорт» осенью 1915 г. писал, что легкая атлетика была образцово поставлена в обществах «Спорт» и «Сокол»[17].

Общество «Спорт» способствовало и развитию лыжного спорта в городе. 15 октября 1913 г. его председатель А. И. Скворцов обратился к другому местному спортивному обществу — Саратовскому отделу Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты — с заявлением. В нем говорилось: «Саратовское общество „Спорт“ в зимний сезон имеет в виду развить лыжный спорт в Саратове. Для лыжных прогулок необходимо иметь небольшую станцию на окраине города, где лыжники могли бы оставлять свои лыжи, палки и одежу (sic) и обогреться по возвращению». В связи с этим была высказана просьба «уделить одну из комнат» стрелкового стенда для спортсменов-лыжников.

В ответ уже 19 октября 1913 г. совет отдела не только вынес положительное решение о предоставлении лыжникам общества «Спорт» одной комнаты на стенде «по 1 января 1914 г. безвозмездно», но и дал право «бесплатного входа в остальные помещения стенда и в буфет его...»[18]. Этот факт сотрудничества в развитии лыжного спорта нашел отражение также в отчете отдела за 1913 г.

В 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны Саратовское спортивное общество «Спорт» прекратило существование. Один из его активных членов Б. И. Залетов вспоминал: «...мы в большинстве решили уйти на фронт добровольцами, что давало нам преимущество в выборе рода оружия и полка...»[19].

О том значении, которое играло общество «Спорт» в Саратовском регионе, говорят сообщения местных корреспондентов, опубликованные в центральных спортивных изданиях в 1915 г.: «С уходом на войну большинства наших спортсменов занятия футболом и легкой атлетикой почти прекратились»[20], из-за чего «атлеты за весь прошедший сезон не могли устроить ни одного соревнования»[21].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И КОММЕНТАРИИ

[1] См., например: Спортивные организации дореволюционный России // Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту : в 3 т. Т. III: Сабля — яхт-клуб. М., 1963. С. 86 — 88.
[2] См.: Саратовский вестник. 1912. 4 сент.
[3] См.: Саратовский вестник. 1912. 22 сент.; Государственный архив Саратовской области. Ф. 176. Оп. 1. Д. 281. Л. 1 (далее — ГАСО).
[4] ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 281. Л. 16 — 16 об.
[5] Так тогда называли велосипедный спорт.
[6] См.: **Юрьев С.** На простор речной волны // Заря молодежи. 1961. 27 сент.
[7] Уездный город Саратовской губернии, ныне г. Волгоград.
[8] ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 285. Л. 5 — 6, 19 — 19 об.
[9] Борис Иванович Залетов — полный георгиевский кавалер, организатор и командир Саратовской конно-боевой дружины ГубЧК (1918 — 1919). См. о нем кн.: **Никифоров А. В.** Повесть о красном гусаре. Саратов, 1981.
[10] Саратовский областной музей краеведения. Ф. 39 (Залетов Б. И.). № 26308/8 — 16 (далее — СОМК). На этой версии Залетов настаивает и в надписи на обороте своего членского билета, хранящегося в Саратовском областном музее краеведения: «От организатора общества „Спорт“ в г. Саратове в 1913 — 1914 гг.» (СОМК. Ф. 39. № 26308/14).
[11] Учредителями Общества были Г.-Г. Г. Кейлинг, Г. Р. Эрт, Ф. Вольф, А. Э. Бонвеч, О. Р. Эрт, А. А. Дмитриев, А. В. Лерхе, М. А. Соловьев, Н. А. Ливанова, А. А. Гуляев, Ф. Н. Рябчук (ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 281. Л. 1 об.).
[12] «К спорту!» [газета] : прил. к журн. «К спорту!». 1915. 8 февр.
[13] По другим данным, матч закончился со счетом 2:4.
[14] Поскольку ни в одной из публикаций конкретный счет не сообщается, очевидно, это была нулевая ничья.
[15] С 1914 г. безуездный город Покровск Самарской губернии, ныне г. Энгельс Саратовской области.
[16] О саратовском футболе см. подробнее: **Липин Г. П.** Страницы из истории спорта в Саратове и Саратовской области. Саратов, 1968; **Матюшкин А. А., Генсон А. С.** Песнь о «Соколе». Саратов, 2002; **Тотфалушин В. П.** Весна саратовского футбола // Центр и периферия. 2013. № 3.
[17] См. подробнее: **Тотфалушин В. П.** Первые шаги «королевы спорта» в Саратове // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. 2015. Т. 15, вып. 2 (сер. «История. Международные отношения»).
[18] См.: **Тотфалушин В. П.** Зимние виды спорта в дореволюционном Саратове // Саратовский краеведческий сб. : науч. тр. и публикации. Саратов, 2011. Вып. 5. С. 146.
[19] СОМК. Ф. 39. № 26308/8 — 16.
[20] К спорту! 1915. № 29. С. 15.
[21] Русский спорт. 1915. № 44. С. 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ

Ставицкий Владимир Вячеславович — главный научный сотрудник — заведующий отделом археологии НИИГН, доктор исторических наук, доцент, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

ЭРЗЯ И МОКША ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Ключевые слова. Эрзя, мокша, погребальный обряд, этническая дифференциация, эпоха средневековья, Сурско-Окское междуречье, этнокультурные контакты.

Существует мнение о значительной древности деления мордвы на субэтносы — мокша и эрзя. Эта точка зрения противоречит данным археологии, согласно которым мордва сохраняла высокую степень этнокультурного единства вплоть до монгольского нашествия.

Юрчёнков Валерий Анатольевич — директор НИИГН, доктор исторических наук, профессор, e-mail: valera.historian@yandex.ru

ИСТОРИЯ МОРДОВСКОГО КРАЯ НАЧАЛА XIII в. НА МИНИАТЮРАХ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Ключевые слова. Лицевой летописный свод, миниатюра, летописец, изображение, стиль, ритмика, мордовский край, мордва

В статье анализируются миниатюры Лицевого летописного свода, в которых представлена история мордовского народа и края в начале XIII в. Особое внимание уделено изображениям мордвы, которые сопоставляются с изображениями русских.

Кузнецов Андрей Александрович — заведующий кафедрой истории средневековых цивилизаций Нижегородского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, e-mail: nalbuz@mail.ru

Морохин Алексей Владимирович — доцент кафедры истории средневековых цивилизаций Нижегородского государственного университета, кандидат исторических наук, e-mail: alexmorohin@yandex.ru

НИЖНИЙ НОВГОРОД В СМУТУ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО XVI И XVII СТОЛЕТИЙ В РОССИИ

Ключевые слова. Смута (Смутное время), Нижний Новгород, ополчение Минина и Пожарского, духовенство, самозванчество, легитимность власти.

В статье рассматривается феномен Смуты начала XVII в. как время перехода от XVI в. к XVII в. Территориальные рамки исследования — Нижний Новгород и нижегородский край. Определены основные социально-политические тенденции XVI столетия на нижегородском материале, выявлены новые направления развития, по которым пошла Россия в XVII столетии.

Видяйкин Сергей Васильевич — старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, кандидат исторических наук, e-mail: guniign@list.ru

ПОД БЕЛИЧЬИМ ЛЕСОМ

Опыт построения пространственной модели Верхомянского стана Алатырского уезда в 1620-е гг.

Ключевые слова. Уезд, стан, мордва, деревня, выставка, река, лес, карта.

На основе данных писцовых книг Д. Ю. Пушечникова 1620-х гг., а также исторических карт XIX в. и современных топографических карт в статье показан опыт построения пространственной модели Верхомянского стана Алатырского уезда в 1620-е гг.

Фролов Дмитрий Викторович — доцент кафедры стилистики, риторики и культуры речи МГУ им. Н. П. Огарева, научный сотрудник отдела средневековой и дореволюционной истории МРОКМ им. И. Д. Воронина, кандидат филологических наук, e-mail: frolovdv@list.ru

ЦАРСКИЙ УКАЗ 1685 г. О СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ МЕЖДУ САРАНСКИМИ ПОМЕЩИКАМИ

Ключевые слова. Помещики, рейтары, судное дело, царская грамота, царский указ, Гаврила Анненков, Лев Сколков, Никифор Чуфаров.

В статье рассматривается судное дело последней трети XVII столетия между тремя саранскими помещиками Гаврилой Анненковым, Львом Сколковым и Никифором Чуфаровым. В научный оборот вводится и впервые публикуется ряд документов XVII — XVIII вв.

Белоусов Сергей Владиславович — заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и археологии Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, e-mail: sergbel _ 1812@mail.ru

Борисов Андрей Викторович — доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков Пензенского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент, e-mail: andrea574@mail.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich — Principal Researcher — Head of Department of Archaeology, NIIGN, Doctor of History, Associate Professor, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

THE ERZYA AND THE MOKSHA ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA

Key words. the Erzya, the Moksha, funeral rite, ethnic differentiation, the Middle Ages, the Sura-Oka Interfluve Region, ethnic and cultural contacts.

There is an opinion of a considerable ancient division of the Mordvins into the Moksha and the Erzya sub-ethnos. This point of view is inconsistent with the data of archeology that the Mordvins retained a high degree of ethnic and cultural unity until the Mongol invasion.

Yurchenkov Valery Anatolyevich — Director, NIIGN, Doctor of History, Professor, e-mail: valera.historian@yandex.ru

HISTORY OF THE MORDOVIAN LAND OF THE EARLY XIII CENTURY IN THE MINIATURE OF THE ILLUMINATED CHRONICLE

Key words. The Illuminated Chronicle, miniature, chronicler, image, style, rhythm system, the Mordovian land, the Mordvins.

The miniature of the Illuminated Chronicle, which illustrates the history of the Mordovian people and the region in the early XIII century, is analyzed in the article. Particular attention is paid to images of the Mordvins and its comparison with images of the Russians.

Kuznetsov Andrey Aleksandrovich — Head of Department of History of Medieval Civilizations, Nizhny Novgorod State University, Doctor of History, Associate Professor, e-mail: nalbuz@mail.ru

Morokhin Aleksey Vladimirovich — Assistant Professor of Department of History of Medieval Civilizations, Nizhny Novgorod State University, Candidate of History, e-mail: alexmorohin@yandex.ru

NIZHNIY NOVGOROD DURING THE TIME OF TROUBLES AS A LINK OF THE XVI AND THE XVII CENTURIES IN RUSSIA

Key words. The Smoot (the Time of Troubles), Nizhny Novgorod, a volunteer army led by Minin and Pozharsky, the clergy, the imposture, legitimacy of the power.

The article deals with the phenomenon of the Time of Troubles of the early XVII century as a period of the transition from the XVI to the XVII century. The territory of the study covers Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod Region. The main social and political trends of the XVI century are identified on basis of the Nizhny Novgorod material, as well as new directions of development, Russia went to in the XVII century are revealed.

Vidyaikin Sergey Vasilyevich — Senior Researcher of Department of History, NIIGN, Candidate of History, e-mail: guniign@list.ru

NEAR SQUIRREL FOREST

Practices in construction of a spatial model of the Verkhomyansky Stan of the Alatyr Uyezd in 1620s.

Key words. Uyezd, Stan, the Mordvins, village, exhibition, river, forest, map.

The practices in construction of a spatial model of the Verkhomyansky Stan of the Alatyr Uyezd in 1620s are described in the article according to data of cadastres of 1620s by D. Yu. Pushechnikov, as well as of historical maps of the XIX century and modern topographic maps.

Frolov Dmitry Viktorovich — Assistant Professor of Department of Stylistics, Rhetoric and Culture of Speech, Ogarev Mordovia State University, Researcher of Department of Medieval and Pre-Revolutionary History, Voronin United Museum of Local Lore of the Republic of Mordovia, Candidate of Philology, e-mail: frolovdv@list.ru

TSAR'S UKASE OF 1685 ON LEGAL PROCEEDINGS BETWEEN SARANSK LANDLORDS

Key words. Landowners, Reiter, court case, tsar's deed, tsar's ukase, Gavrila Annenkov, Lev Skolkov, Nikifor Chufarov.

A court case of the last third of the XVII century between three Saransk landlords Gavrila Annenkov, Lev Skolkov and Nikifor Chufarov is considered in the article. A number of documents of the XVII — XVIII centuries are involved in scientific turnover and published for the first time.

Belousov Sergey Vladislavovich — Head of Department of General History, Historiography and Archaeology, Penza State University, Doctor of History, Associate Professor, e-mail: sergbel _ 1812@mail.ru

Букреева Елена Михайловна — старший научный сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук, e-mail: bukreeva.elena@gmail.com

Юрчёнков Валерий Анатольевич — директор НИИГН, доктор исторических наук, профессор, e-mail: valera.historian@yandex.ru

НАУЧНАЯ МИССИЯ ФРАНЦУЗСКОГО УЧЕНОГО БАРОНА ДЕ БАЯ В ПЕНЗЕНСКУЮ ГУБЕРНИЮ В 1897 году

Ключевые слова. Пензенская губерния, с. Селикса, мордовское население, барон де Бай.

В статье рассказывается о научной поездке в Пензенскую губернию в 1897 г. с целью изучения нравов и обычаев мордовского населения известного французского ученого барона де Бая. В публикации представлены фотографии, выполненные им, и приводится его описание мордвы села Селикса Городищенского уезда Пензенской губернии.

Тотфалушин Виктор Петрович — доцент кафедры истории России и археологии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, кандидат исторических наук, доцент, e-mail: totfalushinVP@info.sgu.ru

«О, СПОРТ! ТЫ — МИР!»

Ключевые слова. Спорт в дореволюционной России, Саратовское спортивное общество «Спорт».

Статья рассказывает о спортивном обществе «Спорт», которое положило начало развитию в дореволюционном Саратове ряда видов спорта, и проведении большого для того времени количества соревнований.

Махаев Виктор Борисович — заведующий кафедрой архитектурного проектирования и дизайна МГУ им. Н. П. Огарева, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, кандидат искусствоведения, профессор, e-mail: haus _ maler@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ДЕЛЬТОВЫХ ГОРОДОВ

Ключевые слова. Культурный ландшафт, речная дельта, город-порт, морской логистический центр, каналы, урбанизированные территории, городская среда, динамика пространства.

В статье рассмотрены города, расположенные в речных дельтах, Амстердам, Роттердам, Астрахань и Санкт-Петербург с позиций культурологической компаративистики. Показано, как природные условия речной дельты создают благоприятные условия для бурного экономического роста порта и города при нем. Дельтовые города обладают специфической пространственной структурой, ориентированной на порт, архитектурной композицией, подчеркивающей градообразующие объекты — адмиралтейства, верфи, склады. Неотъемлемыми элементами городского пространства и образа города являются каналы, набережные, причалы. Рассмотрено, какие проблемы организации ландшафта — природные, техногенные, социальные, архитектурные — приходится решать для сохранения дельтовых городов как крупнейших логистических центров и важнейших площадок мирового обмена.

Трибушинина Светлана Дмитриевна — младший научный сотрудник отдела этнографии и этнологии НИИГН, e-mail: tribushinina85@mail.ru

Торопова Мария Михайловна — научный сотрудник отдела этнографии и этнологии НИИГН, e-mail: lily24.87@mail.ru

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ПУБЛИКАЦИИ И. Ф. ЭРЗЯЙКИНА «КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЭРЗЯ НАРОДА»

Ключевые слова. Мордва, эрзя, перепись, численность, аспект, социальная сфера, СМИ.

В статье проводится попытка выявить некоторые неточности в публикации И. Ф. Эрзяйкина «Краткая история Эрзя народа», в которой дается не совсем корректное описание данных переписи населения 2010 г., а также некоторых аспектов социальной сферы, запрета республиканских СМИ на эрзянский язык, принудительной миграции и др.

Каланов Валерий Александрович — научный сотрудник отдела информационно-аналитического обеспечения исследований, e-mail: irset55@yandex.ru

Учватов Павел Сергеевич — младший научный сотрудник отдела информационно-аналитического обеспечения исследований, e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В МОРДОВИИ: НОВЫЕ РУБЕЖИ

Ключевые слова. Российское военно-историческое общество, Республика Мордовия, военная история, популяризация отечественной истории, Саранская крепость

В статье приведены сведения о работе Регионального отделения Российского военно-исторического общества в Республике Мордовия. Рассмотрены основные вопросы деятельности Общества, актуальные в настоящее время.

Borisov Andrey Viktorovich — Assistant Professor of Department of Foreign Languages and Methods of Foreign Languages Teaching, Penza State University, Candidate of History, Associate Professor, e-mail: andrea574@mail.ru

Bukreeva Elena Mikhaylovna — Senior Researcher of State Historical Museum, Candidate of History, e-mail: bukreeva.elena@gmail.com

Yurchenkov Valery Anatolyevich — Director, NIIGN, Doctor of History, Professor, e-mail: valera.historian@yandex.ru

SCIENTIFIC MISSION OF THE FRENCH SCIENTIST BARON DE BAYE IN THE PENZA GOVERNORATE IN 1897

Key words. The Penza Governorate, village of Seliksa, Mordovian population, Baron de Baye.

The research trip of the famous French scholar Baron de Baye to the Penza Governorate in 1897 in order to study the manners and customs of the Mordovian population is described in the article. The publication includes photographs he made and a description of the Mordvins from the village of Seliksa of the Gorodishche Uyezd of the Penza Governorate.

Totfalushin Viktor Petrovich — Assistant Professor of Department of History of Russia and Archaeology, Chernyshevsky Saratov State University, Candidate of History, Associate Professor, e-mail: totfalushinVP@info.sgu.ru

"O, SPORT! YOU — ARE PEACE!"

Key words. Sport in pre-revolutionary Russia, Saratov Sports Society "Sport".

The article is devoted to the Sports Society "Sport", which initiated the development of a number of sports in pre-revolutionary Saratov, and to a large amount of competitions, held at that time.

Makhaev Viktor Borisovich — Head of Department of Architectural Engineering and Design, Ogarev Mordovia State University, Counselor of Russian Academy of Architecture and Building Sciences, Candidate of Arts, Professor, e-mail: haus _ maler@mail.ru

CULTURAL LANDSCAPE OF DELTAIC CITIES

Key words. Cultural landscape, delta of the river, port city, sea logistics center, canals, urban areas, urban environment, dynamics of the space.

The article deals with cities, located in river deltas — Amsterdam, Rotterdam, Astrakhan and Saint-Petersburg in the context of culturological comparativistics. It is pointed how the natural conditions of the river delta favor the rapid economic growth of the port and the city around it. The deltaic cities have a specific spatial port-oriented structure, architectural composition, emphasizing such city-forming objects as the Admiralties, shipyards, warehouses. The canals, embankments, wharves are essential elements of urban space and the image of the city. It is considered what problems of the landscape organization — natural, anthropogenic, social, architectural — it has to be solved to save the deltaic cities as the largest logistics centers and major places for global exchange.

Tribushinina Svetlana Dmitriyevna — Junior Researcher of Department of Ethnography and Ethnology, NIIGN, e-mail: tribushinina85@mail.ru

Toropova Mariya Mikhaylovna — Researcher of Department of Ethnography and Ethnology, NIIGN, e-mail: lily24.87@mail.ru

TO CERTAIN ISSUES OF THE PUBLICATIONS "A BRIEF HISTORY OF THE ERZYA PEOPLE" BY I. F. ERZYAIKIN

Key words. The Mordvins, the Erzya, census, population, aspect, social sphere, mass media.

The article is devoted to an attempt to identify some of the inaccuracies in the publication "A Brief History of the Erzya People" by I. F. Erzyaikin, which gives a not quite correct description of 2010 census data, as well as of some aspects of social sphere, of the ban on the Erzya language of republican mass media, of forced migration et al.

Kalanov Valery Aleksandrovich — Researcher of Department of Information and Analytical Support for Studies, NIIGN, e-mail: irset55@yandex.ru

Uchvatov Pavel Sergeyevich — Junior Researcher of Department of Information and Analytical Support for Studies, NIIGN, e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

RUSSIAN MILITARY HISTORICAL SOCIETY IN MORDOVIA: NEW ADVANCES

Key words. The Russian Military Historical Society, the Republic of Mordovia, military history, popularization of national history, Saransk fortress.

The information about the activity of the Regional Branch of the Russian Military Historical Society in the Republic of Mordovia is given in the article. The main issues of the Society, relevant to the present time, are considered.

Махаев Виктор Борисович — заведующий кафедрой архитектурного проектирования и дизайна МГУ им. Н. П. Огарева, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, кандидат искусствоведения, профессор, e-mail: haus _ maler@mail.ru

ПРОЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ САРАНСКОЙ КРЕПОСТИ

Ключевые слова. Русская фортификация XVII в., деревянная крепость, реконструкция историко-архитектурного памятника, музейно-туристическая зона.

В статье рассматривается проект реконструкции деревянной Саранской крепости XVII в. Предлагается разместить ее в уменьшенном виде на левом крутом берегу реки Саранки, на склоне ниже Русского драматического театра. Проект предусматривает воспроизведение всех известных построек, существовавших в Саранской крепости во второй половине XVII в.

Нечаев Алексей Георгиевич — краевед, e-mail: nag502@yandex.ru

ПРОЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ САРАНСКОЙ КРЕПОСТИ

Ключевые слова. Крепость, XVII в., засека, острог, деревянная архитектура, реконструкция, сохранение исторических памятников.

Материал посвящен сохранению и реконструкции памятников истории, в частности Инзерской и Саранской крепостей в г. Саранске.

Пивкина Светлана Васильевна — редактор радиоканала «Вайгель» АУ «Мордовия — 7 дней», кандидат филологических наук,
e-mail: sve-pivkina@yandex.ru

СТОЛПЫ СЛУЖЕНИЯ

Ключевые слова. Духовное воспитание, религия, православие, священнослужители.

На протяжении многих лет в России формировались и крепли христианские традиции воспитания. Здесь жили наши благочестивые предки, завещавшие беречь православную веру. Этому посвящена статья о священнослужителях с. Пермиси (ныне Большеберезниковского района Республики Мордовия).

Потапкин Иван Иванович — аспирант отдела этнографии и этнологии НИИГН, e-mail: Ian-2805@yandex.ru

ТЁПЛОВСКАЯ НОВО-СЕРАФИМОВСКАЯ ПУСТЫНЬ САРАНСКОГО УЕЗДА

Ключевые слова. Земля, лес, пустынь, храм, животноводство, школа, народное просвещение, лазарет, разгром пустыни, закрытие пустыни.

В статье рассматривается история Тцпловской Ново-Серафимовской пустыни Саранского уезда. Этот монастырь внес определенный вклад в дело просвещения местного населения, оказывал крестьянам посильную помощь в период Первой мировой войны, о чем сообщают епархиальные ведомости, архивные источники и передается устно от поколения к поколению.

Давыдов Сергей Дмитриевич — младший научный сотрудник отдела археологии НИИГН, e-mail: archeoniirm@yandex.ru

Кемаев Евгений Николаевич — научный сотрудник отдела археологии НИИГН, e-mail: archeoniirm@yandex.ru

Пронин Александр Сергеевич — младший научный сотрудник отдела археологии НИИГН, e-mail: archeoniirm@yandex.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В МОРДОВИИ В 2013 — 2015 гг.

Ключевые слова. НИИГН, археологическая разведка, могильник, поселение, сохранность памятников.

В статье подводятся итоги археологических разведок, проведенных за последние годы силами сотрудников НИИГН. Дается характеристика современного состояния осмотренных памятников археологии, атрибуция полученного подъемного материала. Авторы подчеркивают необходимость возрождения системы комплексного мониторинга объектов историко-культурного наследия.

Куршева Галина Александровна — заместитель директора по научной работе НИИГН, доктор исторических наук, профессор,
e-mail: guniign@list.ru

ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА?

Рец. на кн.: Козлов Ф. Н. Православие в чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х — 1920-е гг. : монография / Ф. Н. Козлов. — Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2014.

Ключевые слова. Русская православная церковь, чувашский край, духовенство, идеология, обновленческое движение, научный архив, архивные фонды.

Дается подробный анализ монографии Ф. Н. Козлова, посвященной развитию православия в Чувашии в конце 1910-х — 1920-х гг.

Makhaev Viktor Borisovich — Head of Department of Architectural Engineering and Design, Ogarev Mordovia State University, Counselor of Russian Academy of Architecture and Building Sciences, Candidate of Arts, Professor, e-mail: haus _ maler@mail.ru

RECONSTRUCTION PROJECT OF THE SARANSK FORTRESS

Key words. Russian fortification of the XVII century, wooden fortress, reconstruction of historical and architectural monument, museum and tourist area.

The project of reconstruction of the wooden Saransk fortress of the XVII century is discussed in the article. It is proposed to place its reduced form on the left steep bank of the river Saranka, on the slope below the Russian Theatre of Drama. The project makes provision for reproduction of all known buildings, which were in the fortress of Saransk in the second half of the XVII century.

Nechaev Aleksey Georgiyevich — Historian, e-mail: nag502@yandex.ru

RECONSTRUCTION PROJECT OF THE SARANSK FORTRESS

Key words. Fortress, the XVII century, abatis, palisade, timber architecture, reconstruction, heritage preservation.

Annotation. The material is devoted to the preservation and reconstruction of historical monuments, in particular the Inzer and Saransk fortresses in the town of Saransk.

Pivkina Svetlana Vasilyevna — Editor of the Radio Channel "Vaygel", IE "Mordovia — 7 Days", Candidate of Philology,
e-mail: sve-pivkina@yandex.ru

THE PILLARS OF MINISTRY

Key words. Spiritual education, religion, orthodoxy, the clergy.

For many years the Christian traditions of education were formed and grew stronger in Russia. Our pious ancestors who entrusted us with preserving the Orthodox faith lived here. That is the article about the clergymen of the village of Permisi (now it is the Bolshie Berezniky District of the Republic of Mordovia) is devoted to.

Potapkin Ivan Ivanovich — Postgraduate Student of Department of Ethnography and Ethnology, NIIGN, e-mail: Ian-2805@yandex.ru

TEPLOVSKAYA NEW-SERAPHIM POUSTINIA OF THE SARANSK UYEZD

Key words. Glebe, forest, poustinia, church, livestock farming, school, public education, infirmary, devastation of the hermitage, closure of the hermitage.

The history of the Teplovskaya New-Seraphim Poustinia is considered in the article. This monastery made a definite contribution to the cause of education of local population, provided all possible assistance to peasants during the First World War as reported in eparchial bulletins, archival sources and what is passed on from one generation to another.

Davydov Sergey Dmitriyevich — Junior Researcher of Department of Archaeology, NIIGN, e-mail: archeoniirm@yandex.ru

Kemaev Evgeny Nikolayevich — Researcher of Department of Archaeology, NIIGN, e-mail: archeoniirm@yandex.ru

Pronin Aleksandr Sergeyevich — Junior Researcher of Department of Archaeology, NIIGN, e-mail: archeoniirm@yandex.ru

ARCHEOLOGICAL PROSPECTING IN MORDOVIA IN 2013 — 2015

Key words. The Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (NIIGN), archaeological prospecting, burial ground, settlement, preservation of monuments.

A brief survey of the results of archaeological prospecting carried out by research workers of NIIGN in recent years. The characteristic of the present-day state of examined archaeological monuments is given, as well as the attribution of obtained findings. The necessity of revival of the system of complex monitoring of the objects of historical and cultural heritage is emphasized.

Kursheva Galina Aleksandrovna — Deputy Director on Scientific Work, NIIGN, Doctor of History, Professor, e-mail: guniign@list.ru

IS IT OPIUM FOR THE PEOPLE?

Book Review: Kozlov F.N. Orthodoxy in the Chuvash region: internal church situation at the end of 1910s — 1920s : Monograph / F. N. Kozlov. — Cheboksary: Chuvash book publishing house, 2014.

Key words. Russian Orthodox Church, the Chuvash region, the clergy, ideology, renovationism, scientific archive, archive funds.

A detailed analysis of the monograph by F.N. Kozlov, devoted to the development of Orthodoxy in Chuvashia at the end of 1910s — 1920s, is made in the paper.

Виктор Борисович Махаев

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ДЕЛЬТОВЫХ ГОРОДОВ

«Sterker door strijd» («Окрепв борьбе»)
Средневековый девиз города Роттердама

Дельта как географический феномен. В эпоху античности дельтой называли устье величайшей реки древнего мира — Нила. Греческая буква Δ своим очертанием напоминала громадный веерообразный участок, образованный речными отложениями, принесенными к средиземноморскому берегу с необъятных территорий Восточной Африки. Во всех частях света существуют самые разнообразные дельтовые ландшафты[1]. Низовья рек с низменностями, сложенными речными наносами, закрепляются островками суши, благодаря взаимодействию замедляющих свой бег речных стоков, морских приливов и сгонно-нагонных течений. С торможением речного течения в дельте русло делится на систему рукавов и протоков, а механически взвешенный материал скапливается, создавая в некоторых случаях мощные отложения. При этом дельта крупной реки — одна из самых динамичных ландшафтных систем, скорость ее нарастания колеблется от метров до сотен метров в год. Многие дельты с древнейших времен являются районами интенсивного земледелия, на основе которого родились и процветали высокоразвитые мировые культуры.

Уже в глубокой древности стал складываться культурный ландшафт дельты, состоящий из речной системы, морского побережья, объектов сельскохозяйственной деятельности, гидротехнических и мелиоративных сооружений, портов и городов. Река и ее рукава, обводные и судоходные каналы, водохранилища, пристани, верфи, склады, набережные, мосты — все это важнейшими компонентами входило в пространственную структуру города, расположенного в речной дельте.

Культурный ландшафт реки — тема многих культурологических и историко-краеведческих исследований[2]. Речная дельта — «заключительная» часть культурного ландшафта реки. Историческая судьба и современный облик речных дельт разнообразны, они родственны и в то же время не похожи друг на друга.

Города в дельте — градостроительный феномен. Дельтовых городов на Земле насчитывается немало. Почти каждый из них является прославленным памятником истории и культуры, при этом выделяясь неповторимым природным ландшафтом, так или иначе трансформированным деятельностью человека.

Город в речной дельте — это, прежде всего, крупный порт и торговля — они обеспечивают развитие места, являются источником богатства, позволяющего развиваться власти и бизнесу, городскому обществу и местной культуре. Дельтовый город становится международным перекрестком культур. В книге Д. Брука «История городов будущего»[3] рассматриваются четыре города, ставшие воротами западной культуры в герметичный средневековый мир России (Санкт-Петербург), Индии (Мумбаи), Китая (Шанхай) и Аравии (Дубаи). Все они являются крупными портами и расположены (кроме Дубаи) в речных дельтах.

Возникший в дельте город с самого начала своей истории становится чрезвычайно проблемным узлом. В первую очередь речную дельту беспокоят природные факторы — паводки, морские приливы, капризы непредсказуемой погоды. Постоянной проблемой выживания дельтовых городов является защита от наводнений, вызванных нагоном морских волн. В XX в. предпринимались попытки строительства дамб в Нидерландах, близ Санкт-Петербурга, проектировались аналогичные сооружения у Венеции, но кардинального результата они пока не дали.

Фото выполнены автором в 2010 — 2014 гг.

В дельтовых городах необходимо решать градостроительные проблемы (адаптация стандартных поселенческих функций к месту) — находить особые методы зонирования и застройки. Большое значение имеют проблемы инженерно-строительные — высокие грунтовые воды и слабые грунты требуют дорогостоящих свайных фундаментов. Не менее существенны, а, может быть, и первостепенны, гуманитарные проблемы: в условиях интенсивного международного экономического обмена неизбежно столкновение этнических культур, социальных групп, местных жителей и приезжих. Поэтому именно здесь, в тесном пространстве вырабатываются толерантные отношения между субъектами обмена, создается лояльный статус чужака, позволяющий бесперебойно функционировать переусложненной системе как единому сообществу.

В итоге формируется специфическая культура места, ландшафт дельтового города-порта. Его визуальные черты невероятно привлекательны, сам городской пейзаж наполнен яркими образами и поразительными эффектами: причалы и верфи с гигантскими кранами, бесконечными контейнерами, отражающиеся в воде храмы, жилые дома непосредственно у воды, мачты кораблей на архитектурном фоне, повсеместно рассыпанная заморская экзотика. Отличителен и звуковой ландшафт города с постоянно плещущейся, журчащей водой.

Среди непохожих дельтовых ландшафтов с урбанистическими структурами мы выбрали три — дельту Рейна с городами Амстердамом и Роттердамом, дельту Волги с Астраханью и дельту Невы с Санкт-Петербургом.

Дельта Рейна. По западноевропейским меркам Рейн — протяженная река, от истоков Переднего Рейна в Альпах до дельты у Северного моря она вытянулась на 1 320 км. Долина Рейна издавна является густонаселенной и плотно окультуренной частью Западной Европы: важнейшая речная магистраль соединяет Швейцарию, Лихтенштейн, Австрию, ФРГ, Францию и Нидерланды. Внутренние страны Западной Европы имеют выход к морю, который обеспечивает система каналов, связывающая Рейн с Дунаем, Роной, Марной, Везером, Эльбой и Эмсом. Гидроресурсы Рейна давно и активно используются индустриально развитыми странами, по берегам реки функционируют крупнейшие промышленные кластеры и объекты энергетики, в результате пойма и речные воды сильно загрязнены токсичными стоками, перегретыми тепловыми и атомными станциями.

Дельта Рейна занимает всю Голландию, центральную часть Нидерландов[4]. Здесь расположены морские порты, в первую очередь Роттердам, который наряду с Амстердамом еще в XVII в. стал крупнейшим в мире, а голландское судостроение считалось наиболее мощным и прогрессивным.

Трансформация природного ландшафта Голландии, проделанная человеком в течение 10 столетий, поразительна. В конце Средневековья сверхплотную судоходную дельту — речную сеть с воронкообразными устьями трех рек — Рейна, Мааса и Шельды вдоль берегов Северного моря стали называть «Низинными землями». Здесь преобладают северо-западные ветры, часто случаются шквалистые порывы и штормы. Низменные районы до сих пор находятся под угрозой наводнений при нагонах вод Северного моря во время штормов.

Морской берег был сформирован природой — наносными дюнами высотой до 50 м. Суша была реконструирована искусственно — отвоеванными у моря и защищенными дамбами сельскохозяйственными землями (польдерами). Значительные мелиоративные проекты были реализованы в Нидерландах в XX в. В 1930 — 1950-е гг. было заполнено озеро Эйсселмер, на новых землях образована провинция Флеволанд, осуществлен проект «Дельта», предусматривавший широкомасштабное строительство шлюзов и дамб, отсечение устьев трех рек от моря и устройство судоходства по каналам. При кардинальных преобразованиях ландшафта утраты оказались неизбежными: в дельте Рейна произошло резкое сокращение фауны.

Половина населения страны проживает в сверхплотной по населению конурбации Ранстад, куда включены Амстердам, Роттердам, Гаага, Утрехт и Харлем. Морские ворота Европы в течение последних десятилетий демонстрируют преимущества социальной терпимости и мультикультурализма: сюда съехались эмигранты из бывших колоний (Индонезия и Суринам), а также из североафриканских стран, ставшие квалифицированными профессиональными кадрами, единой многоцветной и многоязыкой человеческой мозаикой.

Амстердам, не выходя непосредственно на берег Северного моря, расположился в «глубине» миниатюрной страны, в провинции Северная Голландия на берегу залива Эйсселмер в устье небольшой реки Амстел, образующей сложную сеть каналов и проток. С Северным морем город соединен Нордзе-каналом (позволяющим принимать океанские суда), а с Рейном — каналом Амстердам—Рейн.

Амстердам первоначально являлся одним из многочисленных рыбачьих поселений при дамбе, таковым он впервые упоминается в 1275 г. Спустя четверть века он получил городское право и стал интенсивно развиваться, взяв на себя миссию европейского прогресса. В XVI в. Амстердам — один из ведущих торговых городов Северных провинций, как никакой другой он сумел извлечь максимальную выгоду из итогов буржуазной революции 1570-х гг. В XVII столетии Амстердам, победив торгового конкурента Антверпен (который был в 1585 г. захвачен испанцами), принял антверпенских купцов и ремесленников,

а также испанских евреев, которые на два века превратили город в центр мировой торговли и финансов. Инновационными для мировой экономики институтами стали старейшие в мире Амстердамская фондовая биржа и депозитный банк. В «золотой век» национальной истории Амстердам был богатейшим европейским рынком и городом в целом. В XIX в. это столица Нидерландского королевства, получившая второй импульс капиталистического развития за счет прогресса в национальной промышленности, банковском деле и сверхприбыльной колониальной торговле[5].

В XX в. Амстердам оставался одним из крупнейших торгово-финансовых центров мира. Грузооборот его внешнего транспорта уступал лишь Роттердаму. Амстердам являлся также индустриальным центром Европы: здесь функционировали высокоразвитое машино-, судо- и авиастроение, развивались переработка нефти, производство электротехники и компьютеров, химическая, швейная и пищевая промышленность.

Амстердам — одна из самых урбанизированных частей Европы, плотность его населения составляет 4 457 человек на 1 км^2. Сплошная урбанизация уничтожила естественный ландшафт города, он здесь почти полностью искусственный. В связи с этим показательно, как в городе решаются вопросы застройки, транспорта, рекреаций и комфорта среды обитания.

Плотина на р. Амстел дала городу свое имя (Амстердам переводится как «дамба на Амстеле»). Именно с этого места город стал расширяться, в середине XVII в. здесь, на площади Дам была воздвигнута городская ратуша, ставшая впоследствии королевским дворцом. В том же столетии была прорыта веерообразная водная система, включавшая полусотню каналов, через которые переброшены около 500 мостов.

Пространство города плотно расчерчено каналами и ориентировано на большую воду, бухту Эй залива Эйсселмер. Историческая часть Амстердама — обращенная на северо-восток, почти симметричная концентрическая веерная планировка, образованная 4 главными полукруглыми каналами, делящими город на три района — Эйнгель, Кайзерсграхт, Принценграхт. Первоначально в середине веера размещался широкий канал, обращенный на бухту Эй. Почти три века ключевым звеном пространственной организации города была грандиозная гавань, фланкированная западной и восточной пристанями, где одновременно стояли порядка тысячи судов.

В архитектурном облике Амстердама в прошлые века значительная роль отводилась объектам судоходства и морской торговли: утраченные ныне колоссальные комплексы Адмиралтейства, Ост-Индской компании (на острове Каттенбург), складов.

Амстердам. Панорама с крыши музея «Немо» на район Остердок (Восточная гавань): залив с катерами и речными трамваями, набережная Принс Хендриккаде, устье канала Аудесханс (Старый ров, прорыт в 1510-х гг.), башня Монтелбансторен (1512). В «золотой век» Амстердама здесь располагались верфи и пакгаузы Ост-Индской кампании

Амстердам. Канал Принсенграхт назван в честь вождя буржуазной революции принца Вильгельма Оранского (1533 — 1584). В старину здесь располагались пакгаузы, мастерские и хофье — приюты для бедных и беженцев. За зданиями, стоящими на набережной, находится Зеркальный квартал, прорезанный короткой улицей Ньиве Спигелстраат. С XIX в. здесь обосновались антиквары

На рубеже XIX — XX вв. планировочное ядро города закрепило монументальное здание Центрального железнодорожного вокзала, связанное широкой улицей с площадью Дам. На протяжении веков ландшафт города постоянно менялся: засыпались каналы, новая суша превращалась в улицы и площади, где поднимались кварталы или крупные общественные здания (вокзал на рубеже XIX — XX вв., восточные доки в конце XX в.).

При этом исторический центр Амстердама прекрасно сохранился и по пространственной структуре и по архитектурной застройке (в годы Второй мировой войны город не пострадал). Кварталы имеют замкнутый периметр и миниатюрные дворы, улицы узки, а общественные пространства нельзя назвать просторными. В кварталах доминируют жилые дома, склады, здания торговых гильдий и компаний, построенные в XVI — XVIII вв. Среди сверхплотной застройки, ужесточенной высотным регламентом, выделяются стройными колокольнями готические и классицистические церкви. Крупные общественные здания в национальном стиле нидерландской готики появились в ключевых местах города во второй половине XIX в. — Государственный музей и Центральный железнодорожный вокзал (архитектор П. Кейперс), на рубеже XIX — XX вв. — здание Биржи (архитектор Х. Берлаге).

В XX в. Амстердам стал творческим полигоном для экспериментов архитектурного авангарда, к ним относятся, в первую очередь, генеральные планы новых городских районов 1930-х гг. Послевоенная архитектура — многочисленные кварталы функциональных жилых зданий и ряд общественных комплексов, выдвинувших Нидерланды в ряд ведущих держав архитектурного модернизма (архитекторы И. ван дер Мей, К. де Базел, И. Стал, В. Дюдок). На рубеже XX — XXI вв. Амстердам вновь становится витриной европейских архитектурных и дизайнерских достижений, всемирное признание получили не только новаторские произведения крупнейших зодчих мира (К. Куроквава, Р. Пиано, Г. Хертцбергер, Л. Крие, Э. ван Эгераат, Д. Чипперфилд, Н. Гримшоу), но и блестящая реконструкция крупных городских территорий (бывшие Восточные доки, берега Спорвегбассен, острова в восточной части).

Важнейшая задача нидерландского градостроительства и архитектуры — создать в перенаселенных городах комфортную среду, рационально застроить отвоеванные у моря клочки земли. При этом здесь не приветствуются формалистические трюкачества: слишком проблемное место диктует серьезные правила архитектурной игры. Опыт формирования предельно компактной и

Амстердам. Через реку Амстел переброшен разводной Тощий мост, предназначенный для пешеходов и велосипедистов. Он был выстроен в 1934 г. на месте старого моста, соединявшего районы Грахтенгордел-Зюйд (Южные каналы), Йоденбюрт (Еврейский квартал) и Плантаж (Плантации)

экономичной застройки Амстердама является бесценным примером для стран с дефицитом пространства и большой плотностью населения.

В Амстердаме наиболее ярко чувствуется нидерландский парадокс: органичный синтез миниатюрности (планировочные структуры, жилье, пешеходные пространства) и колоссальности (порт). В архитектуре города выделяются характерные черты и узнаваемые элементы, придающие Амстердаму неповторимость. Главные принципы местной архитектуры — независимые от стиля практичность и лаконизм. Большая часть старых зданий покоится на массивных деревянных сваях. Ввиду чрезвычайной плотности застройки почти все исторические здания стоят вплотную друг к другу, имея контрастные пропорции: узкий (6 м) высокий (до 4 этажей) фасад скрывает длинный (до 25 м) объем, уходящий в глубину квартала. На крутом треугольном фронтоне уличных фасадов выступают концы балок с блоками, с их помощью поднимали грузы со стоявших на каналах судов. Многие жилые дома имеют крупные оконные проемы, лишенные занавесок, позволяющие взгляду прохожего оценить стильный интерьер. Для Амстердама, как и для других голландских городов, характерна фактура стены из тонкого кирпича с белокаменными вставками. На каналах немало «плавучих домов», в частности, «уикэнд-хоумс», в которых отдыхают по выходным.

Несмотря на обилие каналов, современным транспортом в городе стали не речные трамваи и моторные лодки, а велосипед, наиболее мобильный и экономичный вид индивидуального передвижения в условиях узких улочек, миниатюрных двориков и плоского рельефа. В 2006 г. в городе насчитывалось около 465 тыс. велосипедов, т. е. один велосипед приходился на двух жителей.

Роттердам расположен на берегах Ньиве-Маас — северного рукава дельты Рейна. В 1340 г. деревушке Роттердам («дамба на Мутной речке»), жители которой три века промышляли ловлей сельди, был дарован статус города. В XVII в. Голландская Ост-индская компания разместила здесь один из своих шести торговых портов. Так городок на дамбе превратился в крупный торговый порт. В конце XIX в. в город поступали американские и французские инвестиции, был проложен канал Ньиве-Ватервег, соединивший город с Северным морем и позволивший заходить сюда океанским судам.

С этого времени Роттердам — крупнейший порт мира. Среди портов-гигантов Роттердам по грузообороту в XIX — XX вв. занимал первое место, мировым лидером он являлся в 1962 — 2004 гг. (достигнув в 2000-е гг. грузооборота в 320 млн т), но в начале XXI в. его опередили Сингапур и Шанхай с грузооборотом 325 млн т.

Морской порт Роттердама расположен на рукавах дельты Рейна и Мозеля в 33 км от Северного моря (порт связан с морем каналом глубиной 19 м). Роттердамский порт — это колоссальный портовый комплекс с речным и морским портами, авангортом, более 50 бассейнами, рейдами, гаванями, специализированными причалами и набережными. Часть порта — Европорт расположен на острове Розенберг, где сосредоточены крупные металлургические комбинаты и нефтеперерабатывающие заводы. Причальный фронт с мощной грузовой техникой, десятками складов, нефтяных емкостей, элеваторов и холодильников вытянут более чем на 30 км. Порт одновременно обслуживает 375 морских судов, в год через него проходит более 700 тыс. пассажиров.

Как главный порт Европейского экономического сообщества Роттердамский транзитный порт связан с промышленными зонами Европы водным путем по Рейну и Мозелю, развитой сетью железных и шоссейных дорог, рейнским нефтепроводом. Высокоразвитый индустриальный район Роттердама функционирует на привозном сырье (нефтепереработка, нефтехимия, судостроение, электротехника и металлообработка).

До XX в. Роттердам оставался типичным портовым городом, его застроенное тесными кварталами про-

Роттердам. Деловые комплексы располагаются в восточной части городского центра на северных берегах реки Ньиве-Маас. На треугольном острове, образованном каналами Винхейвен и Схеепмакерсхейвен высится комплекс офисов (архитектор К. Кристианс, 1993 — 2007)

странство рассекалось пополам широкой водной гладью. В 1920 — 1930-е гг. город стал одним из европейских центров модернистской архитектуры (фабрика «Ван Неле», жилая застройка архитектора Я. Ауда). В середине XX в. к специфическим местным проблемам добавилась еще одна. В 1940 г. в ходе германского вторжения город подвергся бомбардировке, и его центр был полностью разрушен. В связи с этим в послевоенные годы был выстроен, по сути, новый Роттердам — более просторный, по канонам функционалистического градостроительства (генпланы К. ван Тра 1946, 1955 — 1960). Городская среда с лаконичной модернистской архитектурой, чередой фасадов, расчерченных, как полотна П. Мондриана, была дополнена абстрактными скульптурами Г. Мура, О. Цадкина и других мастеров мирового авангарда. В начале XXI в. Роттердам вновь стал архитектурной столицей Европы (архитекторы Р. и Т. Колхаас, Д. Коэнен, Н. Фостер, Р. Пиано, Э. ван Эгераат)[6].

Экспериментальная архитектура и городской дизайн Роттердама последних 50 — 60 лет выстраиваются в целостную предметно-пространственную среду, переполненную яркими произведениями. По ним можно проследить, что считалось экспериментом в середине XX в. и сегодня, что будет растиражировано в ближайшие годы в других странах как образец современности. В городской среде Роттердама — парадоксальное сочетание утилитаризма и выразительной художественности, экономности и дерзости. Город с помощью архитектуры демонстрирует, как успешно решаются проблемы маловыразительного плоского и тесного пространства, а с помощью дизайна — безотходного экологического производства, и в целом — как создается современная, комфортная, эстетически наполненная и художественно эффектная городская среда.

Роттердам. Два жилых комплекса на берегу канала Аудхейвен: Кубические дома (эксцентрично поставленные на угол здания) и Спаанскаде (имитирующий традиционную застройку квартал). Представляющие социальное жилье комплексы располагаются вблизи станции метро Блаак, Морского музея и городской библиотеки (архитектор П. Блом, 1978 — 1984).

Речные дельты в геополитике Российской империи. Единственным отечественным городом, построенным в речной дельте, был Архангельск. В середине XVI в. торговля Московского государства с Англией и Голландией осуществлялась по реке Северная Двина и Северному морю — предприятие было дорогостоящим и непредсказуемым. В дельте реки, где единственным знаком русского присутствия был Николо-Карельский монастырь, европейские и русские купцы открывали фактории, и в 1584 г. для их защиты от шведов потребовалось построить крепость. Так был основан портовый город Архангельск. Современный город расположен в 30 км от Белого моря на речных берегах и островах дельты Северной Двины, которая занимает площадь 900 км^2.

В конце XVII в. Россия не имела выходов к Балтийскому и Черному морям, но развивающейся державе, которая претендовала на доминирование в Восточной Европе, требовались морские порты — для военного контроля за большими территориями и торговли с Европой. Создание морского флота и функционирование морского порта стали первостепенной геополитической целью России[7]. Первоначально развитие получил существовавший порт в Архангельске. В 1693 г. Петр I заложил Архангельское адмиралтейство — первую государственную судостроительную верфь. В годы Северной войны адмиралтейство и порт бурно развивались, так как Белое море оставалось единственным защищенным путем в Европу. Но в 1713 — 1718 гг. товарооборот порта принудительно сократился в пользу балтийского порта Санкт-Петербурга.

Петр I пытался закрепиться на Черном море, создав в дельте Дона на азовском берегу военно-морскую базу. Именно на это были направлены строительство воронежской верфи в 1694 — 1696 гг. и война с Османской империей — Азовские походы 1696 г. Первые военные победы позволили императору построить крепости Азов и Таганрог. Но выхода в Черное море Россия не получила, так как Керченский пролив оставался под турецким контролем. Поэтому создать в дельте Дона новую столицу — военно-морской порт

не удалось: азовская компания завершилась неудачно, и вектор развития империи развернулся на северо-западную окраину государства, к устью Невы.

Еще одна дельта, привлекавшая внимание Петра I — волжская с астраханской крепостью. Астрахань была опорным пунктом русской колонизации низовий Волги, поэтому император превратил ее в крупнейший стратегический пункт на юго-восточных рубежах России: здесь им были созданы порт, верфь, адмиралтейство и Каспийская флотилия. Петр I вынашивал планы установить прямые контакты с Индией через Каспийское море — Астрахань должна была стать «окном России» в Азию, и до начала XX в. она являлась главными южными воротами страны.

Дельта Волги. Одна из крупнейших рек мира Волга протянулась на 3 530 км по просторам Восточной Европы. Волжская дельта — крупнейшая в России — начинается в месте отделения от ее главного русла рукава Бузан в 46 км севернее Астрахани. Дельта разделена многочисленными рукавами, протоками и речками (их количество доходит до полутысячи). Главные рукава: судоходный Бахтемир, а также Камызяк, Старая Волга, Болда, Бузан и Ахтуба. География Волжской дельты чрезвычайно подвижна. При стабильном стоянии уровня Каспийского моря в 1863 — 1914 гг. линейное нарастание дельты составляло 94 м в год; в 1930 — 1940 гг. — доходило до 0,7 — 1,0 км в год[8].

Вскрывается Волжская дельта в середине марта, на месяц ранее, чем Волга в среднем течении, и остается свободной ото льда на 260 дней. Природа волжской дельты уникальна, под охраной находится Астраханский биосферный заповедник, старейший в России.

Исток «великой русской реки» находится на Валдайской возвышенности, там, где в Средние века формировались древнерусская культура и государственность. Уже в раннем средневековье Волга являлась важнейшим торговым путем между Восточной Европой и Центральной Азией. С Востока вывозились металлы и ткани, из русских княжеств — меха, мед и воск. С XIV в. роль волжского торгового пути резко выросла в связи со строительством по берегам Волги крупных русских крепостей и улусных центров Золотой Орды, интенсивно осваивались нижнее течение реки и ее дельта. Волжская речная система была объединена Московским государством в середине XVI в. после покорения Иваном IV Казанского и Астраханского ханств. В середине XVII в. набиравшее мощь, интенсивно расширявшееся Московское государство колонизировало волжские низовья и дельту, выходившую на Каспийское море. Между тем в XVIII в. развитие водного пути в нижней части Волги (слабозаселенной, подверженной народным смутам и военной опасности) затормозилось. Бурное развитие волжских низовий и всего Волжского торгового пути началось в первые десятилетия XIX в. После присоединения в 1808 г. к Волге Мариинской речной системы был создан крупный речной флот, перевозивший громадные объемы хлеба, соли, рыбы, а позже нефти и хлопка. Большое экономическое значение приобрели многочисленные ярмарки, проходившие в волжских городах.

Дельта Волги имеет схожие черты с дельтой Дуная, внесенной во Всемирное наследие ЮНЕСКО. Культурный ландшафт Дуная, как и Волги, грандиозен: в древности это граница Римской империи, широтная ось освоения европейских пространств, вектор развития Османской и Австро-Венгерской империй, в настоящее время — важнейшая коммуникационная ось Центральной Европы. Несмотря на интенсивное освоение дельты в древнейшие времена, в конфликтные XIX — XX вв. здесь, в месте противостояния славянского, романского и тюркского миров, империй и тоталитарных режимов, урбанизированной культуры не сложилось, и в настоящее время дельта пребывает в запустении[9].

Астрахань. В период раннего средневековья в волжской дельте на пересечении торговых путей располагались многочисленные поселения хазар (столица Хазарского каганата Итиль), половцев и монголо-татар (Аштархан). Сегодня статус поселений в волжской дельте определить трудно, она представляет собой обширную систему «мертвых городов» Золотой Орды. В 1459 — 1556 гг. Астрахань являлась столичным городом одноименного ханства.

Русское государство завоевало дельту в 1557 г. В XVI — XVIII вв. в условиях острой военной угрозы статус русского пограничного города требовал мощной «подпоры» устья Волги. Астрахань стала главной пограничной крепостью Русского государства, охранявшей низовья Волги и выход в Каспийское море. В 1558 г. была возведена деревянная Астраханская крепость, в 1589 г. — каменный кремль. В XVII — XIX вв. Астрахань завершала на юге «главную улицу России» Волгу и служила базой проникновения на Кавказ, в Закавказье и Среднюю Азию. Связи с ними осуществляли торговые дворы — Гилянский (с Персией), Бухарский, Агрыжанский (с Индией), Армянский и Казанский. Шла интенсивная торговля солью, серой, черной икрой, осетром и каракулем. При этом регион оставался крайне неспокойным: в середине XVII — начале XVIII в. здесь разгорелась череда казачьих восстаний.

В XVIII — XIX вв., несмотря на значительные размеры, Астрахань не стала промышленным центром, ее роль заключалась в создании и развитии общероссийского торгового центра[10]. Функционировал морской

порт — суда перегружались в открытом море, в 200 км от города. В 1860-е гг. после открытия бакинских нефтепромыслов астраханский порт стал нефтяным и одним из важнейших в России (по количеству судов — вторым после Одессы).

В облике Астрахани всегда большую роль играли торговые комплексы с причалами, гостиными дворами и обширными специализированными базарными площадями. Астрахань была одним из многочисленных центров торгового речного судоходства, типичными занятиями жителей были судовождение, извоз, лоцманство, рыболовство, бурлачество и лодочный промысел.

Население Астрахани изначально складывалось многонациональным, здесь проживали русские, татары, армяне, персы, казахи, немцы, греки — каждый народ создавал свою среду обитания. Город был разделен на этнические слободы (наиболее крупные — Татарская и Армянская), архитектурными символами этнических кварталов были подворья восточных купцов, караван-сарай, восточный базар, мечеть, католический костел, православная церковь, а также типичные для каждого народа жилища.

Астрахань середины XVIII — XIX в. с полным правом можно назвать культурным «гнездом», в котором сложилась самобытная интернациональная художественная и литературная среда, была развита религиозная, духовная и интеллектуальная жизнь.

В XX в. геополитическое и экономическое значение Астрахани упало: во внутреннем Каспийском море контакты были ограничены. Сегодня город остается центром транзитной торговли и транспортным узлом (в основном перевалочным) на стыке Азии и Европы. В постсоветский период был открыт международный аэропорт, развернуто строительство международного морского порта с грузооборотом в 30 млн т в год, который свяжет страны Каспийского региона с Европой. Проектируется мультимодальный транспортный узел — звено трансконтинентального железнодорожного сообщения Северная Европа — Ближний Восток — Индия.

Территория Астрахани рассечена рукавами Волги и протоками (ериками) Болда, Кутум, Царев и Кизань. Исторический центр города с кремлем и Белым городом находится на большом острове, окруженном Волгой, рекой Кутум, ериками Царевым и Казачьим. В планировочной структуре Астрахани ключевую роль до сих пор играет средневековый кремль — крупный фортификационный белокаменный комплекс, доминирующий над городом и рекой (архитекторы М. Вельяминов, Д. Губастый, 1580 — 1620). В ансамбле кремля выделяются Успенский собор (архитектор Д. Мякишев, 1710), Троицкий собор (XVII — XVIII вв.) и поздняя по строительству колокольня (конец XIX в.).

В XVIII в. к юго-западу от кремля параллельно волжскому берегу размещалась рационально распланированная верфь, но слободы расширялись спонтанно, застраивались, как в каждом южном городе, хаотично. Планировочная структура города была модернизирована в конце XVIII в. по генеральному плану А. В. Квасова: улицы были спрямлены, кварталы упорядочены, восточнее кремля была разбита квадратная плац-парадная губернаторская площадь, обстроенная классицистическими общественными зданиями. Белый город, застроенный представительными каменными жилыми и общественными зданиями, и сегодня сохраняет среду губернского русского города начала XX в. В целом в историческом центре доминируют памятники средневековья и классицизма, сгруппированные в ансамбли (с утратами советского времени). Остров с кремлем и Белым городом по периметру охватывает широкое кольцо кварталов малоэтажной каменно-деревянной жилой застройки, где грязные восточные базары чередуются с убогими трущобами Криуш и Закутумья.

Астрахань. Памятник Петру I был установлен в 2007 г. на новой площади близ пассажирского причала (скульптор А. Д. Ковальчук, архитектор А. И. Федорченко). На бронзовой плите указ о создании Астраханской губернии. Вокруг памятника — фонари в виде корабельных мачт с датами морских походов императора. От площади Петра Великого начинается протяженная волжская набережная, выполненная в гранитных формах петербургских набережных

Городская среда Астрахани демонстрирует, какие задачи решались в архитектуре разных эпох: в первые десятилетия существования русского города — это неприступный форпост державы, после петровских и екатерининских реформ — регламентированный пространственный порядок, на рубеже XIX — XX вв. — многообразная и комфортная жизнь разноязыких и трудолюбивых обывателей, в начале XXI в. — образы утраченной империи.

Один из привлекательных элементов городской архитектуры прошлого — балконы старинных домов, стоящих на главных улицах города. Жилые фасады покрыты множеством великолепных чугунных решеток, закрывающих обширные площадки, нависающие над тротуарами. Южный и восточный колорит повсеместно встречается в декоре фасадов и дворах с деревянными лестницами, галереями и застекленными верандами.

В начале XXI в. актуализирует героическую петровскую эпоху новая Волжская набережная с гранитными стенами и памятником Петру I, отсылающая по стилистике к классицистическим набережным северной столицы (2012). Другой новейший символ Астрахани — громадный оперный театр, выстроенный в нарядных формах допетровской архитектуры, имитирующих местный кремль. По замыслу московского архитектора А. Денисова, такое демонстративное решение должно символизировать прочное русское присутствие в Прикаспийских степях.

Дельта Невы. В 1697 г. Петр I отправился в составе Великого посольства в Западную Европу для изучения военно-морского дела. Молодой царь побывал в странах с развитым флотом, в портах на Балтийском и Северном морях, он лично учился корабельному ремеслу на верфях Ост-Индской компании в Голландии.

На рубеже XVII — XVIII вв. мощная империя без выхода к морям существовать не могла. Россия обладала тогда лишь одним портом, Архангельском, но нарождающейся державе требовался выход в Балтийское море. В конце XVII в. здесь безраздельно господствовала Шведская империя, против которой в 1697 г. был образован Северный союз Дании, Норвегии, Саксонии и России. Задачей коалиции было завоевание южных и восточных берегов моря, с этой целью она развязала Северную войну, длившуюся с 1700 по 1721 г. Ее итогом стало поражение Швеции и закрепление России в восточной части Балтийского моря. Россия по Ништадскому договору выкупила у Швеции Ингрию, Карелию, Эстляндию, Лифляндию и Курляндию[11]. В 1703 г. в устье Невы был заложен Санкт-Петербург — морской военный и торговый порт, будущая имперская столица. После заключения в 1721 г. Ништадского мира Сенат и Синод преподнесли Петру титул всероссийского императора. Так дельта Невы превратилась в западный форпост Российской империи.

Топоним «Нева» восходит к индоевропейскому newa, т. е. «новая». По данным гидрологов, более 3 тыс. лет назад сток из Ладожского озера проходил через Вуоксу, но вследствие прорыва гряды (место современных Ивановских порогов) вода стала поступать в Финский залив по новообразованной реке. Этот прорыв стал геологической катастрофой, поэтому древние германцы, ставшие ее свидетелями, назвали ее «новой».

Река Нева является важной водной магистралью, входящей в систему Волго-Балтийского и Беломорско-Балтийского путей[12]. Вытекая из Шлиссельбургской губы Ладожского озера, она течет по Ленинградской области, плоской и заболоченной Приневской низменности. В низовьях она расщепляется на рукава, образуя обширную дельту, на островах которой и в Приневской низине расположен Санкт-Петербург (в черте города Нева протянулась на 28 км). Нева впадает в Невскую губу Финского залива Балтийского моря.

В нижнем течении реки образуется обширная невская дельта длиной

Астрахань. На Красной набережной р. Кутум находится памятник промышленной архитектуры в стиле модерн, напоминающий петербургские аналоги — городская электростанция, строившаяся в 1896 — 1916 гг. по проекту архитектора К. К. Домонтовича. Электрификация города появилась в конце XIX в., когда заработала трамвайная электростанция, также обслуживавшая освещение улиц и набережных

15 км со множеством рукавов, проток, каналов и островов. Она возникла не в результате осаждения речных наносов, а за счет работы текучих вод, сгонов и нагонов морской воды. Топографическая съемка 1718, 1777 и 1864 гг. позволяет оценить динамику невской дельты, вызванную природными факторами. Расчет показывает, что быстрее увеличиваются обращенные к морю или малые острова, а общий возраст невской дельты составляет около 1 050 лет.

Границами дельты являются реки Большая Невка на севере, Фонтанка и Екатерингофка на юге, Угольный мол на юго-западе. Площадь дельты 83 км^2, из которых 60 км^2 приходится на острова (самыми крупными из них являются Васильевский, Петроградский, Крестовский и Декабристов). Наиболее значительны рукава дельты — Большая и Малая Нева, Большая, Средняя и Малая Невки; каналы Морской, Обводный, Грибоедова и Крюков. Река Нева и рукав Большая Нева делят дельту на правую, северную и левую, южную части. На протяжении трех веков ландшафт невской дельты постоянно менялся не только природой, но и человеком: для осушения болот сооружались каналы и пруды, производилась засыпка второстепенных проток, расширялись острова. Так, в начале XX в. невская дельта состояла из 48 рек и каналов, образующих 101 остров, в 1975 г. число водотоков сократилось до 45, а островов до 42.

Устьем Невы является створ против Невских ворот морского торгового порта у выхода из Большой Невы в Гутуевский ковш. В конце дельты образуется 5 крупных проток, которые омывают Невское взморье, и 9 песчаных отмелей, разделенных 6 фарватерами.

Западные ветры приводят к нагону воды в Финском заливе и низовьях Невы. В протоках дельты под действием входящих в устье длинных морских волн, ветровых нагонов и стоячих волн иногда происходят резкие и высокие подъемы уровня воды, приводящие к наводнениям. За три века городской истории произошло около 300 наводнений. Катастрофические наводнения (около 4 м над ординаром) случались в 1824 г. (запечатленное А. С. Пушкиным в «Медном всаднике») и в 1924 г. В 2011 г. в Невской губе был выстроен Комплекс защитных сооружений Санкт-Петербурга от наводнений, который, с одной стороны, защитил город от водной стихии, а с другой — усугубил экологические проблемы.

В связи с тем, что Санкт-Петербург является крупнейшим индустриальным центром Северо-Запада России, невская дельта катастрофически загрязнена промышленными и бытовыми стоками.

В центре и на окраинах Санкт-Петербурга берега благоустроены набережными с 300 лестничными спусками; в городе выстроены 10 мостов, из них 8 разводных. Ширина Невы около 400 — 600 м, наибольшая — у Невских ворот морского торгового порта доходит до 1 200 м. Глубина реки составляет 8 — 11 м, наибольшая у Литейного моста — 24 м.

Санкт-Петербург. Заложенная в порыве имперской гордыни новая столица имела против европейских столиц ряд существенных преимуществ. Все они являлись древними городами, к началу XVIII в. представлявшими в целом запутанные средневековые структуры с единичными вкраплениями регулярных планировочных элементов. Для создания крупных ансамблей европейским столицам требовалась невозможная в то время «хирургическая» реконструкция. Европейских городов, выстроенных на свободной территории к тому времени, было немного и по размерам они были поселениями небольшими: королевская резиденция Версаль, «идеальные города» Пальма Нуова, Шарлевиль, Анришмон. Свободное от городской застройки пространство невской дельты (если не считать шведский крепостной город Ниен) позволяло создать крупный столичный город по единому проекту. Градостроительный анализ Амстердама, Рима, Версаля, Парижа позволил зодчим использовать наиболее прогрессивные достижения. Воля самодержца заставляла проектировать и строить город по тщательно выверенной программе. Наконец, открытость петровской политики способствовала привлечению лучших, образованных, опытных, и одновременно молодых европейских зодчих (Ж.-Б. Леблон, Д. Трезини, Д. Т. Фонтана, Н. Микетти, А. Шлютер и Г. Маттарнови). Перед ними была поставлена задача: взяв за образец самое лучшее в мире, превзойти его.

Петропавловская крепость была построена по всем канонам западноевропейской фортификации (инженер А. Кирхинштейн). По тем же принципам на противоположном берегу строится верфь. Осваиваются берега Невы и ее рукавов, прокладываются каналы, застраиваются по единообразным образцовым проектам улицы и одинаковые кварталы, создаются набережные. Санкт-Петербург в первой половине XVIII в. ориентируется на Амстердам, копируя его планировку, застройку и стилистику. Так, согласно генеральному плану Д. Трезини 1716 г., Васильевский остров расчерчивается параллельными улицами-линиями наподобие голландских каналов, а центром города становится не дворец или собор, но транспортно-производственный комплекс адмиралтейства. Образы городской среды также были заимствованы из европейской пейзажной живописи и графики тех лет (городские пейзажи-панорамы Ф. Алексеева, М. Махаева основывались на венецианских ведутах Д. Каналетто).

В идеологии Петра I столичный город рассматривался вопреки традиционным представлениям не

спонтанно разрастающейся обывательской застройкой вокруг крепости или дворца, а мгновенно возведенной громадной мастерской. Столица была призвана работать как верфь, создавая модель для подражания всем другим отечественным городам.

К середине XVIII в. амстердамский опыт был исчерпан. После строительства ряда великолепных барочных дворцов и храмов первым придворным зодчим Ф. Б. Растрелли стало понятно, что столичный город должен изменить модель своего развития. В идеологии конца XVIII — начала XIX в. имперская столица — это выражение мирового первенства, державной мощи и тотального порядка. Русской столице для создания репрезентативного пространства в духе эстетики классицизма требовались новые — крупномасштабные образцы имперской столицы. В первой половине XIX в. Санкт-Петербург ориентируется на отработанные в Европе приемы — римские ансамбли, как античные, так и барочные, на ансамбль Версаля, а также на центральный ансамбль в Париже (Лувр — Тюильри — Конкордия).

Город строится как система выдержанных в едином стиле ансамблей, утверждающих власть человека над безграничным пространством (архитекторы К. И. Росси, А. Д. Захаров, Д. Кваренги, Ж. Тома де Томон, А. Н. Воронихин). Материковая часть города разрезана трезубцем Невского проспекта, Вознесенской и Гороховой улиц, который обращен на Неву. Невский проспект разворачивается впечатляющей анфиладой площадей. Вдоль реки выстраивается система трех парадных площадей и главных зданий города — Адмиралтейства, Зимнего дворца и Главного штаба, Сената и Синода, Исаакиевского собора. Стрелка Васильевского острова с биржей и Петропавловская крепость с собором обращены на широкое зеркало Невы[13]. В панорамах невских берегов, перспективах проспектов и каналов раскрывается необъятность городского пространства. Архитектурные символы рокового влечения города к воде — каналы, набережные и мосты бесподобны по красоте. Классическая архитектура — знак власти, порядка и высокого культурного стандарта превращена в абсолют. Все ему подчинено: от алебастрового профиля на фасаде до города в целом.

В основе пространственных композиций дисимметрия, позволяющая адаптироваться к реалиям места. Высотный регламент в 23,5 м (высота Зимнего дворца) сдерживает объемы, заставляя их укладываться горизонтально, превращая плотную застройку в планиметрические структуры. Сплошной фронт застройки кварталов разрезает город улицами-коридорами с принудительным вектором движения. Редкие, но точные вертикальные акценты показывают движение пространства к воде. Ансамбли раскрыты на воду. Среди монументальной грандиозности малые реки и каналы становятся живописными и камерными паузами.

При этом западноевропейская эстетика в Санкт-Петербурге получила новое воплощение: к моменту основания столицы у русских был накоплен семивековой опыт градостроительства. Главное в русском понимании пространства — требование просторности и открытости, возможность нарушения правильной геометрии и островное выделение доминант. В организации северной столицы они сохранены. Можно ут-

Санкт-Петербург. Невская перспектива от Дворцового моста на Университетскую набережную Васильевского острова. Кунсткамера (архитекторы Г. И. Маттарнови и др., 1734) — первый общедоступный русский музей с библиотекой и обсерваторией. Далее — Академия наук (архитектор Д. Кваренги, 1789) и здание Двенадцати коллегий (с 1835 г. — университет, Д. Трезини, 1722)

верждать, что в Санкт-Петербурге синтезировались каноны классицизма и древнерусские традиции, родилась национальная версия стиля эпохи[14]. В конце XVIII в., когда столица вновь становится моделью для подражания, русский классицизм тиражируется во многих городах Российской империи.

Ворота закрытой страны должны строго охраняться: они являются преградой всему враждебному, допуская в ограниченном количестве лишь проверенное. Астраханский кремль с его грозными башнями красноречиво об этом говорит. Культура Санкт-Петербурга на протяжении двух веков базировалась на открытости страны во внешний мир. Всем своим пространством русская столица была обращена в Европу, но при этом его классическая культура и архитектура XVIII — XIX вв. не были космополитическими, они стали национальными. Город на Неве воспевал одновременно государственный (божественный) порядок и человеческую свободу, тяготение к Европе и национальную гордость. Эти конфликты порядка и свободы, своего и чужого породили петербургский текст XIX — XX вв. и шире — дуализм русской культуры и сознания.

Поразительно, как природный ландшафт невской дельты, лишенный каких бы то ни было элементов выразительности, за два века был превращен в уникальный, один из лучших столичных городов мира. Справедливо, что громадный исторический центр Санкт-Петербурга целиком был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Заключение. К каким типам культурного ландшафта относятся описанные города? Как нам представляется, для дельтовых городов без дифференциации их ландшафтного наследия можно найти единый тип. В документах ЮНЕСКО для оценки культурных ландшафтов предлагается типология, основанная на степени культурных преобразований и жизнеспособности ландшафта. Выделяются три типа: целенаправленно созданные, естественно сформированные и ассоциативные ландшафты[15]. Рассмотренные нами дельтовые урбанизированные ландшафты можно отнести к целенаправленно созданным и развивающимся, так как они продолжают существование благодаря деятельности человека, направленной на их восстановление, сохранение и развитие.

Санкт-Петербург. Английская набережная протянулась по левому берегу Большой Невы от Сенатской площадь до Ново-Адмиралтейского канала. Вид с Благовещенского моста на ампирный особняк графа Н. П. Румянцева — в середине XIX в. в его залах выставлялась великолепное историческое и художественное собрание вельможи-коллекционера (ныне музей городской истории)

Раскрывая глубже тип культурного ландшафта дельтового города, можно констатировать, что это исторически сложившийся тип с явно выраженной природной основой[16]:

— по природным характеристикам — низменный, с дюнами и болотно-луговой растительностью, приморско-приречный ландшафт;

— по степени культурных преобразований — целенаправленно созданный, управляемый ландшафт, являющийся произведением сотворчества природы и человека;

— по исторической функции — урбанизированный, индустриальный ландшафт с функциональной доминантой — международным морским портом, на основе которого сформирован многофункциональный город;

— по типу культуры — городской ландшафт с крупным, значимым историческим ядром, мультикультурным по наполнению;

— по эстетическим характеристикам — ландшафт, обладающий высокими эстетическими качествами, в семантике которого осознание человечеством своих безграничных возможностей, грандиозная духовная работа творческих личностей и всего социума.

В данном очерке мы сопоставили Амстердам и Роттердам, Астрахань и Санкт-Петербург. Были перечислены особенности природы, истории, геополитики, экономики, культуры и архитектуры двух городов в Северной Европе и двух (на северо-западе и юго-востоке) в Европейской части России. Укрощение природы — важная составляющая истории дельтовых городов, но все же на первый план выходит их геополитическая роль.

Дельта Рейна занимает в Нидерландах треть территории, дельтовый культурный ландшафт — это основное содержание национальной культуры, основа ее идентичности.

В XX в. два крупных дельтовых города стали урбанистическими ядрами единой конурбации, куда вошли также многие малые города, транспортные и промышленные объекты. Сегодня конурбация функционирует уже не как объект внутри государства — инновационная, постиндустриальная зона глубоко интегрирована в транспортно-экономическую систему объединенной Европы. Таким был сценарий развития дельты Рейна за последнее столетие.

Санкт-Петербург и Астрахань с двумя дельтами — это небольшие элементы громадной мозаики необъятной России. Удаленные друг от друга на 2 тыс. км Санкт-Петербург и Астрахань связывает одна государственная история — история военного завоевания и освоения дельт для создания в них имперских ворот во внешний мир. Два дельтовых города — это важнейшие стратегические точки и вехи превращения средневековой Руси в империю. Главными воротами стал обращенный на Запад Санкт-Петербург, Астрахани была отведена историей второстепенная роль (поэтому в волжской дельте была сохранена уникальная природа). Но изначально заложенные роли и значения городов меняются: значение Ленинграда в XX в. снизилось до областного центра и культурно-туристической столицы, а роль наполовину модернизированной Астрахани с изменением геополитики в XXI в. может возрасти.

К средневековому девизу Роттердама «Sterker door strijd» («Окреп в борьбе») могут присоединиться и другие портовые города, возникшие в речных дельтах и постоянно боровшиеся за свое существование и экономический расцвет. Урбанизированная дельта — это пространство потенциального развития, но пространство проблемное, и развитие здесь может быть только драматическим, требующим консолидации и напряжения всех ресурсов.

В речной дельте постоянно происходят противоборство, столкновение природных и социальных стихий. Здесь нестабильно, изменчиво все. Динамично и подвижно все природное — и воды, и суша. Главной угрозой дельтовых городов всегда было море. Северное море издавна называлось голландцами wild zee — «дикое море» (прямой аналог древнерусского «Дикое поле»). Здесь сталкиваются воды — пресные речные и соленые морские, переплетаются русла — река, рукава, каналы, выходящие к побережью, здесь растет и исчезает суша — берега, отмели и острова. Здесь подвижно все искусственное — поселения, этносы и социум; в этом пространстве сталкиваются местный и чужестранец, сильные человеческие личности, потоками текут сырье, продукты и товары. Поэтому речная дельта становится пространством исторической, социальной, экономической и культурной активности, динамики и обмена. В этом узле на границе миров — природного и социального, водного и материкового, своего и чужого — сконцентрировано все.

Главным выразителем отношения города к воде является морской порт. В планировке городов, ориентированной на порт застройке, городской среде — повсюду доминируют две проблемы: как можно использовать воду и как с водой бороться.

Положение морских ворот способствовало их быстрому экономическому росту и превращению в логистические центры государственного или мирового уровня. Рассмотренные нами города входят в группу международных портов, построенных в устьях крупнейших рек и ставших центрами экспортной торговли, местами встреч культур и формирования fusion-среды. Они стали местами столкновения, противоборства и сосуществования, культурного синтеза и гибридности. Но они стали не только грандиозными социокультурными «котлами», дельтовые города послужили моделями для развития многих других городов, расположенных в иных, более спокойных природных и социальных условиях.

Дельтовые города выдержали серьезные испытания, потому что вся их судьба была связана с существованием в постоянно меняющемся окружении. Перспективы их развития в XXI в. связаны с новыми проблемами — экономическими, экологическими и климатическими. Они должны решить две глобальные задачи. Первая: сохранятся ли в них крупные логистические центры, комбинированные порты «море — река», а также привязанная к ним промышленность? Останутся ли они такой же мощности? Вторая проблема: в связи с потеплением климата вероятным сценарием является затопление дельт, исчезновение многих городов, расположенных на низких морских берегах. Выдержат ли дельтовые города новейшие испытания?

Рассмотренные нами города в главном схожи, в деталях они кардинально различаются, исследование урбанизированных дельтовых ландшафтов можно бесконечно расширять и углублять, а их элементы сопоставлять. Но существует памятник, объединяющий рассмотренные нами города с помощью понятного каждому человеку художественно-исторического образа — это мемориал Петра I в голландском городе Зандам — царский домик и скульптура перед ним. Молодой русский царь жил здесь одну неделю, в обличье мастерового обучаясь ремеслу кораблестроителя. В эпоху глобализации и синтеза культур хотелось бы, чтобы таких образов было больше — объединяющих народы и государства символов борьбы и созидания, исторического прогресса и неукротимой человеческой воли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И КОММЕНТАРИИ

[1] Среди географической литературы можно выделить книги о речных дельтах: **Самойлов И. В.** Устья рек. М., 1952; **Леонтьев О. К.** Основы геоморфологии морских берегов и дна. М., 1961; **Залогин Б. С., Родионов Н. А.** Устьевые области рек СССР. М., 1969.

[2] См.: **Стражевский А., Шмелев А.** Ленинград — Астрахань — Ростов-на-Дону : путеводитель. М., 1968; **Медведев А., Шабуров Ю.** Москва — порт пяти морей. [Путеводитель]. М., 1985; **Разумов Г. А., Хасин М. Ф.** Тонущие города. М., 1991; **Magris C.** Danubio. Milano, 1986; **Civjan T.** The Dabube. Symbol of the Mythical Road. Ethnologia Balkanika // Journal of Balkan Ethnology. 1997. Vol. 1. P. 29 — 52; **Beatti A.** The Danube. A Cultural History. London, 2010; **Силантьева-Скоробогатова В., Касим Г., Минкевич З.** Вилково: город в дельте Дуная (к 250-летию основания). Одесса, 1996; **Павич М.** Биография Дуная // Вывернутая перчатка. СПб., 2002. С. 259 — 263; **Акройд П.** Темза: Священная река. М., 2009; **Гриневецкий С., Зонн И., Жильцов С.** Дунайская энциклопедия : в 2 т. М., 2009; **Шарый А.** Дунай: река империй. М., 2015.

[3] См.: **Брук Д.** История городов будущего. М., 2014.

[4] Литература о культурном ландшафте Нидерландов разнообразна, приведем лишь некоторые книги: **Лозинский С. Г.** История Бельгии и Голландии в новое время. СПБ, [1908]; **Бааш Э.** История экономического развития Голландии в XVI — XVIII вв. : пер. с нем. М., 1949; **Вальков В. А.** Экономика и политика Голландии после второй мировой войны. М., 1961; **Серебрянный Л. Р.** Нидерланды. М., 1974; **Бусыгин А. В.** Нидерланды. М., 1986; **Бусыгин А. В.** Побеждающие море. О Голландии и голландцах. М., 1990; **Бакир В. А., Ларионова Ю. Б.** Нидерланды : путеводитель вокруг света. М., 2005; **Моруа А.** Голландия. М., 2007; **Edelman C. H.** Soils of the Netherlands. Amsterdam, 1950; **Vierk M. van der, Florschütz F.** Nederland in het ljstijdvak. Utrecht, 1950; **Kossmann-Putto J. A., Kossmann E. H.** The Low Countries: History of the Northern and Southern Netherlands. Amsterdam, 1987; **Israel J.** The Dutch Republic: Its Rise, Greatness, and Fall 1477 — 1806. Amsterdam, 1995; History of the Low Countries / eds. J. C. H. Blom, E.Lamberts. Amsterdam, 1999; Christophe de Voogd. Geschiedenis van Nederland. Amsterdam, 2000; **Arblaster P.** A History of the Low Countries. New York, 2006.

[5] Главная литература по Амстердаму полностью иноязычная: **Slothouwer D. F.** Amsterdam Huisen 1600 — 1800. Amsterdam, 1928; **Brugmans H.** Geschiedenis van Amsterdam. dl 1 — 8. Amsterdam, 1930; **D'Ailly A. E.** [ed.]. Zeven eeuwen Amsterdam. dl 1 — 6. Amsterdam, 1942 — 1951. **D'Ailly A. E.** Historiche Gids van Amsterdam. Amsterdam, 1949; **Spies P.** Canal of Amsterdam. S-Gravenhage, 1991; **Kloos M.** Public Interiors: architecture and public life inside Amsterdam. Amsterdam, 1993; **Pistor R.** A City in Progress: physical planning in Amsterdam. Amsterdam, 1994; Hameleers H. Kaarten van Amsterdam 1866/2000. Bussum, 2002; **Deben L., Salet W.** Cultural heritage and the future of the historic inner city of Amsterdam. Amsterdam, 2004; **Bakker B.** Amsterdam and his ring of canals. Bussum, 2009; Amsterdam Architecture : A Guide / ed. G. Kemme, G. Bekkers. Bussum, 2010.

[6] Литература по Роттердаму включает книги на русском и иностранных языках: **Schraver J.** Rotterdam. De poort van Europa. Rotterdam, 1946; **Blijstra R.** Rotterdam, Stad in beweging. Rotterdam, 1965; **Крашенинникова Н. Л.** Современная архитектура Нидерландов. М., 1971; **Крашенинникова Н. Л.** Роттердам. Л., 1981; **Camp D., Provoost M.** Stadstimmeren, 650 jaar. Rotterdam, 1990; **Damen H.** Architectuur Rotterdam 1890 — 1945. Rotterdam, 1991; **Damen H.** Architectuur Rotterdam 1945 — 1970. Rotterdam, 1993; **Damen H.** Architectuur Rotterdam 1970 — 1995. Rotterdam, 1995; **Groeneondijk P., Vollaard P.** Architectural Guide to Rotterdam. Rotterdam, 2007.

[7] См.: **Бобылев В. С.** Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990.

[8] Литература по культурному ландшафту Волги составляет внушительную библиотеку, см.: Волга от Твери до Астрахани. [Путеводитель]. СПб., 1862; **Водарский Е. А.** Путеводитель по Волге от Рыбинска до Астрахани. М., 1908; **Ситников Г. Г., Феденко И. И.** Москва — Уфа: По плесам пяти рек. [Путеводитель]. М., 1954; **Чернецов Г. Г., Чернецов Н. Г.** Путешествие по Волге. М., 1970; На Верхней Волге. Памятные места Калининской области / сост. Н. И. Мазурин. М., 1978; **Маслова А.** Волга — река городов. Ярославль, 2009; **Браташова С. А.** Волга инкогнита: По картам II — XVIII вв. / предисл. Д. С. Худякова. Саратов, 2011; **Дубин А.** Старая Волга. Казань, 2012; **Ерохин В. И.** Города под водой: путешествие по затопленным берегам Верхней Волги. Тверь, 2012; Волга — энциклопедия «Вокруг света» [Электронный ресурс]. http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.php?title=%D0%92%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%B0 (дата обращения — 20.10.2015) и др.

[9] См.: **Шарый А.** Дунай: река империй. М., 2015. С. 42 — 44, 438 — 464.

[10] Литература по Астрахани разнообразна — от географической до искусствоведческой: **Шапошников А. С.** Астрахань : геогр. очерк. М., 1956; **Никитин В. П.** Астрахань и ее окрестности. М., 1982; Астрахань. Дельтовые города мира / сост. Ю. А. Никитин. Астрахань, 2009; **Шеин О.** Астраханская область. [Путеводитель]. М., 2011; **Марков А. С., Львов С. Г.** Астрахань на старинных открытках. Астрахань, 2011.

[11] См.: История Северной войны, 1700 — 1721 гг. / АН СССР. Ин-т воен. истории МО СССР. М., 1987.

[12] См. географическую литературу: **Нежиховский Р. А.** Река Нева. Л., 1973; **Даринский А. В.** География Ленинграда. Л., 1982.

[13] Литература по Санкт-Петербургу обширна, существенно пополнилась она в период празднования 300-летия города: Ленинград : ист.-геогр. атлас. М., 1981; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград : энцикл. справ. / ред. коллегия: Л. Н. Белова, Г. Н. Булдаков, А. Я. Дегтярев и др. М., 1992; **Каганов Г. З.** Северная Венеция: шесть смыслов псевдонима // Петербургские чтения-95. СПб., 1995. С. 58 — 60; **Каганов Г. З.** Санкт-Петербург: Образы пространства. СПб., 2004; **Андросов С. О.** Петр Великий в Венеции // Вопросы истории. 1995. № 3; Пространство Санкт-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда. СПб., 2003; **Лисовский В. Г.** Архитектура Петербурга. Три века истории. СПб., 2004; Санкт-Петербург : энцикл. М., 2006; **Антонов В. В., Кобак А. В.** Святыни Санкт-Петербурга : энцикл. христиан. храмов. СПб., 2010; **Марголис А. Д.** Санкт-Петербург. Фотографии Б. В. Манушина. М., 2010; **Горбатенко С. Б.** Всемирное наследие — исторический ландшафт Санкт-Петербургской агломерации. СПб., 2011; **Брук Д.** История городов будущего. М., 2014. С. 28 — 66, 139 — 175, 236 — 278.

[14] **Иконников А. В.** Петербург и Москва (к вопросу о русской градостроительной традиции) // Эстетическая выразительность города. М., 1986. С. 103 — 129.

[15] См.: **Веденина Ю. А., Кулешова М. Е.** Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Сер. геогр. 2001. № 1. С. 7 — 14.

[16] Вычленяя доминанту городского развития, можно сослаться на одно из последних обобщающих урбанистических исследований, в котором рассматриваются связи города с природой, экономической деятельностью и глобализацией: **Трубина Е.** Город в теории. Опыт осмысления пространства. М., 2013.

Светлана Дмитриевна Трибушинина,
Мария Михайловна Торопова

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ПУБЛИКАЦИИ И. Ф. ЭРЗЯЙКИНА «КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЭРЗЯ НАРОДА»

Согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Таким образом, Российская Федерация является многонациональным государством. Конституция закрепляет права и обязанности всех без исключения этносов, проживающих на территории страны. Однако, как отмечает доктор исторических наук М. В. Кирчанов, «регион Поволжья всегда принадлежал к числу особых, этнически выделенных из русской славянской массы регионов»[1]. Ученый подчеркивает доминирование национальных парадигм в историографии и этнологии. М. В. Кирчанов называет это явление — «легитимизация множественных памятей»[2]. Каждый из этносов, проживающих на данной территории, завышено оценивает свою роль в развитии нашего государства, представляя ее первостепенной и незаслуженно умалчивающейся. Они считают, что правительство относится к ним несправедливо, пытается отрицательно воздействовать на их самобытную культуру и не желает поддерживать их развитие материально. Большинство из них придерживаются точки зрения, что история не единожды переписывалась по велению лиц, облеченных государственной властью. Это касается древней истории народов, их происхождения и территории проживания, особенностей язычества, мифологии, этнографических признаков, которые эти этносы пытаются восстановить и сохранить. Требуя от государства особых благоприятных условий, они указывают на тяжелое социально-экономическое положение районов их проживания, недостаток образовательных учреждений на родном языке и т. д., якобы специально спровоцированные правительством. Подобные выводы встречаются в работах, как профессиональных историков, так и общественных деятелей и представителей современного неоязычества. Доктор исторических наук В. А. Шнирельман рассматривает неоязычество как национально-идеологическую основу для конструирования социально-политической общности, идеологию восстановления национальных начал, традиций в контексте современного мира[3].

Как пример можно привести споры татарских и чувашских историков. Доктор исторических наук, профессор Г. И. Тафаев занимается вопросом наследия Волжской Болгарии. В своих статьях он рассматривает точки зрения различных ученых на эту тему. Так, в статье «Фальсификация древнеболгарской (древнечувашской) истории носителей R-языка татаро-кыпчаками — носителями Z-языка» делает попытку доказать присвоение татарами Республики Татарстан себе в предки Волжскую и Дунайскую Болгарии, критикуя книгу доктора исторических наук Р. С. Хакимова «Метаморфозы духа. К вопросу о тюрко-татарской цивилизации». По мнению историка, они не имеют к этим древним государствам никакого отношения, а относятся к тюркским народам[4]. Статья журналиста кандидата исторических наук А. В. Изоркина «История чувашского народа», написанная для молодежной газеты «Танташ»[5], описывает версию развития чувашского народа, представляя его более высокоразвитым по отношению с соседними племенами и оказывающим на них прогрессивное влияние. Схожие проблемы возника-

ют с идентификацией мордвы. Вопросы вызывает взгляд на историю мордовского народа И. Ф. Эрзяйкина. Рассмотрим далее несколько вопросов из его работы «Краткая история Эрзя народа»[6].

Для лучшего понимания проблемы определения и самоопределения мордвы-эрзи и мордвы-мокши необходимо обратиться к данным о происхождении мордвы (мокши, эрзи), в частности к истории и этнографии данного народа. О древней мордве можно говорить начиная с начала I тыс. н. э. Этноним *мордва* (Mordens) впервые зафиксирован в VI в. (Иордан). К тому периоду она сформировалась как этническая общность с самобытной материальной и духовной культурой, проявлявшейся в области социально-хозяйственного уклада, погребальном и свадебном обрядах, особенностях женского костюма, народной медицине и т. д.[7] По одной из гипотез, народ эрзя впервые упомянут в письменных источниках X в. (послание кагана Хазарии Иосифа еврейскому сановнику при дворе испанских халифов Абд-ал-Рахмана III и Хакама II) под именем *арису*[8], а термин *мокша* (Moxel), как обозначающий отдельный этнос, — в записях фламандского путешественника XIII в. Гильома Рубрука и в сочинении «Джами-ат-таварих» («Сборник летописей», на персидском языке) иранского историка и государственного деятеля Рашида-ад-Дина[9].

А. А. Гераклитов пишет о том, что разделение мордвы на эрзю и мокшу в русских источниках впервые встречается только в 1-й половине XVII в. в «Книге письма и меры Дмитрия Юрьевича Пушечникова да подъячего Афанасия Костяева 132-го и 133-го и 134-го году Алатырского уезду татарским и буртасским и мордовским [вотчинам] бортным ухожаям». Впрочем, как отмечает автор, книга была написана живой разговорной речью, что говорит о том, что для самообозначения в разговоре мордва применяла термины *эрзя* и *мокша*[10]. Некоторые ученые отмечают, что до настоящего времени многие представители данного этноса не называют себя *мордва*.

По мнению профессора Н. Ф. Мокшина, мордва делится на два основных субэтноса — мокшу и эрзю. Особенности этнической принадлежности этих субэтносов одному этносу он доказывал, указывая на сходство их материально-бытовой и духовной культуры[11].

И. Ф. Эрзяйкин позиционирует эрзю как «народ-изгой», не признанный Правительством Республики Мордовия[12]. Он пытается доказать фальсифицирование данных переписи населения 2010 г. По мнению автора, почти всех эрзян, вопреки их желанию, записали в мордву. Однако такое мнение юридически не может отражать реального положения. В Республике Мордовия согласно Федеральному закону № 8-ФЗ «О Всероссийской переписи населения» от 25 января 2002 г., Федеральному закону № 293-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Всероссийской переписи населения» от 28 ноября 2009 г. и Постановлению Правительства Российской Федерации № 1074 «Об организации Всероссийской переписи населения 2010 года» от 23 декабря 2009 г. при проведении переписей населения национальность фиксируется по определению опрашиваемого без учета паспортных данных, т. е. на основе самоидентификации. В действующей Конституции РФ сформулирован подход к данной проблеме. В ст. 26 записано, что каждый вправе указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. Это значит, что указание собственной национальности — не обязанность, а право человека и фактически опрашиваемым предоставляется выбор национальности (мордва, мордва-эрзя или мордва-мокша).

Сегодня численность эрзи значительно превышает численность мокши. По данным переписи населения 2002 г., в России мордвы числилось 843,3 тыс. человек, в том числе мокши 49,6 тыс. и эрзи 84,4 тыс. человек. В Мордовии численность мордвы составила 283,9 тыс. человек, в том числе мокши — 47,4 тыс. и эрзи — 79,0 тыс. человек. По итогам Всероссийской переписи 2010 г., численность мордовского населения в России составила 744,2 тыс. человек, в Республике Мордовия — 279,4 тыс. человек. Мордвой-мокша в 2010 г. в Российской Федерации назвали себя 4,8 тыс. человек, из них в Республике Мордовия — 4,2 тыс., мордвой-эрзя — соответственно 57,0 и 49,6 тыс. человек[13].

Согласно данным переписи 2010 г., на эрзянском языке говорят 34 220 человек, на мокшанском — только 1 665 человек. В то же время мордовским языком владеют 196 281 человек, что свидетельствует о том, что дискриминация по этническому признаку по отношению к мордве-эрзе отсутствует.

В Российской Федерации эрзя проживает в Мордовии и Татарстане, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Тамбовской и Ульяновской областях. В пределах территории Республики Мордовия эрзя расселена в восточных районах: Ардатовском, Атяшевском, Большеберезниковском, Большеигнатовском, Дубенском, Кочкуровском, Ромодановском, Теньгушевском и Чамзинском.

Высказывание о том, что руководство РМ целенаправленно изживает эрзян с родных мест — особенно в восточных районах республики («за последние 20 лет почти ничего не построено и ничего не строится. Население живет в тяжелых условиях»[14]) некорректно и необоснованно, так как на территории восточной части РМ (Ардатовский, Атяшевский,

Большеберезниковский, Большеигнатовский, Дубенский, Кочкуровский, Ичалковский и Чамзинский районы) действуют все жилищные программы, предусмотренные для всей территории Республики Мордовия. К тому же в этих районах проживают еще и русские, татары и другие народы. Соответственно устаревание жилищного фонда и отсутствие строительства нового комфортабельного жилья сказывается на благополучии не только лиц эрзянской национальности, но и остальных этносов данных районов. Это же соседство на занимаемой территории следует учитывать при рассмотрении социально-экономического положения мордвы-эрзи.

Одновременно нужно подчеркнуть, что районы проживания мордвы-эрзи считаются аграрными и аграрно-промышленными. В них развиты также строительство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Так, на территории Атяшевского района функционируют 14 сельскохозяйственных предприятий, 3 производственных участка ЗАО «Мордовский бекон», 15 крестьянско-фермерских хозяйств, одно потребительское общество и аграрный техникум. Все предприятия зерно-молочно-мясного направления. ООО «Мясоперерабатывающий комплекс „Атяшевский“» является крупнейшим производителем колбасной продукции и мясных деликатесов в Республике Мордовия. Динамично развивается и предприятие молочной отрасли ОАО «Завод маслодельный „Атяшевский“». Важное место отведено посевам сахарной свеклы, доля района в выращивании и обработке этого овоща в республике составляет около 30 %. Большеигнатовский район специализируется на зерново-скотоводческом производстве, здесь функционирует Надеждинский крахмальный завод. В общей сложности в районе действуют 8 сельскохозяйственных предприятий различных форм собственности, 23 фермерских хозяйства, 5 обществ с ограниченной ответственностью. В Дубенском районе выращивают картофель, кормовую свеклу, кукурузу, зерновые и зернобобовые культуры, промышленность представлена двумя промкомбинатами (Дубенским и Пуркаевским), крахмальным, пеньковым и маслодельным заводами. В Чамзинском районе работает ОАО «Птицефабрика „Чамзинская“» — одно из крупнейших сельскохозяйственных предприятий Республики Мордовия. Промышленность здесь представлена деятельностью ОАО «Мордовцемент», одним из крупнейших производителей цемента в Российской Федерации. Доля Чамзинского района в промышленности Республики Мордовия составляет 16,8 %. Еще один из районов, основным населением которого является мордва-эрзя, — Кочкуровский. Район сельскохозяйственный. Здесь функционируют 7 основных бюджетообразующих сельскохозяйственных предприятий: ОАО «Аграрная производственная фирма „Норов“», ООО «Тавла», ООО АПК «Сабаево», ООО МПК «Норовский», ООО «Норовская индейка», ООО «ДСК-Агро» в с. Мурань, ООО «Воеводское ХПП». В социально-экономическом развитии большую роль играет малый бизнес. Индивидуальные предприниматели занимаются земледелием и торговлей. Средний уровень заработной платы на 2015 г. по данным районам колеблется от 11 тыс. до 19 тыс. рублей[15].

Социальная структура представлена медицинскими, образовательными, культурно-досуговыми и спортивными учреждениями. На территории республики, по данным 2014 г., функционируют около 50 национальных эрзянских школ с углубленным изучением эрзянского языка. Всего в районах проживания данного субэтноса на территории Мордовии функционируют 134 медицинских учреждения, 110 образовательных учреждений, 15 учреждений дополнительного образования и 6 средних специальных учреждений. Культурно-досуговые центры и клубные образования активно продвигают мордовскую, в том числе эрзянскую, культуру, возрождают народное творчество. Всего их насчитывается 241, включая библиотеки. Большое значение в жизни районов играет спорт. Спортивных сооружений насчитывается 208 (включая ледовые дворцы, спортивно-оздоровительные комплексы, спортивные залы, спортивные площадки и др.). Активное внедрение в образование национальных элементов прослеживается во всех областях образования и культуры в республике в целом и в указанных районах, в частности[16].

Приведенные официальные данные не подтверждают слова автора публикации о том, что высокий уровень безработицы и низкий уровень жизни вынуждают эрзян восточных районов, коренных жителей, покидать родные места.

Несостоятельны утверждения И. Ф. Эрзяйкина по поводу преград со стороны руководства республики для проведения мероприятий эрзянскими общественными организациями и их лидерами. В Мордовии ведется активный поиск форм взаимодействия органов государственной власти с институтами гражданского общества. В рамках гражданского общества действует ряд общественных организаций, представляющих эрзян, проживающих в Мордовии: Мордовский республиканский общественный Фонд спасения эрзянского языка им. А. П. Рябова; Общественная организация «Союз Тавлинских мастеров „Эрьмезь“» с. Подлесная Тавла Кочкуровского района Республики Мордовия; Мордовская республиканская общественная организация «Эрзянская община Мордовии»; Мордовский региональный финно-угорский общественный фонд культурного и экономического сотрудничества «Масторава»; Мордовская республиканская общественная организация «Союз

эрзянских женщин „Литова“» и др., причем их количество продолжает расти. В консолидации многонационального общества и повышении национального самосознания важную роль играют народные праздники и традиции.

Попытки наладить сотрудничество с эрзянскими организациями выражаются в их финансировании. Так, Указом Главы Республики Мордовия № 80-УГ от 17 июня 2004 г. в целях сохранения, возрождения и дальнейшего развития национальных традиций, фольклора, обрядов, ритуалов, национальных видов спорта и укрепления межнациональных отношений предусмотрено ежегодное проведение национально-фольклорных эрзянских праздников «Раськень озкс», «Велень озкс» и др. Все мероприятия проводятся национальными общественными объединениями совместно с органами государственной власти и, как правило, им оказывается финансовая поддержка. Проводятся они совместно и с Фондом спасения эрзянского языка. Кроме того, этой организации предоставлено место под офис в здании Правительства Республики Мордовия. Как и в предыдущие годы, 11 июля 2015 г. в с. Ташто Кшуманця Большеигнатовского района состоялся фольклорный праздник «Велень Озкс».

И. Ф. Эрзяйкин отмечает, что слово **эрзя** в СМИ находится под запретом. На самом деле на территории РМ выходят несколько изданий — республиканская газета «Эрзянь правда» («Эрзянская правда»; выходит с 1921 г.); литературно-художественный и общественно-политический журнал «Сятко» («Искра»; с 1928 г.) и ежемесячный иллюстрированный журнал для эрзянских детей и юношества «Чилисема» («Восход»; с 1931 г.). К тому же, Министерство печати и информации Республики Мордовия и редакции направляют национальные издания в адрес диаспор и национально-культурных автономий регионов. Редакция национального вещания «Сияжар» имеет два отдела — «Сияжар мокша» и «Сияжар эрзя». Также ежедневно по будням в эфир выходит информационная программа «Кулят» («Новости») на мокшанском и эрзянском языках.

Таким образом, видно, что автор не совсем корректно описывает настоящее положение эрзянского народа (в том числе по данным переписи населения 2010 г.), а также некоторые аспекты социальной сферы, запрет республиканских СМИ на эрзянском языке и др. Несостоятельны утверждения и по поводу преград со стороны руководства республики к проведению мероприятий эрзянскими общественными организациями и их лидерами. Что же касается миграции — она характерна и для других народов Мордовии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] **Кирчанов М. В.** История и национальная идентичность в финно-угорских регионах РСФСР [Электронный ресурс] // Научный электронный журнал «Региональные исследования». URL: http://sites.google.com/site/regionalnyeissledovanija/arhiv/vyp-2/m-v-kircanov-istoria-i- nacionalnaa-identicnost-v-finno-ugorskih-regionah-rsfsr# _ edn2/ (дата обращения — 15.10.2015).

[2] Там же.

[3] См.: **Шнирельман В. А.** Неоязычество и национализм (восточноевропейский ареал) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1998. № 114. С. 3.

[4] См.: **Тафаев Г. И.** Фальсификация древнеболгарской (древнечувашской) истории носителей R-языка татаро-кыпчаками — носителями Z-языка // «Белые пятна» российской и мировой истории. Ногинск, 2013. № 1 — 2. С. 6 — 17.

[5] См.: **Изоркин А. В.** История чувашского народа // Танташ. [Чебоксары]. 1995. № 4 (6).

[6] См.: **Эрзяйкин И. Ф.** Краткая история Эрзя народа. 2-е изд., доп. Саранск, 2015.

[7] См.: **Мокшин Н. Ф.** Материальная культура мордвы : этногр. справ. Саранск, 2002. С. 99.

[8] Там же. С. 177

[9] Там же. 96.

[10] **Гераклитов А.** К вопросу о границе между «мокшей» и «эрзей» в начале XVII века // Избранное : в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 131 — 132.

[11] Мордовия : энцикл. : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 15

[12] **Эрзяйкин И. Ф.** Указ. соч. С. 49 — 55.

[13] Численность и размещение населения Республики Мордовия (по итогам переписей населения) : стат. сб. Саранск, 2012.

[14] См.: **Эрзяйкин И. Ф.** Указ. соч. С. 49, 53.

[15] См.: Инвестиционный паспорт Ардатовского муниципального района. 2014; Инвестиционный паспорт Атяшевского муниципального района. 2014; Инвестиционный паспорт Большеберезниковского муниципального района. 2014; Инвестиционный паспорт Большеигнатовского муниципального района. 2014; Инвестиционный паспорт Дубенского муниципального района. 2014; Инвестиционный Ичалковского муниципального района. 2014; Инвестиционный паспорт Кочкуровского муниципального района. 2014; Инвестиционный паспорт Чамзинского муниципального района. 2014.

[16] См.: В Пресс-центре Республики Мордовия состоялся брифинг с участием Министра образования РМ Николая Бычкова (21 августа 2014 г.). URL: http://www.riasv.ru/entry/90275/ (дата обращения — 15.08.2015).

Фото Эдуарда Ретунского

Валерий Александрович Каланов,
Павел Сергеевич Учватов

РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В МОРДОВИИ: НОВЫЕ РУБЕЖИ

29 декабря 2015 г. в Доме Республики на заседании Общественной палаты Республики Мордовия начальник Управления Министерства юстиции РФ по РМ Ф. П. Девятаев вручил председателю Регионального отделения РВИО в РМ, директору НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ, доктору исторических наук, профессору В. А. Юрчёнкову свидетельство о государственной регистрации Регионального отделения Российского военно-исторического общества в Республике Мордовия.

Из новостей республиканских СМИ

Возникновению сообщества неравнодушных людей, любящих отечественную историю, особенно ее военную составляющую, способствовал Указ Президента РФ от 29 декабря 2012 г. № 1710 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации „Российское военно-историческое общество“» (далее — РВИО). В следующем году, 14 марта 2013 г., в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе состоялся Учредительный съезд Общества. Учредителями Российского военно-исторического общества являются Министерство культуры Российской Федерации и Министерство обороны Российской Федерации. Съезд принял Устав РВИО и избрал его руководящие органы. Председателем Российского военно-исторического общества был избран министр культуры России В. Р. Мединский.

После этого в субъектах Российской Федерации начали создаваться региональные отделения Общества. Мордовия оказалась в числе первых субъектов, где было организовано региональное отделение РВИО. Уже 29 марта 2013 г. состоялось первое собрание Регионального отделения Российского военно-исторического общества в Республике Мордовия. На том первом, памятном собрании с отчетом о прошедшем в Москве Учредительном съезде выступил председатель регионального отделения, директор НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, доктор исторических наук, профессор В. А. Юрчёнков. Вновь созданное отделение объединило представителей научной общественности и творческих объединений, реконструкторов исторических событий, поисковиков, сотрудников ДОСААФ, архивистов, краеведов, издателей, других любителей российской военной истории. Такое широкое представительство и определило основные направления деятельности Общества, которое предполагало способствовать:

— восстановлению памятников военной истории, особенно дореволюционного периода, памяти об участниках всех локальных войн, которые вели СССР и Россия в XX в.;

— изучению и популяризации героев различных войн, военных деятелей, как прославленных, так и малоизвестных;

— организации и проведению фестивалей исторической реконструкции, а также военно-археологических изысканий поискового движения.

Одним из первых шагов РВИО в республике стало установление 24 октября 2014 г. памятника воинам Первой мировой войны (скульптор — народный художник России С. А. Щербаков), всем жителям мордовского края, участвовавшим в Великой войне, — вне зависимости от национальности или веры. Прототипом центральной фигуры монумента стал уроженец Ардатовского уезда Симбирской губернии, житель с. Урусова Сергей Леонтьевич Потешкин. В годы Первой мировой войны он стал полным Георгиевским кавалером и погиб на Гражданской войне[1].

Открытие памятника героям Первой мировой войны 1914 — 1918 гг. 24 октября 2014 г.

В 2014 г. усилиями РВИО были установлены 11 мемориальных досок на зданиях школ, в которых учились Герои Советского Союза — уроженцы Мордовии. И работы в этом направлении продолжаются, сейчас определяются здания школ, где можно установить доски.

15 января 2016 г. в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия состоялось заседание Регионального отделения Российского военно-исторического общества в Республике Мордовия.

Заседание впервые прошло в новом качестве, поскольку была осуществлена государственная регистрация регионального отделения как юридического лица, с чем председатель регионального отделения общества доктор исторических наук, профессор В. А. Юрчёнков поздравил всех присутствовавших.

На собрание был приглашен глава Администрации г. о. Саранск П. Н. Тултаев, присутствовали ученые, члены клуба исторической реконструкции, участники поискового движения и представители СМИ.

Перед началом мероприятия представители Российского монархического движения вручили В. А. Юрчёнкову императорскую медаль «Юбилей Всенародного Подвига. 1613 — 2013».

В соответствии с установленным регламентом на заседании был рассмотрен ряд вопросов, касавшихся предстоящей деятельности Общества.

В президиуме заседания Регионального отделения РВИО в Республике Мордовия секретарь Е. Н. Бикейкин и председатель В. А. Юрчёнков

В частности, региональное отделение подключилось к программе установки памятников воинам Великой Отечественной войны в районах республики. Присутствовавшим были представлены проекты памятника «Советский солдат», посвященного памяти победителей в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. Памятник планируется установить летом 2016 г. в г. Краснослободске при поддержке районной администрации.

Кроме того, в 2016 г. Общество начинает реализовывать программу возведения памятных бюстов выдающимся военачальникам и военным деятелям — полководцам и флотоводцам, имеющим отношение к мордовскому краю. Мордовия вошла в число регионов, где эта программа будет пилотной. И первым будет воссоздан бюст боярина Российского флота, адмирала Ф. Ф. Ушакова. Далее региональное отделение планирует создание и установку бюстов генерала армии М. А. Пуркаева, генерал-полковника И. В. Болдина, генерал-полковника С. К. Горюнова, маршала С. Ф. Ахромеева, фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, летчика-героя М. П. Девятаева, генерал-лейтенанта П. И. Ляпина и контр-адмирала И. Г. Блинкова.

Председательствующий В. А. Юрчёнков предложил высказать свои мнения по поводу места установки бюста адмирала Ф. Ф. Ушакова — на могиле в границах Санаксарского монастыря или в д. Алексеевке, где размещалось имение знаменитого флотоводца. При этом В. А. Юрчёнков обрисовал сложную ситуацию, возникшую с могилой Ушакова: бюст работы М. М. Герасимова пропал, саму могилу фактически сровняли с землей, за ней отсутствует должный уход. Принято решение рекомендовать установить бюст в д. Алексеевке, так как она в этом случае будет рассматриваться в качестве объекта туристических маршрутов. Причем наличие бюста Ф. Ф. Ушакова в Алексеевке может подтолкнуть к тому, что, возможно, будет восстановлена и усадьба адмирала. В то же время установка бюста в границах монастыря может осложниться в связи с необходимостью согласовывать это с монастырским руководством.

Советский солдат. Памятник. Проект

Что касается плачевного состояния могилы Ф. Ф. Ушакова, собрание постановило навести на ней порядок общими усилиями. С целью повлиять на сложившуюся ситуацию было решено обратиться с письмом к Главе Республики Мордовия.

Также в 2016 г. региональное отделение РВИО вновь планирует организовать летний военно-исторический лагерь для школьников Мордовии на базе Бородинского военно-исторического музея-заповедника (пос. Бородино Можайского района Московской области). На этот раз он будет проходить в 4 смены по 500 человек. В его работе смогут принять участие школьники в возрасте от 11 до 16 лет.

Центральным вопросом собрания стало обсуждение проекта реконструкции Саранской средневековой крепости-острога, о чем неоднократно говорили на заседаниях регионального отделения Общества еще в 2015 г.

Чтобы защитить южные и юго-восточные рубежи государства, царь Михаил Федорович Романов (1596 — 1645) издал Указ о создании укрепленной границы от Белгорода до Симбирска. Для строительства новых крепостей в мордовский край прибыл князь Савва (Савелий) Иванович Козловский. В 1641 г. с помощью русских казаков и местного населения — мордвы и татар — он закончил сооружение одного из самых крупных острогов на Атемарской засечной черте — Саранского. Неудивительно, что его первыми поселенцами стали служилые люди — казаки, пушкари и стрельцы, в мирное время возделывавшие землю рядом с крепостью. Внутри самого кремля располагались воеводский двор, служебные избы, оружейные и соляные склады, деревянные церкви; на вооружении гарнизона имелись железные и медные пушки. В 1651 г. Саранск, население которого к тому времени насчитывало около 2 тыс. человек, стал административным центром одноименного уезда, и до середины 1770-х гг. управлялся воеводами. Интересно отметить, что с Саранском связано имя предка великого русского поэта М. Ю. Лермонтова — Петра Лермонта, который в 1655 — 1658 гг. служил здесь воеводой.

Свою миссию боеспособной крепости Саранск выполнял до 1717 г., когда был отражен так называемый Кубанский погром[2].

«Несколько раз обсуждали возможное место для реконструкции крепости, ее размеры, — рассказывает В. А. Юрчёнков, — затем обратились к профессору МГУ

им. Н. П. Огарёва В. Б. Махаеву с просьбой разработать эскизный проект. Его он и представил на заседании Регионального отделения РВИО в Республике Мордовия 15 января. Четкий и обоснованный проект вызвал неподдельный интерес у собравшихся. Сейчас дело за проектно-сметной документацией и самой реконструкцией».

Согласно проекту заведующего кафедрой архитектурного проектирования и дизайна архитектурно-строительного факультета МГУ им. Н. П. Огарёва профессора В. Б. Махаева крепость предполагается разместить на склоне, ведущем к речке Саранке, возле Русского драматического театра. В. Б. Махаев подчеркнул, что парк им. А. С. Пушкина в настоящее время уже не является универсальной общегородской рекреацией и, по его мнению, функции рекреации должны распространиться на весь склон вдоль берега Саранки — от Ботевградского моста до ул. Рабочей. Здесь можно организовать спортивную, студенческую, историческую и финно-угорскую зоны. Здесь же может разместиться и воссозданный Саранский кремль.

Глава Администрации г. о. Саранск П. Н. Тултаев в целом поддержал идею реконструкции Саранской крепости. «Городу давно нужен этот объект!», — сказал он. Вместе с тем П. Н. Тултаев подчеркнул, что при решении вопроса об использовании рекреационной зоны нельзя действовать поспешно, обязательно необходимо учитывать мнение горожан. Концепция крепости правильна, однако нужны конкретные предложения; кроме того, существует проблема с финансированием проекта. По мнению П. Н. Тултаева, строительство Саранского кремля преследует несколько целей, в том числе повышение туристической привлекательности города и популяризацию его истории. Глава администрации Саранска указал, что рассчитывать только на муниципальный бюджет нельзя, поэтому крепость должна постоянно функционировать и приносить доход от туризма.

В ходе обсуждения был поднят вопрос о памятнике основателю Саранска воеводе Савве Козловскому. Подобные памятники установлены в Йошкар-Оле и Ульяновске. Есть классический пример — памятник основателю Москвы князю Юрию Долгорукому. Собрание посчитало, что Саранск тоже достоин памятника своему создателю. «Тем более, что в городе живут потомки людей, которые вместе с ним строили крепость, — отмечает В. А. Юрчёнков, — потомки саранских казаков, стрельцов, пушкарей. Памятник воеводе Савве Козловскому можно было бы установить рядом с крепостью либо внутри нее».

Издатель К. И. Шапкарин передает плакаты, посвященные Героям Советского Союза

Свой эскизный проект представил также краевед А. Г. Нечаев. Он предложил реконструировать не крепость, а одиночную средневековую башню у фонтанного спуска на ул. Московской либо в районе Никольской церкви, на месте части сохранившегося вала Инзерской крепости (развалин единственного сохранившегося на сегодня памятника XVII в.) на ул. Курской. В целом собрание не поддержало этот проект, хотя П. Н. Тултаев отметил, что позже можно будет вернуться к идее сохранения данного исторического места.

Помимо этого на собрании Регионального отделения РВИО было принято решение участвовать в гранте «Меняющиеся музеи в меняющемся мире», а также в конкурсе для клубов реконструкции.

Также известный саранский издатель К. И. Шапкарин передал в дар Региональному отделению РВИО комплект плакатов, посвященных Героям Советского Союза — уроженцам Мордовии. Плакаты были подготовлены для работы по военно-патриотическому воспитанию в школах республики.

Собрание Регионального отделения РВИО в Республике Мордовия еще раз подтвердило значимость исследования военно-патриотической истории родного края. Деятельность, которая проводится под эгидой Общества, объединяет множество людей, неравнодушных к истории, искренне любящих свою большую и малую Родину — ученых, краеведов, поисковиков, реконструкторов и архивистов. Активная работа Общества по изучению отечественной истории будет продолжаться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: **Каланов В. А.** Солдатам Великой войны. История появления в Саранске памятника героям Первой мировой войны 1914 — 1918 гг. // Центр и периферия. 2015. № 2. С. 74 — 77.

[2] См.: **Юрчёнков В. А.** Мордовский народ: вехи истории. Саранск, 2007. Т. 1.

Виктор Борисович Махаев

ПРОЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ САРАНСКОЙ КРЕПОСТИ

Работа над проектом реконструкции саранской крепости шла на кафедре архитектурного проектировании и дизайна Мордовского государственного университета несколько лет. Был выполнен ряд учебных проектов — как по самой крепости, так и по функционально-композиционной разработке территории берега речки Саранки.

Осенью 2012 г. студентка Т. Кудашкина выполнила курсовой проект, где предлагалось разместить крепость в реально существовавших габаритах на свободной от застройки территории между Саранском и Рузаевкой (сельхозугодья севернее с. Левжа). Все постройки крепости были воспроизведены планиметрически, но на более плоском рельефе, в натуральную величину. Предполагалось, что по функции это может быть рекреационный объект — туристический центр с музейной функцией, посвященной истории засечных черт и быту XVII в. В разных частях России возникают подобные рекреационные объекты, связанные с познавательным туризмом. Они располагаются на значительном удалении от города, вне примет современной цивилизации для того, чтобы приезжающие сюда любители истории могли погрузиться в воссозданную среду былых эпох. При этом историческая точность построек, как правило, не соблюдается, это узнаваемая деревянная архитектура по мотивам истории. Ее можно как угодно эксплуатировать, не заботясь о подлинности или сохранности. Таким и был первый проект на эту тему.

Размещение крепости или ее части в городском центре, точнее — на берегах р. Саранки не вписывалось в концепцию, разработанную на кафедре ранее. Так, в 2013 г. был выполнен проект общегородской рекреации на берегах Саранки от ул. Рабочей до Ботевградского моста (дипломный проект Е. Матюхина),

Вид Саранской крепости с моста на ул. Ботевградской (проект)

в котором предлагается зонирование большой территории на семь парковых зон (студенческая, мемориальная, художественная, экспозиционная, историческая, этнографическая и спортивная). Несколько участков севернее Музейно-архивного комплекса могли бы стать историческими по наполнению. Крепость, однако, никто разрабатывать не решился, надеясь на то, что общегородская зона отдыха должна быть современной по облику, малоэтажная застройка ул. Саранской будет полностью снесена, и ее южный фронт будет застроен пятиэтажными зданиями с квартирами повышенного комфорта. Именно таким стало продолжение работы Е. Матюхина — дипломный дизайнерский проект ультрасовременной реконструкции Ботевградского моста А. Лютой, выполненный в 2015 г. Но реальность оказалась не футуристической, а традиционной: появились фасады Музейно-архивного комплекса — почему-то гротескно-постмодернистские, было возведено Мордовское подворье (кичевая по облику деревянная постройка, место которой лишь в закрытом зеленью парке), жилая застройка ул. Саранской, в том числе по северному фронту, стала дополняться новыми усадебными домами.

Весной 2015 г. на кафедру архитектурного проектировании и дизайна обратилось Отделение Российского военно-исторического общества в Республике Мордовия с предложением разработать эскизный проект восстановления саранской крепости. Не без некоторых колебаний авторский коллектив в составе профессора В. Б. Махаева (руководитель), студентов А. Р. Равиловой и Е. И. Котловой приступил к работе. Авторы посчитали, что в складывающейся ситуации в историческом секторе общегородской рекреации может появиться крепость, но, разумеется, в уменьшенном виде.

Источниками реконструкции стали статьи и книги о Саранске XVII в., наиболее точно параметры саранской крепости были реконструированы в книге А. Г. Нечаева[1]. Автор, не будучи историком фортификационной архитектуры, скрупулезно обработал большой фактический материал, перепроверил и уточнил как общие габариты крепости, так и размеры отдельных зданий и сооружений.

Для воссоздания крепости нами предлагается свободное место на левом берегу Саранки, удаленное от местоположения старой крепости на 730 м — между Русским драматическим театром и речкой Саранкой. Склон имеет разный уклон, в середине площадки он разрезан почти горизонтальной полосой бывшей улицы Кавказской. По общим габаритам крепость сжимается более чем в два раза. Параметры саранской крепости (по А. Г. Нечаеву): северное прясло — 142 м, восточное — 293, южное — 146, западное — 271 м. Параметры предлагаемой крепости: северное прясло — 112 м, восточное — 107, южное — 110, западное — 86 м. При этом состав построек не меняется, как не меняются их габариты (исключая земляные основания под башни и стены, на склоне сделать их невозможно). Эффект сжатия исторического прототипа сработал положительно. Уменьшенное в два раза пространство крепости сделало объект более компактным, отдельные здания композиционно связываются между собой в целое, и крепость лучше вычленяется в разнородно застроенной среде.

В состав крепости входят стены разных по конструктивной сложности типов: стоячий тын (южная часть восточной и западной стен), тарасы (северная часть восточной и западной стен), городни (северная стена). Высота стен — от 6,47 до 7,41 м, ширина срубов достигает на северной стене 6 м. Воспроизведены шесть башен: две башни угловые северные шестигранные, две башни угловые южные четырехгранные, проездные башни — Спасская шестигранная и Никольская четырехгранная. Высота Спасской башни 27,76 м. Постройки внутри стен зонируются на три сектора в зависимости от уклона рельефа, учтена также пространственная композиция, предполагающая, что с главных обзорных точек вне крепости (например, с Ботевградского моста) постройки не перекрывают друг друга. Северная часть наиболее плоская по рельефу, здесь предлагается разместить собор и поляну перед входом в него. На втором ярусе стен, замыкающих поляну, можно устроить зрительские трибуны. Юго-западная часть огорожена и включает воеводский двор с воеводской избой, приказной избой, казармой и амбаром. В юго-восточной части размещаются церковь, караульная изба, тюрьма и колодец. Все постройки реконструированы в соответствии с изысканиями А. Г. Нечаева и по известным примерам образцовых построек такого типа XVII в.

Входы в крепость организованы следующим образом: с северной стороны от театра через Спасскую башню — главный вход, с южной стороны через Никольскую башню, с восточной стороны в стене сделан вход со стороны спуска по улице Пролетарской. Пространство между крепостью и театром — входная зона, между крепостью и речкой — прогулочная дорожка, между крепостью и Ботевградским мостом — склон для прогулок (крутой уклон не позволит разместить здесь крупную площадку).

Застройка этого места еще не сложилась, тем не менее, запроектированная крепость должна органично входить в среду, которая формируется. Сделать это не просто, по сути, это и есть главная задача архитектурного проектирования. Доминантой территории в настоящее время является автомобильный путепровод — Ботевградский мост. Деревянные постройки не должны ему

противоречить, а также современным зданиям — трем 10-этажным жилым домам по ул. Советской, неоклассическим постройкам — театру и строящейся гостинице. Поэтому необходимо предусмотреть, какие виды на крепость будут открываться с ключевых точек на пешеходных маршрутах. С площадки входа в парк имени А. С. Пушкина крепость, вероятно, вообще не будет видна. Зато она хорошо будет просматриваться с паркового колеса обозрения. Пешеход увидит силуэт крепости от места примыкания ул. Саранской к ул. Красноармейской. От места примыкания спуска от ул. Пролетарской к ул. Саранской крепость будет полностью перекрывать вид на театр. С площади у портика театра, от фонтана будут видны лишь верхние части северных башен и крыши стен. В наибольшей степени крепость будет раскрываться с Ботевградского моста. С верхних этажей строящейся гостиницы на ул. Кавказской она будет просматриваться максимально.

Поляна в северо-западной части крепости может быть использована для массовых действ (фестивалей клуба исторической реконструкции и т. п.). Каким образом предлагается использовать деревянные постройки? Два храма должны выполнять свою родовую функцию, а башни, дома и стены (небольшие по внутренним габаритам) можно использовать для размещения экспозиций, ремесленных мастерских, малых предприятий торговли и общественного питания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

[1] См.: **Нечаев А. Г.** Крепости XVI — XVII веков в междуречье Суры и Мокши. Саранск, 2015.

Алексей Георгиевич Нечаев

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ДЕРЕВЯННОЙ КРЕПОСТИ В САРАНСКЕ

Идея строительства в Саранске деревянной крепости, которая служила бы своего рода памятником той крепости, с которой начался город, существует уже несколько лет. Но только теперь она получила воплощение в виде эскизного проекта, созданного коллективом архитекторов под руководством профессора В. Б. Махаева, известного своими историческими исследованиями городов Мордовии[1]. Проект был выполнен по просьбе Регионального отделения Российского военно-исторического общества в Республике Мордовия. Обсуждение этого проекта на заседании общества с участием Главы Администрации городского округа Саранск П. Н. Тултаева выявило все многообразие представлений о том, как должна выглядеть эта крепость и предполагаемые возможности ее использования. В любом случае предложения В. Б. Махаева являются основой для разработки проекта, который учитывал бы интересы большинства заинтересованных сторон, и прежде всего городской администрации, которая будет являться основным заказчиком объекта.

Автор этих строк принимал участие в обсуждении проекта со своей «корыстной целью» — пробудить интерес к существующему, но практически забытому археологическому памятнику. Речь идет об остатках земляных укреплений старинной крепости — Инзерского острога, который находился на территории между современными улицами Волгоградской и Курской, неподалеку от церкви Николая Чудотворца. Крепость была построена предположительно в 1639 г., т. е. ранее Саранской крепости. Таким образом, это старейшее сооружение на территории города, и наличие подобных валов — редкость для крупных городов. На фрагменте старинной гравюры второй половины XVIII в. на переднем плане изображена Инзерская крепость, которая к тому моменту уже лишилась деревянных стен и башен.

До нашего времени от крепости дошли лишь отрезок вала и два из четырех угловых башенных оснований, расположенные в начале улицы Курской, на горе над рекой Тавлой. Сейчас эти сооружения зажаты со всех сторон деревянными домами, гара-

Реконструкция Инзерской крепости в г. Саранске (фотомонтаж автора)

жами, погребами и буквально засыпаны мусором. Остатки крепости, к большому сожалению, так и не получили официально статуса археологического памятника, и планы городского благоустройства не предусматривают их сохранения.

Реконструкция крепости на месте Инзерского острога, с нашей точки зрения, является наиболее продуктивной, так как это помогло бы не только сохранить и использовать с целью просвещения старинные сооружения, «живые» свидетели истории, но и добавило бы национальную «изюминку» к зоне спортивно-жилого комплекса, строящегося рядом в рамках подготовки к Чемпионату мира по футболу 2018 г. Но даже если это место не будет одобрено в качестве площадки для строительства крепости, старинные земляные валы, расчищенные от мусора и позднейших наслоений грунта, могли бы послужить центром озелененной зоны отдыха, обустройство которой потребует минимальных инвестиций. А если рядом с крепостью, принимая во внимание планы реконструкции оборонительных сооружений, поставить достаточно высокую деревянную башню, то ее будет видно с дороги, ведущей из аэропорта в город, и даже от строящегося футбольного стадиона. Вместе с расположенной неподалеку церковью такая башня на фоне привычной рядовой застройки стала бы частью архитектурного ансамбля, который сделал бы запоминающимся первое знакомство с городом гостей, прибывающих авиатранспортом. Такой городской пейзаж служил бы наглядным и нелишним подтверждением того, что Саранск старинный город, поскольку в его центре, как это ни печально, не осталось ни одного исторического архитектурного ансамбля.

Представленная выше идея, конечно, не единственная и не самая популярная. Большинство участников дискуссии, включая городскую администрацию, поддерживают предложение профессора В. Б. Махаева разместить крепость рядом с Русским драматическим театром на склоне у реки Саранки.

Вал, сохранившийся на месте Инзерского острога, в г. Саранске

Что касается использования такого объекта, то собственное мнение об этом есть, конечно, у музейных работников, которые хотели бы увидеть площади, приспособленные для размещения выставочных экспозиций. Клуб реконструкции и исторического фехтования «Владычный полк» хотел бы иметь в границах крепости обширную открытую территорию, где можно создать интерактивный музей XVII в. и проводить массовые мероприятия (в частности, состязания по владению боевыми искусствами того периода).

Однако решающим в этом вопросе является мнение предполагаемого заказчика и главного источника финансирования строительства объекта — городской администрации. А она видит в своих планах не просто добросовестную имитацию крепости XVII в., но целый комплекс сооружений, который будет решать культурные, образовательные, развлекательные задачи и при этом приносить некоторый доход. В свете таких запросов строительство собственно крепости является только частью проекта и, возможно, не самой главной. Такой комплекс может представлять собой некое подобие «диснейленда» в старорусском стиле. Подобные проекты уже существуют в реализованном виде, и самым наглядным примером может служить московский вернисаж в Измайлово, где в дереве и камне создан сказочный кремль, окруженный торговым городком. На территории вернисажа есть небольшие музеи, торговые ряды с сувенирами и антиквариатом, ремесленные мастерские-лавки, трактиры, деревянный храм и даже корабль и дворец бракосочетания. Там проводятся фестивали, городские праздники и ярмарки.

Подобную концепцию можно было бы реализовать и в Саранске, конечно, с разумным учетом масштабов наших потребностей в сравнении с Москвой, финансовых возможностей

Измайловский вернисаж в г. Москве

и реалий интереса к нашему городу как туристическому объекту. Данный комплекс может занять более обширную территорию, чем крепость по проекту профессора Махаева. Но на выбранном им месте достаточно пространства, хотя для его эффективного использования потребуются значительные работы по укреплению и выравниванию склона к реке Саранке. Крепость при таком подходе можно представить в виде набора деревянных оборонительных элементов разного типа, как это сделали в Измайлове. Или как сделали при реконструкции Илимского острога в Иркутской области, где воссоздали только одну сторону крепости. Также можно пойти по пути сооружения небольшого, но живописного острожка с несколькими постройками внутри, который будет служить основной декорацией для всего комплекса.

Если не загонять весь комплекс в рамки крепостных стен, то это даст возможность поэтапного его введения в эксплуатацию и свободного развития в дальнейшем. Общее представление о некогда существовавшей Саранской крепости можно обеспечить, изготовив ее макет для музейной экспозиции.

Перед крепостными воротами потребуется обширная площадка для проведения массовых мероприятий. По ее краям следует устроить торговые ряды, поставить кузницу, гончарную мастерскую и другие подобные сооружения, сделав часть из них капитальными, из кирпича. Рядом можно разместить мельницу — ветряную или водяную. Представляется, что такой многофункциональный комплекс был бы достаточно привлекателен и для горожан и для гостей города.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что масштабные планы реконструкции старины не затмят проблемы сохранения настоящего, чудом дошедшего до нас исторического наследия — остатков Инзерской крепости. Если ее валы исчезнут полностью, то в будущем, когда наше общество рано или поздно научится уважать исторические памятники не только за их внешнюю эффектность, может встать вопрос о их реконструкции с нуля, как сейчас планируется сделать с Саранской крепостью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

[1] См.: **Махаев В. Б.** Уездный стиль. Русская архитектура междуречья Волги и Оки. Саранск, 2014.

Иван Иванович Потапкин

ТЁПЛОВСКАЯ НОВО-СЕРАФИМОВСКАЯ ПУСТЫНЬ САРАНСКОГО УЕЗДА

В последнее время в канву региональной науки все чаще стала вплетаться история православной церкви. На страницах журналов и книг печатаются статьи и очерки, рассматривающие те или иные стороны ортодоксальной церкви. Если ранее, в советское время, религию изучали сквозь призму политики или социально-экономических характеристик, то сегодня затрагивается и культурологический аспект. Впервые в Мордовии эту тему подняли С. Б. Бахмустов и В. И. Лаптун. По истории церкви публиковали статьи В. А. Юрчёнков, Л. А. Богданович, Н. И. Новотрясов, Е. Н. Мокшина и др. Обобщающим трудом об обителях мордовского края является книга «Монастыри Мордовии» С. Б. Бахмустова, в которой автор пишет и о Ново-Серафимовской пустыни Саранского уезда. Историю этой исчезнувшей обители, внесшей посильный вклад в дело просвещения местного населения до и в тяжелый период Первой мировой войны, можно восстановить как по архивным источникам, так и по немногим еще сохранившимся в народе воспоминаниям.

В начале XX в. послушник Рождество-Богородичного Санаксарского монастыря Захарий Николаевич Желудов с помощью благотворителей купил через Крестьянский банк 370 десятин земли и леса в Саранском уезде, которые он разделил на две части: 110 десятин отвел образованной Зиновской Рождество-Богородицкой женской общине, а 260 десятин отмежевал на месте будущей пустыни[1]. В эту земельную площадь входили 167 десятин пахотной земли, 14 десятин лугов; лиственного леса значилось 80 десятин[2]. В 1903 г., после передачи Зиновской женской общины в ведение Духовного ведомства, Захарий Николаевич *«уединился во вновь приобретенной им участок земли, где*[,] *избрав себе в лесу уединенное место*[,] *прожил два года, проводя от молитв и чтения Священных книг остальное время в трудах иконописания с всегдашним своим сотрудником родным братом Василием Николаевичем»*[3]. *Они построили «две келии, разделенные коридором; в одной из них помещается строитель пустыни иеромонах Иоаким, в другой родной брат строителя, иеромонах Павел»*[4].

Захарий Николаевич обратился к пензенскому епископу Тихону (Никанорову) с прошением открыть общежительную мужскую пустынь с *«наименованием оной Ново-Серафимовскую. Предлагая притом, и какия имеется у него средства к построению»*[5]. Тот в свою очередь подал прошение в Святейший Синод. 8 — 22 марта 1905 г. под № 1228 Синод разрешил открыть пустынь в правах трехклассного монастыря[6], т. е. в обители должны были жить не более 12 монахов. Во вторник 3 мая 1905 г. преосвященный Тихон (Никаноров) лично прибыл на место будущей обители, где совершил освящение территории для основания Серафимовской пустыни[7].

23 июня 1905 г. Захария Николаевича Желудова перевели во Вьясско-Владимирскую обитель, где 3 июля постригали в монашество с именем Иоаким; через день его рукоположили в иеродиаконы, а через три — в иеромонахи[8]. Официально должность монаха-строителя он получил 30 сентября 1905 г. приказом Святейшего Синода под № 9761[9].

Закладка первого деревянного храма монастыря проводилась в торжественной обстановке. В воскресенье 10 июля 1905 г. при стечении от 3 до 4 тыс. верующих был совершён *«чин бываемый при основании церкви»*. На молебне предстоятельствовал игумен Вьясско-Владимирского монастыря Савватий в сослужении иеромонаха Иоакима (Желудова), священника с. Старые Турдаки П. Лебедева, иеромонаха Вьясского монастыря Иоанафана и священника Зиновской Рождество-Богородицкой женской общины М. Тархова[10].

Через год, 22 октября 1906 г., по благословению правившего архиерея саранский архимандрит Алексий освятил новопостроенную церковь в честь Казанской иконы Богоматери[11], которую воздвигли при келии строителя. Храм этот был деревянный,

Ново-Серафимовская пустынь на современной карте Мордовии

одноэтажный, без колокольни, крытый железом и окрашенный медной краской. «*Иконостас в оную был заказан мастеру, а позолота онаго исполнена братом основателя иеромонахом Павлом в сотрудничестве с сестрами Зиновской женской общины; а живопись святых икон исполнена самим основателем иеромонахом Иоакимом*»[12]. Звонница была устроена с правой стороны от храма на столбах, обита тесом и окрашена масляной краской. 1-й висевший колокол был весом в 105 пудов, 2-й — 32, 3-й — 12, 4-й — 6, 5-й — 3 пуда, 6-й — 1 пуд 20 фунтов и 7-й — 30 фунтов[13].

Богослужение в пустыни проходило не ежедневно, а по средам, пятницам, субботам, воскресеньям и праздничным дням: «*Служба Божья по общему церковному уставу совершается благоговейно, при стройном и неторопливом чтении и пении; к службам церковным вся братия ходят не опустительно, кроме занятых особыми (службами) послушаниями*»[14]. Иноческое правило справляли ежедневно.

С первых дней официального утверждения и до полной ликвидации Ново-Серафимовская пустынь казенного жалования не получала. Источников для существования и развития обитель имела несколько: 1) частные взносы благотворителей. Например, в 1908 г. «*в пользу Ново-Серафимовской пустыни жертвуется мещанкой Марией Павловной Завырыгиной 100 дес. земли при деревни Видман*»[15]; 2) брала государственные кредиты; 3) собственными трудами; обитель имела свое подворье. В 1907 г. оно состояло из «*езжаных лошадей 10 гол., 7 коров, 1 быка, 5 телят*»,

М. В. Нестеров. Под Благовест

имела небольшой пчельник. Так как настоятель пустыни в прошлом был иконописцем, то была организована для дополнительного заработка и иконописная мастерская с «*самого основания пустыни иеромонаха Иоакима и его брата иеромонаха Павла*»[16].

К 1907 г. в Ново-Серафимовской пустыни были уже построены следующие жилые и хозяйственные здания[17]:

- на западной стороне близ церкви находился каменный одноэтажный дом, крытый железом и окрашенный медной краской, длиной 28 аршин, шириной 16 аршин, разделенный коридором, в котором имелось 8 келий для братии;
- на севере от храма на расстоянии 30 саженей были устроены два деревянных флигеля, крытые железом, длиной по 20 аршин и шириной по 10 аршин, в них по 6 келий для братии;
- рядом с ними, также на севере находился деревянный флигель, крытый железом и окрашенный «медянкой», длиной 16 аршин, шириной 9 аршин, в котором была трапезная для братии;
- на юге от храма на расстоянии 60 саженей был устроен деревянный амбар, крытый железом и окрашенный «медянкой», длиной 18 аршин и шириной 12 аршин для хранения хлеба;
- на северо-западе от храма на расстоянии 150 саженей находился конный и скотный двор, крытый соломой, при нем деревянный с сенями флигель, крытый тесом для жилья рабочих;
- на западе от храма в одной версте находился монастырский пчельник, при котором были флигелек первого основателя пустыни и келия присматривавших за пчелами, крытая соломой;
- на севере от храма на расстоянии 150 саженей, близ протекающего ручья, была деревянная баня для братии, крытая соломой;

М. В. Нестеров. Монах. 1913 г.

• на северо-востоке от храма в полуверсте находилась на один постав мельница, крытая тесом.

В 1907 г. пустынь достраивала здания «*для помещения братии… мельницу на протекающем от родников ключе, и баню*[,] *стоящие по приблизительному подсчету 600 рублей, и конюшня для лошадей*[,] *стоящая 250 руб., хлебный амбар*[,] *стоящий 600 руб.*»[18]. К 1914 г. на север от храма на расстоянии 60 саженей была построена деревянная гостиница, крытая железом, длиной 30 аршин и шириной 18 аршин с мезонином для принятия посетителей[19].

Что же касается нравственности насельников, то: «*В течение 1907 года вся братия вели себя исправно, особыя уклонения от правил монашеской жизни не было*[,] *во все четыре поста исповедывались и причащались Святых Таин*[,] *послушания исполняли безропотно и старательно, в свободное от церковных служб время занимались обработкою полей*[,] *земли и сенного покоса*[,] *уборкой хлеба с полей и тому подобное. По уставу общежительных монастырей братия вся пользуется всем содержанием от обители*»[20].

Новая обитель, как писал в своем справочнике П. П. Сойкин, «*мало помалу устраивалась и увеличивалась*» и превратилась в большой монастырь[21].

Число насельников Ново-Серафимовской пустыни также выросло. Вскоре понадобился новый каменный храм. 1 января 1908 г. пензенское епархиальное начальство дало разрешение на постройку новой кирпичной церкви, но только на собственные средства обители и пожертвования благотворителей[22]. Некоторые подробности об этом строительстве удалось узнать от старожила с. Семилей Кочкуровского района Надежды Фокеевны Скворцовой: «*Когда мы вырыли под фундамент нового дома траншеи, то поехали с отцом в монастырь за кирпичами. „Папа, а отчего кирпичи такие прочные, из чего их делали?“ — спросила я. „Раньше монахи по деревням ходили и покупали куриные яйца у народа. Кроме них в раствор добавляли песок“*».

Несмотря на то, что Ново-Серафимовская пустынь не имела государственного финансирования, а жила собственными трудами и на пожертвования благотворителей, она была вовлечена в круг финансовых дел Пензенской епархии. Например, определением Святейшего Синода от 15 июля 1910 г. за № 5404 монастыри и архиерейские дома обязаны были выделять пособия из собственных средств на содержание церковно-приходских школ. Для обсуждения этого вопроса Пензенская духовная консистория 7 октября 1910 г. собрала съезд настоятелей и настоятельниц всех монастырей епархии, на котором было решено: «*Принимая во внимание, что монастыри Пензенской епархии в большинстве своем не обладают достаточными средствами и при массе своих собственных*

В алтаре. Фото М. Тимофеева

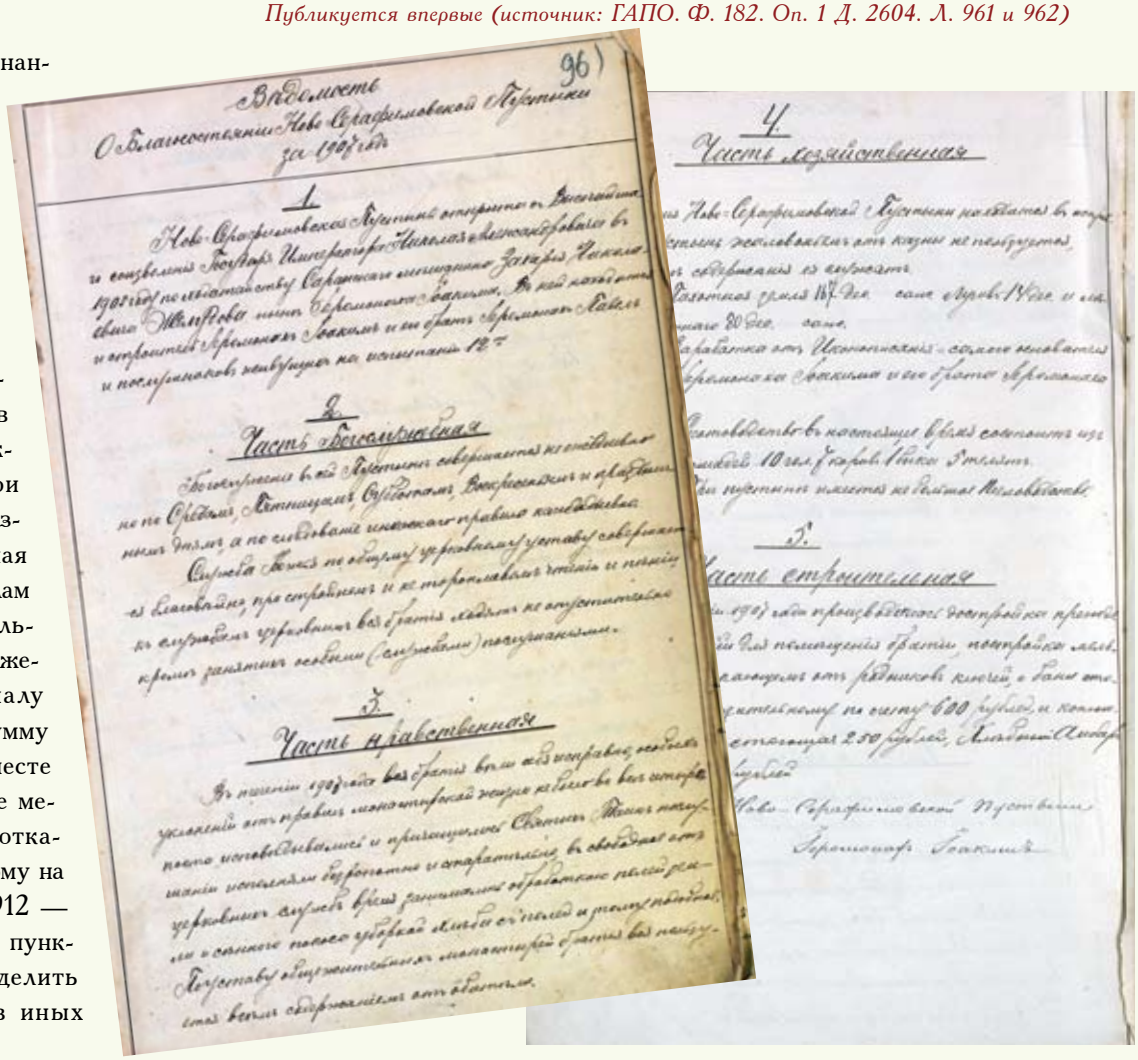
нужд имеют крайне ограниченную и неопределенную доходность, находящуюся в прямой зависимости от притока добровольных пожертвований благотворителей и богомольцев, собрание признает наиболее целесообразным, в виде опыта, произвести в настоящем 1910 году на содержание церковно-приходских школ в 1911 году единовременное отчисление из монастырских сумм, не ограничивая этого отчисления каким-либо процентом с чистого дохода, каковое отчисление даже и не всегда возможно, ибо по некоторым монастырям, доходности не достает на покрытие необходимых расходов. Пособие школам на 1911 год может быть произведено в следующем размере: ...по 10 руб. — от Вьясского-Владимирского монастыря, Ново-Серафимовской мужской пустыни и Зиновской женской общины»[23].

В 1911 г. пункты финансовых отчислений прибавились: а) на содержание церковно-приходских школ в епархии; б) на содержание мужских духовных училищ; в) на вознаграждение благочинных монастырей. На этом собрании настоятели признавались, что в связи с возросшими нуждами монастырей и при большой дороговизне жизненных условий денежная помощь приходским школам для обителей стала довольно обременительной и тяжелой потому, что поначалу обещанную на съезде сумму монастыри собирали вместе с крестьянами, но позже местное население стало отказывать в помощи. Поэтому на следующее трехлетие (1912 — 1914 гг.) по означенным пунктам было решено определить ежегодные субсидии в иных размерах: Ново-Серафимовская пустынь выделяла церковно-приходским школам и на содержание мужских духовных училищ — по 5 руб. в год[24].

Монастыри всегда были местом массового посещения прихожан и паломников, для которых организовывались просветительские кружки в рамках Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского общества. Для этого во внебогослужебное время устраивали чтения. Тексты обычно брали из специально для этого распространяемых книг и брошюр Палестинского общества или других религиозных изданий. Чтения обычно сопровождались пением местных хоров; иногда в исполнении наиболее употребительных молитв принимали участие все присутствовавшие. Во многих местах такие мероприятия иллюстрировались световыми картинами[25]. Завершались чтения просьбами помочь пожертвованиями Палестинскому обществу в его просветительской и благотворительной деятельности в Святой Земле. Так, Ново-Серафимовская пустынь собрала пожертвований: в 1909 — 1910 гг. — 16 руб. 7 коп.[26], в 1911 — 1912 гг. — 10 руб.[27], в 1912 — 1913 гг. — 10 руб.[28]

Третий съезд настоятелей и настоятельниц монастырей Пензенской епархии состоялся 27 октября 1914 г. Первым вопросом собрания было увеличение ежегодных взносов из средств монастырей на содержание церковно-приходских школ в Пензенской епархии. После всестороннего обсуждения настоятели приняли

Ведомость о благосостоянии Ново-Серафимовской пустыни за 1907 г. Публикуется впервые (источник: ГАПО. Ф. 182. Оп. 1 Д. 2604. Л. 961 и 962)



решение: «*На следующее трехлетие (1915 — 1917 гг.) на содержание церковно-приходских школ в Пензенской епархии производить ежегодно отчисление из монастырских сумм в следующем размере: ...по Ново-Серафимовской пустыни — 20 руб.*»[29]. Настоятелей обязали производить взносы в январе или феврале (но не позже 1 марта) каждого года в Пензенскую духовную консисторию для передачи в распоряжение Пензенского епархиального училищного совета.

Работая в деле народного просвещения, духовенство видело и осознавало, что действующих церковно-приходских школ в Пензенской епархии было крайне мало. Тотальная неграмотность среди населения пугала и тревожила служителей Церкви. Вследствие этого «*съезд признает и желательным и возможным открытие по всем монастырям Пензенской епархии Церковно-приходских школ для приходящих детей (где таковых школ не имеется), в крайнем случае, при бедности некоторых обителей, в них могут быть открываемы на первое время школы грамоты; в тех же монастырях, которые находятся в отдалении от населенных местностей (напр. Ново-Серафимовская пустынь), возможно открыть школы с приютами для детей; при чем желательно было бы в таковые приюты-школы принимать предпочтительно детей из осиротевших по случаю войны крестьянских семейств, находящихся в тяжелом материальном положении*»[30]. Одновременно собрание просило архиепископа Пензенского и Саранского Митрофана (Симашкевича) предложить Пензенскому епархиальному училищному совету оказывать помощь по устройству монастырских школ и по постановке учебного процесса через его уездных членов.

Ведомость о благосостоянии Ново-Серафимовской пустыни за 1914 г. Публикуется впервые (источник: ГАПО. Ф. 182. Оп. 1 Д. 2693. Л. 693)

693

Ведомость

Так как третий съезд настоятелей и настоятельниц монастырей пришелся на год начала Первой мировой войны, то монашествующие не могли остаться в стороне от этого события и проявили горячее желание помочь Отечеству в непростое время. Обители Пензенской епархии вели работу по изысканию средств больным и раненым солдатам, оказывал и помощь тем семьям, чьи близкие родственники были на фронте. В частности, «*Ново-Серафимовская мужская пустынь предоставила помещение на 20 человек раненных воинов, но без содержания*»[31]. По сохранившимся воспоминаниям удалось узнать, что для оказания медицинской помощи раненым солдатам обитель пригласила девушек из близлежавших сел. В устроенном лазарете завязались нецеломудренные, не подобающие для нахождения в обители отношения между солдатами и набранными в качестве сестер милосердия девушками. Подобные связи не могли скрыться от людей и оставили в народе негативные воспоминания об обители.

Кроме членства в Пензенском отделе Императорского Православного Палестинского общества настоятель Ново-Серафимовской пустыни был действительным членом Братства во имя Царицы Небесной «Всех скорбящих радости» при Пензенском епархиальном женском училище[32], которое помогало нуждавшимся воспитанницам Пензенского епархиального женского училища, не состоявшим на полном епархиальном или стипендиатском содержании. Братство снабжало нуждавшихся одеждой, обувью, бесплатно выдавало книги и другие учебные пособия, содержало воспитанниц в общежитии училища, а в случае тесноты — нанимало отдельную квартиру, оказывало помощь при окончании училища, а также при их вступлении в самостоятельную жизнь. В случае болезни — предоставляло медицинскую помощь или курортное лечение. Кроме того, содействовало развитию музыкального образования воспитанниц и навыков рукоделия у них, приобретало музыкальные инструменты и разного рода рукодельные принадлежности[33]. Для реализации этих целей каждый член Братства должен был вносить членские взносы. Так, в «Приложении к отчету о расходе сумм Братства во имя Царицы Небесной при Пензенском епархиальном училище за 1911 г.» значится, что настоятель Ново-Серафимовской пустыни иеромонах Павел внес 3 руб.[34]

Тёпловская пустынь оказывала финансовую помощь и другим епархиям. Например, «*от Пензенской епархии на расширение Сакских*

епархиальных помещений [Херсонская и Таврийская епархия. — *И. П.*], *согласно сообщению комиссии, пожертвований поступило: ...от Ново-Серафимовской пустыни, подписной лист № 2059 — 2 руб.*»[35].

Новая страница в истории пустыни открывается с Февральской революцией, а именно с введением закона о государственной монополии на хлеб Временным правительством, принятым 25 марта 1917 г. Его смысл заключается в том, чтобы отменить свободный рынок хлеба, а имевшиеся у крестьян излишки покупать по установленной цене. В случае обнаружения спрятанного хлеба цена уменьшалась на половину. В условиях большой инфляции этот закон означал не что иное, как конфискацию хлеба. Положение мордовских крестьян усугублялось еще и не урожайностью 1917 г. Село стало сопротивляться. В ответ на это 20 августа того же года министр продовольствия приказал изымать крестьянский хлеб, а если будут сопротивления — применить и оружие. Подобные мероприятия привели к захватам церковных и монастырских земель.

Так, в ночь с 16 на 17 декабря 1917 г. мордовские, русские и татарские крестьяне с. Новая Пырма, Тёпловка и Татарский Умыс разгромили Ново-Серафимовскую обитель. Борис Петрович Зорькин, житель с. Новая Пырма Кочкуровского района, рассказывает: «*Было в обители две церкви: деревянная, довольно большая, в которой служили, и каменная, недостроенная. Она так и не была открыта. Монастырь имел свои хозяйственные постройки, кирпичный заводик. Грабить в обитель приходили три дня, каждый день по пяти тысяч подводов из соседних деревень. Монастырь был разграблен полностью*».

После этого события на имя уездного комиссара поступило прошение от крестьян с. Новая Пырма (сохранена орфография оригинала):

Место, где находилась Ново-Серафимовская пустынь. 2004 г.

«*В ночь на 17 ноября сего 1917 года некоторыми из наших Граждан и Гражданок в количестве 43 человек под подстрекательством каких-то темных личностей было сделано разбойническое нападение на находящийся от нас в 5-ти верстах мужской монастырь под названием Буда*[,] *в котором грабителями был вывезен весь принадлежащий монастырю обмолоченный в зерне хлеб и инвентарь и*[,] *в довершении всего*[,] *эти кучки озверевших людей разгромили монастырский храм*[,] *взяв оттуда некоторые церковные вещи. Наутро следующего дня мы*[,] *мирные жители нашего села*[,] *услышав о случившимся*[,] *пришли в ужас от такого злодейства*[,] *совершенного кучкой этих негодяев*[,] *и тот час же собрались на общем собрании*[,] *в присутствии нашего председателя Костюшкина сделали постановление об аресте всех этих Бунтовщиков и отдать их всех в руки правосудия*[,] *и исключить их навсегда из нашего общества как людей*[,] *недостойно носящих звание свободных граждан России.*

На основании всего вышеизложенного мы граждане и гражданки имеем честь покорнейше просить Вас[,] *Гн Комиссар всех этих лиц*[,] *которые будут под арестом отправлены для допроса в г. Саранск к судебным властям*[,] *после снятия с них допроса не отпускать их обратно в наше село, и заключить их под арест в преть до суда над ними*[;] *если эти лица будут отпущены до суда обратно в наше село*[,] *то они могут учинить в нашем селе убийства и поджог*[,] *оставив нас совершенно нищими. Мы желаем, чтобы эти люди никогда в наше село больше не возвращались.*

Вслед за сим еще покорнейше просим Вас[,] *Гн Комиссар*[,] *не отпускать из нашего села команду солдат до тех пор*[,] *пока не будут все бунтовщики арестованы и отправлены*[,] *а награбленное от них отобрано*[,] *а мы сами без помощи солдат не можем ничего сделать. [19]17 года ноября 21 дня*»[36].

Однако после этого инцидента обитель существовать не перестала.

23 января (5 февраля) 1918 г. вышел Декрет СНК, вошедший в историю под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Реализация этого декрета в губерниях предполагала регистрацию религиозных общин и подание прошения в Совет народного хозяйства о предоставлении права на

«Да исправится молитва моя...»

бесплатное пользование своими же монастырскими зданиями и богослужебными предметами. Так, в регистрационных документах Коллегии внутренних дел при Совете рабочих и солдатских депутатов в Ново-Серафимовской пустыни значились 1 игумен и 71 послушник, она имела 362 десятины земли при с. Старые Турдаки и еще 262 десятины пашни в разных местах Саранского уезда[37].

Что касается плана, по которому распределялась земля сельскохозяйственного назначения между волостями Саранского уезда, то принимался он крестьянским съездом 21 — 22 марта 1918 г. и должен был действовать в течение года (в частности, на момент яровых и озимых посевов). При распределении земли съезд руководствовался Законом о социализации земли, принятым на III Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, «Инструкцией комиссиям по ликвидации бывших частновладельческих имений Пензенской губернии». О землях, имевшихся во владении религиозных организаций, в плане говорилось следующее[38]:

«*Статья 15.* Земли, принадлежащие монастырям, подлежат перераспределению во всем объеме их.

Примечание. Монашествующие, желающие обрабатывать землю собственным трудом, должны по постановлению волостного Крестьянского съезда быть причислены к одному из обществ волости.

Статья 16. Земли, находящиеся во владении церковных причтов, поступают в общую разверстку для данного общества. Члены причта получают землю для трудового пользования на общих основаниях».

Задача сводилась к полному или частичному сохранению имений для создания на их базе будущих трудовых хозяйств. Крестьянский Декрет о земле предоставлял всем бывшим частным владельцам, в том числе и монастырям, возможность заниматься сельскохозяйственным производством на трудовых началах на государственной земле наравне с трудящимся крестьянством. Возможностью сохранить обитель хотя бы в виде трудового коллектива захотела воспользоваться и ново-серафимовская братия.

На I Саранском уездном съезде Совета крестьянских депутатов 4 — 5 апреля 1918 г. разбиралось вторичное прошение монастырей уезда о том, чтобы наделить их землей для ведения трудового хозяйства. Свое мнение по этому поводу высказал председатель уездной земской управы Федянин, который «*коснувшись сельского хозяйства в настоящее время* (т. е. в 1918 г. — *И. П.*), *указал на всю важность предстоящего весеннего сева, и, чтобы вся площадь была засеяна, необходимо для этого использовать все наличные трудовые силы. Поэтому монашествующих чисто трудового типа, желающих приложить свой личный труд по земледелию как трудовые артели, не следовало бы лишать права на пользование землей и в настоящее время при наличии в монастыре живого и мертвого инвентаря, труд их пользовался бы с большой пользой для населения*»[39]. На рассмотрение съезда Федянин вынес предложение наделить все монастыри Саранского уезда землей на одинаковых началах с крестьянами, но с выдачей из урожая нормы хлеба лишь на прокормление. Съезд просьбу отклонил.

Вторичное обращение с письменным ходатайством также ни к чему не привело. Причиной подобных отказов был монашеский состав коммуны. В декабре 1918 г. по постановлению Коллегии Саранского уездного земельного отдела в Ново-Серафимовской пустыни все же была организована трудовая община. Снабжение артели сельскохозяйственным инвентарем и прочим необходимым имуществом взял на себя советский земельный орган.

Существование монастыря трудовой общиной не успокоило власти. Не имея прямых оснований для ее закрытия, Корнеев стал собирать материал для заведения дела, которая послужила бы официальной причиной для закрытия пустыни. В 1926 г. такое дело было заведено, и Ново-Серафимовскую пустынь разогнали[40]. Обитель прекратила существование. После ликвидации разграбление монастыря продолжалось. Из близлежавших сел жители приезжали в обитель и разбирали каменные здания по кирпичику. Для воцерковленных местных крестьян территория пустыни оставалась местом святым и особо почитаемым. На-

пример, сюда собирались верующие в пасхальную ночь. Сегодня на территории обители не осталось ничего, что напоминало бы о некогда существовавшей здесь Ново-Серафимовской пустыни.

Таким образом, Ново-Серафимовская пустынь, официально утвержденная в 1905 г., возникла из личных аскетических соображений первооснователя Захария Николаевича Желудова. Ограниченная в рамках трехклассного монастырского статуса она не заглохла, не исчезла, а сумела увеличить свое благосостояние. Она помогала не только финансами отделам епархии, но и организовала просветительский кружок в рамках Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского общества, а в тяжелый период Первой мировой войны обустроила лазарет для раненых солдат. В постреволюционный период обитель стала существовать в виде трудового коллектива. Но была закрыта в 1926 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] См.: Пензенские епархиальные ведомости. 1905. № 17. С. 939 (далее — ПЕВ).
[2] См.: Ведомость о благосостоянии Ново-Серафимовской пустыни за 1907 г. // Государственный архив Пензенской области. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2604. Л. 961 об. (далее — ГАПО).
[3] Там же. Л. 962.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] См.: Православные монастыри Российской империи. Полный список мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин / авт.-сост. Л. И. Денисов. М., 1908. С. 647.
[7] См.: ПЕВ. 1905. № 13. С. 640.
[8] См.: Послужной список Ново-Серафимовской пустыни за 1907 г. // ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2604. Л. 966.
[9] Там же. Л. 965 — 966.
[10] ПЕВ. 1905. № 17. С. 939.
[11] ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2604. Л. 962.
[12] Там же.
[13] Там же. Л. 962 об.
[14] Там же. Л. 961.
[15] ПЕВ. 1908. № 19. С. 810.
[16] Ведомость о благосостоянии Ново-Серафимовской пустыни за 1907 г. // ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2604. Л. 961.
[17] Там же. Л. 962 об.
[18] Там же. Л. 961 об.
[19] ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2693. Л. 691 об.
[20] Ведомость о благосостоянии Ново-Серафимовской пустыни за 1907 г. // ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2604. Л. 961.
[21] См.: **Сойкин П. П.** Православные русские обители. СПб., 1910. С. 384.
[22] См.: ПЕВ. 1908. № 1. С. 42.
[23] Там же. 1910. № 22. С. 946 — 947.
[24] См.: Протокол съезда настоятелей и настоятельниц монастырей Пензенской епархии // ПЕВ. 1912. № 3. С. 78.
[25] См.: ПЕВ. 1906. № 12. С. 650 — 652.
[26] Там же. 1910. № 15. С. 473.
[27] Там же. 1912. № 9. С. 265 — 268.
[28] Там же. 1913. № 11. С. 351.
[29] Протокол съезда настоятелей и настоятельниц монастырей Пензенской епархии // ПЕВ. 1914 г. № 23. С. 648.
[30] Там же. С. 649.
[31] Протокол съезда настоятелей и настоятельниц монастырей Пензенской епархии // ПЕВ. 1914. № 18. С. 772 — 775.
[32] См.: ПЕВ. 1912. № 21. С. 658.
[33] См.: Устав Братства во имя Царицы Небесной «Всех скорбящих радости» при Пензенском епархиальном женском училище // ПЕВ. 1909. № 13. С. 565 — 566.
[34] См.: ПЕВ. 1912. № 21. С. 649.
[35] Там же. 1912. № 22. С. 878.
[36] ГАПО. Р. 2840. Оп. 1. Д. 651. Л. 5 — 6 об.
[37] См.: **Бахмустов С. Б.** Монастыри Мордовии. Саранск, 2000. С. 226.
[38] Общество и власть (1918 — 1920) : докл. уезд. съездов Советов Мордовии : в 2 т. / НИИГН при Правительстве РМ, Респ. архив. служба РМ, ЦГА РМ ; сост. С. В. Батаев [и др.]. Саранск, 2010. С. 307.
[39] Там же. С. 316 — 317.
[40] См.: Доклад о религиозных культах и сектах, находящихся в районе Саранского уезда за август месяц 1923 года // Саранские епархиальные ведомости. 2003. № 5. С. 53. Примеч. 8.

Светлана Васильевна Пивкина

СТОЛПЫ СЛУЖЕНИЯ

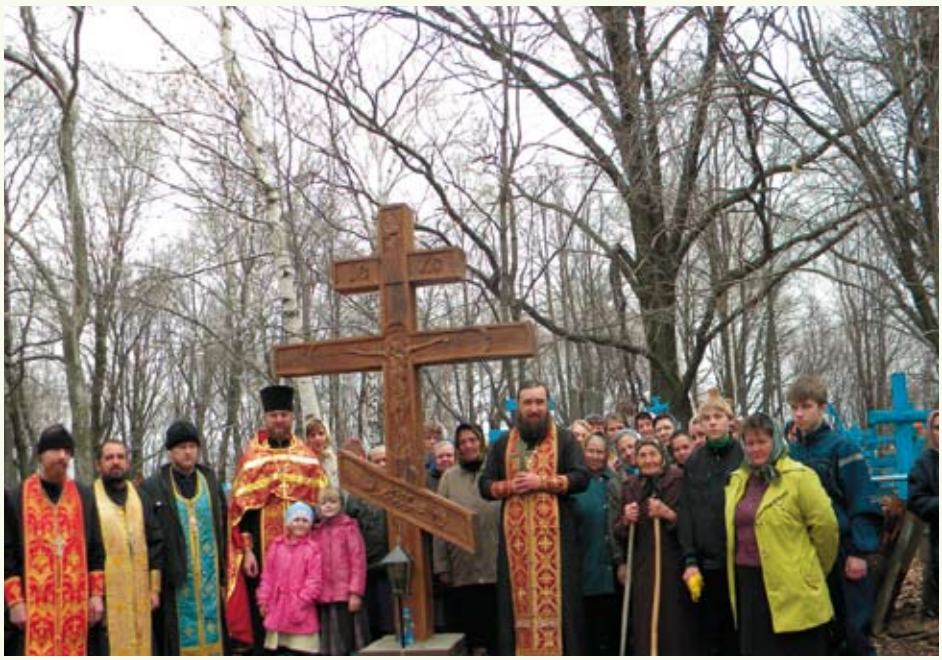
«Формирование духовно-нравственных ценностей в обществе, партнерство государства и традиционных религий — важнейший залог общественно-политической стабильности. В Мордовии накоплен эффективный опыт сотрудничества, которое приводит к важным положительным изменениям в обществе», — сказал на открытии первого заседания Общественного совета по развитию православной культуры в Мордовии Глава Республики Мордовия В. Д. Волков. На заседании был рассмотрен проект подпрограммы «Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи в Республике Мордовия на 2015 — 2020 гг.» в рамках государственной программы РМ «Развитие образования в Республике Мордовия на 2014 — 2020 гг.». С учетом всех предложений документ призван стать полноценной республиканской программой по воспитанию детей и молодежи. В связи с этим становится более актуальным изучение православной культуры мордовского края. Изучая историю своего края, знакомишься со многими интересными фактами из жизни своей малой родины, которые должны передаваться новым поколениям.

В с. Пермиси Большеберезниковского района Республики Мордовия сегодня проживают около двухсот человек, в основном пенсионеры. В конце XIX в. в селе насчитывалось более пятисот дворов. В «Ведомостях о церкви Покрова Пресвятой Богородицы села Пермиси Карсунского уезда Симбирской губернии от 1896» о прихожанах указанной церкви отмечено: «В селе Пермиси 460 дворов, число душ — 3 107: мужеска пола — 1 553 душ, женска — 1 554. Среди мордвы были в основном крестьяне (368 дворов) и военные (62 двора). Сверх того раскольников 2 двора»[1]. Жили в Пермисях мордва-эрзя и русские. Основу села составляли крестьяне, кроме того, были мещане, военные и духовные лица. Село до образования Мордовской АССР входило в состав Карсунского уезда Симбирской губернии. Как отмечает С. Б. Бахмустов, с XVI в. эта территория стала местом бурного русского административно-политического и культурно-духовного обживания, что привело к чрезвычайной этнической и конфессиональной пестроте населения. Понизовье представляло монастырям большие возможности для христианской миссии, а монашество, даже если не занималось прямо миссионерством, одним своим существованием служило делу христианизации Среднего Поволжья. В Понизовье существовали обители, которые способствовали укреплению христианской веры: Сайнинский, Успенский и Шейн-Майданский монастыри, Ключевская Казанская, Преображенская, Старцеугловская и Казанская Пичерская пустыни[2]. Таким образом, православие укреплялось в мордовском крае. Само «духовенство Русской православной церкви представляло собой значительный социальный слой общества и в определенной мере часть существовавшего государственного механизма»[3].

Каким образом входило православие в эрзянское село Пермиси, где некоторые языческие обычаи живы до сих пор, остается за гранью известного. Возможно, справедливо будет отнести следующую историческую запись и к жителям этого села: «Обращение их было самое мирное, но, к сожалению, не искреннее. Язычник-мордвин, не имея ни храма, ни жреца, без сопротивления допустил строиться новым для него храмам и принял присланное начальством духовенство; но в то же время остался с прежним своим храмом — домом и прежним жрецом — старшим членом своего семейства, или рода. Таким образом, язычество, предоставив христианству общественное значение, осталось между мордвой, так сказать, домашней, семейной, родовой религией, и в смысле семейного предания, переходя из рода в род, дошло и до наших времен. Правда, языческие предания для позд-

нейшего потомства утратили свой смысл и в настоящее время представляют страшную смесь христианства с язычеством»[4].

Храм в с. Пермиси был построен в конце XIX в. В церковных документах от 1896 г., хранящихся в Государственном архиве Ульяновской области, говорится: «Построена сия церковь в 1863 году, распространена в 1871 году тщанием прихода. Здание деревянное с такою же колокольнею, крытая железом. В ней три престола: в настоящей холодной во имя Покрова Пресвятой Богородицы и в приделах теплый правый во имя Пресвятой Живоначальной Троицы, левая в честь Богоявления Господня. Утвари достаточно. Причту положено быть одному священнику, штатному дьякону и псаломщику. Земли при сей церкви усадебной две десятины, пахотной — тридцать пять десятин и восемьсот сорок саженей. Причт церковный никакого пособия не получает, содержание посредственное. Церковь отстоит от Симбирской духовной Консистории в 180 верстах, и от местного Благочинного в семи верстах»[5]. Примечательно, что в селе было училище. По сведениям 1886 г., в Симбирской епархии только 25,0 % церковно-приходских школ имели собственное помещение, остальные размещались главным образом в тесных и темных церковных сторожках, неприспособленных домах, нанимаемых сельскими обществами и т. п.[6] Сельское училище в Пермисях, по данным церковных записей, существовало с 1864 г., «учителем при нем состоит сын священника села Сабаево, Дмитрий Павлович Сатурнов и законоучителем приходской священник (в тот период И. Н. Ягодинский). Большая часть учащихся в школе инородческая мордва эрзя, русских очень немного. Всего учащихся в школе мужского пола 56, а женского пола 6 человек»[7]. За всю историю Покровской церкви



Памятный крест, установленный на месте захоронения священника-новомученика А. П. Краснощёкова

с. Пермиси служили в ней много образованных священников. Как отмечают исследователи, гуманитарная нацеленность полученного образования, функции регистратора течения времени в приходе (рождений, браков, смертей), наличие в приходской церкви архива — все это поневоле делало приходского священника сельским историком, влияло на его мировоззрение и круг знаний[8]. Имена многих священников известны. К сожалению, судьбы большинства были закончены в лагерях, в ссылках, в тюрьмах. Сам храм, по архивным данным от 1939 г., был отдан под клуб. Всего по Большеберезниковскому району под клубы были отданы найманская, шугуровская, судосевская и гузынская церкви, под зернохранилища березниковская, дегилёвская и косогорская. Школы открылись в гартовской и судосевской церквях[9].

Служителями церкви Покрова Пресвятой Богородицы являлись (приводятся персоналии, данные о которых сохранились до наших дней):

— с мая 1876 г. — священник Иоанн Кудеевский;

— с июля 1876 г. — священник Алексей Николаевич Топорнин;

— с 13 мая 1881 г. — священник Андрей Тресвятский;

— с 20 октября 1891 г. по 16 апреля 1900 г. — священник Иоанн Николаевич Ягодинский;

— с июня 1900 г. по май 1901 г. — священник Николай Павлович Смеловский;

— с 12 августа 1901 г. по 12 марта 1906 г. — священник Петр Васильевич Малинин;

— с 6 сентября 1901 г. — священник Петр Васильевич Малинин;

— с 19 марта 1906 г. — священник Владимир Богоявленский;

— с января 1912 г. по 1914 г. — священник Василий Григорьевич Подлесников;

— с 1914 г. по 1916 г. — священник Александр Михайлович Зефиров;

— с 1916 г. по февраль 1919 г. — священник Иван Иванович Райский;

— с 14 февраля 1919 г. по 10 марта 1919 г. служил до самой кончины священник-новомученик Александр Петрович Краснощёков.

Диаконовскую вакансию в разное время занимали Александр Транквиллицкий и Григорий Разумов.

Окружной миссионер

Священник Иоанн Николаевич Ягодинский родился в г. Алатыре в семье диакона в 1859 г. В 1884 г. окончил Симбирскую духовную семинарию с аттестатом 2-го разряда. Начал служить в Симбирском уезде в с. Максимовка в должности псаломщика. Через год был рукоположен в сан дьякона. Стал служить в с. Ртищева Каменка. После рукоположения в священники в 1886 г. сначала ему дали приход в Сенгилеевском уезде в с. Осоки. Затем перевели в эрзянское село Пермиси. С 17 февраля 1892 г. по 1900 г. отец Иоанн состоял законоучителем в земской школе[10]. Кроме того, с 1896 г. он занимал должность окружного миссионера 4-го Благочиннического округа Карсунского уезда. Затем его перевели священником в с. Большие Березники. Должность — член Благочиннического совета. Здесь он занимал место заведующего церковной школой. Затем был утвержден в должности библиотекаря благочинной библиотеки и членом ревизионной комиссии.

4 августа 1904 г. Ягодинского перевели священником в с. Киржеманы Ардатовского уезда. И последний приход священника — с. Пятино Карсунского уезда. Иоанн Николаевич неоднократно избирался депутатом на общеепархиальные съезды. Священник был награжден камилавкою и наперсным крестом.

Отец Иоанн с женой Александрой Стефановной воспитывали семерых детей. Старшие были уже взрослые. Сын Геннадий окончил Симбирскую духовную семинарию и служил в церкви с. Палатово. Порфирий обучался в семинарии. Дочь Антонина работала учительницей земской школы с. Поселок. Казалось, жизнь идет своим чередом, но приближались роковые времена.

В 1917 — 1922 гг. в Симбирской губернии происходили массовые убийства духовенства и верующих без суда и следствия. Был убит и отец Иоанн. По свидетельству его дочери, Нины Ивановны Дмитровой, отец был расстрелян сотрудниками местного ОГПУ во время изъятия церковных ценностей из Свято-Троицкого храма в с. Пятино. В рапорте на имя архиепископа Симбирского Тихона благочинный 4-го округа Карсунского уезда сообщал о расстреле настоятеля храма с. Пятино отца Иоанна Ягодинского. Престарелый батюшка был расстрелян карательным отрядом красноармейцев по подозрению в пособничестве восставшим крестьянам во время «чапанного восстания». Никаких доказательств вины о. Иоанна, а тем более каких-либо документов о его осуждении не было. Священник был убит без суда и следствия[11].

«Я давал присягу»

Священник Петр Васильевич Малинин родился в 1879 г. в с. Княжуха Алатырского уезда Симбирской губернии в семье псаломщика. Окончил Алатырское духовное училище и Симбирскую духовную семинарию. Рукоположен в сан священника в 1900 г. Поступил на должность священника в церкви с. Пермиси Карсунского уезда в 1901 г. Там же занимал должность законоучителя в земской школе. Обучал грамоте сельских детей. Затем перемещен в с. Вязовка Сенгилеевского уезда, где до 1917 г. также учительствовал в земской школе. Награжден грамотой Святого Синода и набедренником[12].

Семья священника была большой: с женой Евфапией Николаевной они воспитывали шестерых детей. К моменту ареста только Валентин обучался в Симбирском духовном училище, а остальные находились при родителях. Несмотря на все гонения, которые власть обрушила на церковь, батюшка твердо отстаивал веру. Когда его спросили, почему он не оставляет должность священника и не начинает жизнь «честного советского гражданина», отец Петр ответил: «Не брошу я должность священника лишь потому, что я давал присягу при посвящении меня в духовный сан, а также потому, что я верую в Иисуса Христа». Священник неоднократно подвергался различного рода репрессиям. В 1931 г. он был осужден народным судом к шести месяцам исправительно-трудовых работ за то, что без разрешения сельского Совета провел собрание верующих. Наказание отбывал на лесоповале. В том же году священник был раскулачен, а так как имущества у него было немного, то отобрали единственную лошадь и

Семья священника П. В. Малинина

фисгармонию. В 1932 г. сельсовет постановил отца Петра выселить из села. Однако, когда верующие узнали об этом, у сельской конторы собралось более 150 жителей Вязовки, которые потребовали оставить батюшку в покое и не высылать его. Священник остался в селе, но ненадолго. Арестовали Петра Васильевича 10 августа 1933 г. и осудили 5 октября 1933 г. по статье 58—10 УК РСФСР к высылке в Казахстан[13].

«За веру умру»

Священник Григорий Разумов родом был из с. Жадовка Карсунского уезда. Отец его был священником. Родители рано умерли. Сироту усыновил преподаватель Симбирского духовного училища и дал возможность получить образование. Григорий окончил Симбирскую духовную семинарию. 22 августа 1893 г. был определен псаломщиком в с. Большие Березники Карсунского уезда. 30 декабря 1894 г. согласно прошению преосвященным Варсонофием перемещен в с. Пермиси. В книге церкви Покрова Пресвятой Богородицы «О причте означенной церкви» записано: «От роду дьякон имеет двадцать пять лет. В семействе у него жена Варвара Васильевна, от роду восемнадцать лет. Сын Сергей, год три месяца»[14]. 2 февраля 1897 г. Григорий Петрович Разумов был рукоположен в сан иерея. В 1918 г. награжден наперсным крестом. В чине уже протоиерея служил в с. Аксаур Карсунского уезда (в настоящее время — Инзенский район Ульяновской области). 7 апреля 1932 г. «тройка» при ПП ОГПУ по СВК осудила его по статьям 58—10, 58—11 УК РСФСР на 5 лет лишения свободы с заменой на высылку в Северный край на тот же срок[15].

Из воспоминаний дочери священника Вивеи Григорьевны Разумовой:

— Мама, Варвара Васильевна, рассказывала, что отца любил весь приход, к нему шли за любым советом, с горем и радостью. Был он очень грамотным человеком, выписывал газеты, был в курсе всех событий. Брат стал председателем колхоза, а детей священнослужителей притесняли, и его без конца упрекали, что он сын священника, поэтому брат часто говорил отцу: «Папа, откажись от священства, я тебя прокормлю, ты — грамотный человек, работу всегда найдешь», но он отвечал: «Не проси меня, я никогда не откажусь — я за веру умру». И действительно, пришлось ему умереть за веру. Когда арестовали отца, был 1930 г., я училась в первом классе, была в это время в школе. Вдруг прибегает один мальчонка и говорит: «Иди скорее домой — там отца твоего увозят!». Побежала я домой. Прибегаю в слезах. Но не успела — его уже увезли... Жить после его ареста нам стало очень трудно. Одна моя сестра в это время уже работала учительницей, а другую учиться никуда не принимали. Жили мы в бедности. Около Аксаура, в нескольких километрах, находилась приходская деревня Мамырово, куда я ходила просить милостыню. Брат в это время жил в с. Качелай Кочкуровского района Мордовии. Он приехал и забрал меня к себе, а мама осталась в Аксауре. У него я и жила до того времени, как пошла работать. Письма от отца из ссылки мы получали редко. Писал он, как трудно жить: «Мы, заключенные, голодаем». Мама посылала папе посылки — шерстяные носки, сухари. Последнее письмо от отца мы получили в 1931 г., жили в это время в Мордовии. Там же мы узнали и о его смерти. Приходит нам письмо, адрес написан папиной рукой. Письмо передали мне в школу, я обрадовалась, прибежала домой: «Папа письмо написал!». Открываем конверт — а там письмо от священника, который жил вместе с папой, он пишет, что 5 февраля папа умер от голода, и он похоронил его, как мог[16].

Священник во главе бунтарей

Батюшка Александр Краснощёков был убит 10 марта 1919 г. красноармейцами. Его и псаломщика Митрофана Косынкина с женой Татьяной расстреляли во время «чапанного» бунта. Крестьянское восстание охватило тогда многие уезды Симбирской губернии. Мятеж устроили стихийно, всем миром. Люди были доведены до крайней степени отчаяния: отнимали хлеб, скотину, уводили людей[17].

Врываясь в села в охваченных мятежом уездах, карательные отряды Красной армии в первую очередь арестовывали местных священников, которым приписывали якобы проводимую ими контрреволюционную агитацию и руководство восстанием. Без предъявления обвинений их расстреливали на месте. Среди жертв «чапанного востания» оказались отец Александр со своим псаломщиком и его супругой. «Чапанное», или, как написано в документах, кулацкое, восстание в с. Пермиси возникло, видимо, также стихийно. Приехавшие усмирять бунтарей красноармейцы зачинщиками бунта сочли церковнослужителей. Возможно, священнослужители, дабы огородить своих прихожан от беды, взяли всю вину на себя.

Прибывший уже в конце лета следователь юридического отдела Симбирского ГубЧК составил заключение, в котором сказано, что «в момент подавления восстания, как организаторы расстреляны поп Краснощеков, псаломщик и его жена — Митрофан и Татьяна Косынкины»[18]. В деле № 5996 «По обвинению участников крестьянского „чапанного“ восстания, в том числе священника с. Пермиси Карсунского уезда Краснощёкова Александра Петровича, псаломщика того же села Митрофана Косынкина и его жены Татианы Косынкиной» не было обнаружено никаких документов, свидетельствующих о каком-либо участии указанных лиц в восстании, ни вообще

любых документов по ведению следствия, предъявлению обвинения, судебном или внесудебном разбирательстве[19].

Священник Краснощеков в Пермиси был перемещен из соседнего Судосева. До этого он окончил Курскую духовную семинарию, в 1909 г. архиепископом Симбирским и Сызранским Иаковом был рукоположен в сан священника и направлен на служение в с. Трубетчина Сенгилеевского уезда. В 1911 г. был переведен на служение в Покровскую церковь с. Судосева Карсунского уезда, а в 1912 г. — назначен законоучителем земской школы, а также законоучителем и заведующим церковной школы в Судосеве. Через год утвержден в должности окружного миссионера-проповедника. 14 февраля 1919 г. переведен в церковь с. Пермиси Карсунского уезда. Отец Александр был женат на дочери священника Зинаиде Ивановне Райской. Заштатный священник Иоанн Райский также долгое время служил в Пермисской церкви. Из-за болезни вынужден был оставить церковную службу. В ГАУО есть прошение на имя архиепископа Симбирского Тихона от тестя убитого отца Александра. В прошении сказано: «Зять мой священник Александр Краснощеков 10-го марта был убит красноармейцами, оставив после себя жену и троих малолетних детей 8, 5 и 4 лет. Поэтому прошу Вас, Высокопреосвященнейший Владыко, опять зачислить за мной приход Покровской церкви села Пермись, так как здоровье мое вполне исправилось»[20]. Священнику Краснощекову было 34 года. В наши дни стараниями настоятеля пермисской церкви священника отца Виктора был установлен крест отцу Александру на местном кладбище.

«Попонь пакся»

В Пермисях живут потомки Косынкиных. Уважаемые на селе люди. Псаломщик Митрофан Косынкин — это их прадед. Родственники звали его Федором. Возможно, настоящее имя было искажено, что в мордовских селах было не редкостью. Русские имена переделывали на свой лад. Был Митрофан человеком для того времени, безусловно, грамотным. По воспоминаниям родственников, после деда остались «божественные книги». Иван Иванович Косынкин, внук псаломщика, часто читал дедушкину Псалтырь. Он рассказывал: «Дедушка и бабушка были расстреляны в Удало пе (за Дальней улицей)». Место, где были расстреляны священник и псаломщик с женой за селом, это сельчане долгое время называли «Попонь пакся» («Попово поле»). У Митрофана и Татьяны Косынкиных было трое детей — Херон, Иван, Агафья.

Церковь разрушили позже. Живы на селе еще те, кто помнит, как однажды на сцене клуба, в стенах бывшей церкви, проходило собрание, после чего ожидался концерт. Народу было много. Вдруг всем показалось, что здание стало рушиться: окна, стены, потолок начали буквально падать на людей. Поднялась паника, все бросились к выходу, образовалась толкучка. Большинство выбегали на мороз раздетыми и бежали в разные стороны. Каково же было удивление пермисцев, когда на следующий день оказалось, что здание стоит на месте совершенно неповрежденное. Видимо, велись в святых стенах не богоугодные разговоры. Долгое время о церкви напоминали величественные сосны, которые росли около нее. Но и те были спилены. Когда строили двухэтажную кирпичную школу в 1975 г., находили останки, церковную утварь. Также останки и православные кресты были найдены в 1995 г. при проведении водопровода.

«Духовная жизнь на селе не угасла»

Когда храм разрушили, в 1930-е гг., многие иконы были безвозвратно утрачены, а некоторые были спрятаны и хранились в семьях прихожан. Сами верующие в тот период по большим праздникам ходили за десятки километров на службу в другие храмы. В основном в с. Маколово Чамзинского района, в Казанскую церковь монастырского подворья, в Саранск в Иоанно-Богословскую церковь. В 1990-е гг. пермисцы стали инициаторами возрождения Успенского храма в с. Марьяновка.

Вскоре решили создать свой приход. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы заново открылась на месте старого магазина силами местных жителей и настоятеля церкви отца Виктора. Именно благодаря стараниям сегодняшнего пермисского священника возвращаются забытые имена священнослужителей, а вместе с ними забытые страницы истории старинного эрзянского села. Были возвращены некоторые храмовые иконы. Иконы «Преображение» и «Троица» принесла в церковь бабушка Матрена, которую знали на селе как глубоко верующую женщину. «Живоносный источник» был возвращен из другого села. Она была почти черной, но со временем лики на ней проявились и посветлели. По словам отца Виктора, образам по сто пятьдесят лет. Одна из икон мироточила. Плащаницу для храма отдал священник из соседнего села. Открывать храм помогали и местные бизнесмены, и чиновники. Звонница сделана на пожертвования жительницы с. Гузынцы в память о сыне. Колокола приобретали на пожертвования, их отливали в Москве. «Духовная жизнь на селе не угасла, — говорит отец Виктор, — я думаю в этом большая заслуга плеяды священнослужителей, которая, несомненно, оставила след в душах пермисцев. Не прошла бесследно и жизнь монахинь Марии, Елены и Ардалионы, которые претерпели гонения за веру. Монахини пришли в Пермиси из разоренных монастырей».

Покровская церковь в с. Пермиси. 2013 г.

Здесь и сегодня продолжают рождаться глубоко верующие люди, готовые посвятить жизнь служению Богу. Уроженец с. Пермиси отец Сергий будучи девятиклассником стал инициатором строительства храма в своем селе, ныне служит благочинным в г. Сергач Нижегородской области. Он потомок того самого псаломщика Митрофана Косынкина, Отец Евгений долгое время служил в храме с. Марьяновка, затем перешел в Большие Березники. Матушка Анна, трагически погибшая, была эталоном православной женщины и матери. Бабушка Варвара радела и трудилась об открытии храма. Две ее внучки — монахини в Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском монастыре.

Редкими душевными качествами истинной христианки обладала Вера Дмитриевна Макушкина. К ней с уважением относились все односельчане. Она же славилась уникальным голосом. «Женский бас удивительной чистоты», — вспоминает отец Виктор. Во многом благодаря ей существует сегодня храм в селе.

Служба в храме Покрова Пресвятой Богородицы ведется по выходным и праздничным дням. Кроме прихожан с. Пермиси сюда приезжают верующие из соседних сел, районного центра и Саранска. Говорят, что атмосфера храма, да и самого села располагающая. Несомненно, ощущаются многолетние православные традиции, которые складывались годами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее сведения приводятся по клировым ведомостям, хранящимся в Государственном архиве Ульяновской области: Ведомости о церкви Покрова пресвятой Богородицы села Пермиси Карсунского уезда и священно-церковных смотрителях от 1896 года (далее — Ведомости о церкви Покрова пресвятой Богородицы села Пермиси).

[2] См.: **Бахмустов С. Б.** Монастыри Мордовии. Саранск, 2000. С. 83 — 129.

[3] См.: **Гусева Т. М.** Культура и общество во второй половине XIX в.: Социокультурное развитие российской провинции (на примере мордовского края) / НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2008. С. 94.

[4] Симбирская мордва [Оттиск] // Современные известия политические, общественные, церковные, ученые, литературные, художественные. 1876. № 105. С. 1 — 9.

[5] Ведомости о церкви Покрова пресвятой Богородицы села Пермиси.

[6] См.: **Гусева Т. М.** Указ. соч. С. 106.

[7] Ведомости о церкви Покрова пресвятой Богородицы села Пермиси.

[8] См.: **Гусева Т. М.** Указ. соч. С. 95.

[9] Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-234. Оп. 4. Д. 292. Л. 28, 32.

[10] См.: Ведомости о церкви Покрова пресвятой Богородицы села Пермиси.

[11] См.: Симбирская Голгофа (1917 — 1938) / сост. свящ. Владимир Дмитриев. Ульяновск, 1996. С. 22 — 23.

[12] См.: Ведомости о церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы села Вязовка Сенгилеевского уезда и священно-церковных смотрителях от 1916 года // ГАУО.

[13] **Скала А. В.** Церковь в узах : история Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917—1991). 2007. С. 68.

[14] Ведомости о церкви Покрова пресвятой Богородицы села Пермиси.

[15] Книга памяти Ульяновской области.

[16] Из личного архива Александра Киселёва.

[17] Разгром контрреволюции в Большеберезниковской волости и «чапанное восстание» в Карсунском уезде // Незабываемые годы. Саранск, 1967. С. 44.

[18] **Скала А. В.** Указ. соч. С. 68.

[19] См.: Память. Жертвы политических репрессий. Саранск, 2004. С. 89.

[20] **Скала А. В.** Указ. соч. С. 68.

Сергей Дмитриевич Давыдов,
Евгений Николаевич Кемаев,
Александр Сергеевич Пронин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В МОРДОВИИ В 2013 – 2015 гг.

Актуальным вопросом в Республике Мордовия является создание системы комплексного мониторинга сохранности памятников историко-культурного наследия. Активное разграбление финно-угорских средневековых могильников в кладоискательских целях, разрушение значительного количества памятников в результате хозяйственной деятельности и воздействия природных факторов обусловливают необходимость проведения ревизии состояния известных объектов в рамках полевых экспедиций, неотъемлемой стороной которых является поиск новых, ранее не известных памятников. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия после длительного перерыва возобновил полевые археологические изыскания.

В мае 2013 г. экспедиция института в Зубово-Полянском районе провела две археологические разведки. Разведочным отрядом под руководством младшего научного сотрудника отдела истории и археологии А. С. Пронина (держатель Открытого листа № 109) был осмотрен ряд археологических памятников: в бассейне реки Чиуш в окрестностях с. Зарубкино (Кельгининский могильник) и Покровские Селищи (Покровоселищенский могильник, Верхнепокровское I и Верхнепокровское II селища).

Кельгининский могильник был случайно открыт в 1899 г. при земляных работах в д. Куликовке (позже соединившейся с д. Кельгинино), но не привлекал внимание ученых до начала 1960-х гг. Весной 1963 г. 1-й Мордовский отряд Поволжской археологической экспедиции под руководством А. С. Воскресенского провел на могильнике небольшие разведочные работы. В июне 1963 г. исследование памятника проводила совместная экспедиция Мордовского университета и НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР под руководством Р. Ф. Ворониной. В 1964 г. раскопки памятника продолжила экспедиция НИИ под руководством А. Е. Алиховой, в 1966 г. — экспедиция Мордовского университета под руководством А. В. Циркина. Всего в 1960-е гг. на памятнике были вскрыты 116 погребений, в том числе одно конское.

Кельгининский могильник. 2013 г.

С 1994 по 2001 г. охранные работы на памятнике проводила археологическая экспедиция Мордовского университета под руководством В. И. Вихляева, которая вскрыла 307 погребений, в том числе 8 конских.

По материалам археологических раскопок выделяются два хронологических периода. Захоронения раннего периода датируются временем от рубежа X — XI вв. до начала XV в., позднего периода — XVII — первой половиной XVIII в.

В 2013 г. сотрудники НИИГН зафиксировали несколько свежих грабительских ям. Предположительно «черными копателями» было вскрыто одно детское погребение, но на момент осмотра вещей в нем обнаружено не было. По сведениям местных жителей, могильник часто посещают люди с металлоискателями на машинах с московскими номерами.

В 1964 г. А. В. Циркин обнаружил два мордовских средневековых селища на правом берегу Чиуша в 500 м к востоку от с. Покровские Селищи и могильник, расположенный в 700 м севернее этого села, по дороге, ведущей в с. Старая Потьма, на возвышенности Мотилефконь бугор.

При осмотре селищ в 2013 г. было установлено, что Верхнепокровское I селище уничтожено в результате разработки песчаного карьера. Второе селище в настоящее время находится на северном возвышенном берегу водоема. С востока оно ограничено узким длинным оврагом. Никаких внешних признаков это селище не имеет. Приблизительная площадь 50 × 80 м. Среди фрагментов керамики преобладают черепки серого и светло-серого цвета, но изредка встречаются фрагменты керамики красных тонов.

Границами Покрово-Селищенского могильника служат: с севера и с востока — лесозащитные полосы, с

Грабительские ямы на Кельгининском могильнике. 2013 г.

юга — ручей Могилефконь ляй, с запада — дорога Покровские Селищи — Старая Потьма. При осмотре могильника были зафиксированы грабительские ямы. Как и на Кельгининском могильнике, «черные копатели» вскрыли два погребения. При одном найдены фрагменты большого светло-коричневого цвета горшка. Площадь могильника составляет примерно 80 Ч 100 м. Время функционирования могильника может быть отнесено к XVI — XVII вв.

Разведочный отряд под руководством младшего научного сотрудника отдела истории и археологии С. Д. Давыдова (держатель Открытого листа № 108) осмотрел ряд памятников в районе с. Старое Бадиково (Старобадиковский I и Старобадиковский II могильники, Старобадиковское I и Старобадиковское III поселения), в окрестностях

Фрагменты сосуда из разграбленного погребения на Покрово-Селищенском могильнике. 2013 г.

д. Жуковка (Жуковское I городище) и районе с. Киселевка (II, III, IV, V и VI Киселевские поселения).

Старобадиковский I могильник был открыт С. П. Вернером в 1940 г., им было исследовано три погребения. Полученные данные позволили датировать памятник XI — XIV вв. Позднее, в 1974 г., исследования некрополя производил В. Н. Шитов, в 1975 г. — И. М. Петербургский. В 1981 — 1982 гг. отряд экспедиции НИИЯЛИЭ под руководством Я. В. Беляева произвел раскопки на площади 200 м^2 и вскрыл 28 погребений.

Старобадиковский II могильник был обнаружен краеведом Б. Е. Смирновым. В 1974 г. В. Н. Шитов вскрыл одно полуразрушенное погребение с комплексом мордовских украшений VIII — IX вв. В ходе планомерного изучения некрополя в 1975 — 1979 и 1981 — 1982 гг. под руководством И. М. Петербургского были получены данные, которые позволили расширить датировку с VII по X в. Старобадиковское II поселение, обнаруженное И. М. Петербургским в 1979 г., оказалось синхронным исследуемому могильнику.

Благодаря методической помощи, оказанной доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником отдела истории и археологии НИИГН В. В. Ставицким, удалось открыть ранее не известный археологический памятник, получивший название Старобадиковское III поселение, которое находится на левом берегу Вада в 320 м к западу от реки. Поселение располагается на первой надпойменной террасе, на расстоянии 1,5 км к востоку от с. Старое Бадиково и в 1,2 км к северу от пос. Ленина. С западной стороны памятник граничит с сосновым лесом, частично находясь на его территории. В 10 м западнее от границы начала леса, проходит грунтовая дорога из пос. Ленина в с. Старое Бадиково. На предполагаемой территории поселения удалось обнаружить подъемный материал в виде фрагментов керамики, которая относится к типу гончарной белоглиняной керамики, орнаментированной прочерченными линиями. На основании этого можно предположить, что обнаруженное поселение относится к XVI — XVII вв. Были проведены инструментальная съемка и составлен план памятника с указанием точных географических координат.

В районе д. Жуковки было осмотрено Жуковское I городище. История исследования этого памятника началась еще в дореволюционный период. Позднее, в 1940 г., Археологическая экспедиция центрального музея Мордовской АССР под руководством С. П. Вернера произвела инструментальную съемку плана городища и записала несколько легенд местных жителей. В 1957 г. экспедиция НИИЯЛИЭ под руководством М. Ф. Жиганова обследовала памятник повторно, что позволило датировать его булгарским периодом (начало II тыс. н. э.). Спустя 26 лет, в 1983 г., аспирант НИИЯЛИЭ В. В. Гришаков обследовал Жуковское I городище и установил, что оно относится к кругу памятников с красноглиняной гончарной керамикой и, скорее всего, был оставлен жителями с началом монголо-татарского завоевания. Археологическая разведочная экспедиция НИИГН в 2013 г. осуществила осмотр и зафиксировала произошедшие изменения со времени последнего обследования. В частности, первая оборонительная линия, которая была отмечена на плане В. В. Гришакова, отсутствует вследствие продолжительной распашки территории, обозначенной на плане как «зона 4». Также было установлено, что памятник подвергается разорению, о чем свидетельствуют грабительские ямы прошлых лет и рассказы местных жителей о «черных археологах».

В районе с. Киселевка был произведен осмотр II, III, IV, V и VI Киселевских поселений. Киселёвское III поселение было обнаружено М. Ф. Жигановым в 1957 г. Исследователь установил, что памятник функционировал в эпоху бронзы (абашевский тип керамики). Второй, более поздний, культурный слой оставлен древнемордовским населением первой половины I — начала II тыс. н. э. Остальные четыре памятника были обнаружены в 1983 г. в ходе разведочной экспедиции НИИЯЛИЭ под руководством В. В. Гришакова. Киселевское II и VI поселения исследователь датирует второй половиной I — началом II тыс. н. э. и относит их к памятникам древнемордовского типа. Киселевское IV и V поселения обозначены как памятники эпохи бронзы.

В июне 2013 г. сотрудники отдела истории и археологии НИИГН продолжили работу по мониторингу современного состояния памятников историко-культурного наследия. Была проведена археологическая разведка в нижнем течении р. Шокши в Теньгушевском районе Республики Мордовия. В рамках работы экспедиции было обследовано 6 памятников, относящихся к различным эпохам: поселение Широмасово I (энеолит, эпоха бронзы); Широмасовское городище (ранний железный век); Шокшинский могильник (раннее средневековье); Шокшинское I поселение (эпоха бронзы); Шокшинское II поселение (эпоха бронзы); поселение Березняк (эпоха бронзы; средневековье). На территории Шокшинского могильника зафиксированы грабительские ямы, расположенные к югу и западу от раскопов 1967 — 1995 гг. Отмечено интенсивное разрушение культурного слоя на поселении Березняк со стороны Мокши, где в осыпях были собраны фрагменты керамики эпохи бронзы, орнаментированные глубокими круглыми ямками, оттисками зубчатого штампа, а также средневековой белоглиняной керамики.

В 2014 г. разведочный отряд НИИГН продолжил проведение археологических разведок с целью открытия новых и осмотра ранее известных археологических памятников. Под руководством младшего научного сотрудника отдела истории и археологии С. Д. Давыдова (держатель Открытого листа № 610) в июне 2014 г. были проведены археологические разведки в среднем течении р. Мокши в пределах Ковылкинского района Республики Мордовия.

В ходе разведывательных работ на пути следования экспедиции вдоль левого берега вниз по течению Мокши удалось открыть ранее не известный археологический памятник, который получил название по наиболее близкому населенному пункту Польцо — Польцовское I поселение.

Дюнная возвышенность, которая находится на левом берегу Мокши (в 0,3 км к югу от современного русла) и в 3 км к северо-северо-западу от центра с. Польцо. Дюна имеет форму эллипса и протянулась с севера на юг на 70 м, с запада на восток — на 100 м. Она окружена неширокой дубовой рощей со всех сторон, кроме северной оконечности. В 70 м к западу от центральной части дюны располагается старица Мокши, ныне представляющая собой болото. С южной и восточной стороны склоны дюнной возвышенности окаймлены дубовой рощей, которая сменяется ивняком, там, где дюна переходит в пойму. К северу от памятника находится еще одна дюна, которая представляет собой возвышенность, вытянутую с востока на запад, и примыкает к поселению юго-восточной оконечностью.

В ходе исследования памятника была снята инструментальная съемка и составлен топографический план с указанием точных географических координат. Поверхность дюнного возвышения хорошо задернована, покрыта многолетними травами. Однако по ее периметру мощные корневища дубов взрыхляют почву, вследствие чего происходит обнажение культурного слоя. Здесь было обнаружено несколько фрагментов сероглиняной круговой лощенной керамики, являющихся частью одного сосуда. Они залегали в самом позднем слое поселения, который относится к XVII — XVIII вв.

Нароватовский могильник. Вид с юга

Территория памятника предположительно ограничена естественными границами мысовидного выступа надпойменной террасы. Для уточнения культурной и хронологической принадлежности памятника был заложен шурф 1 × 1 м. В результате земляных работ были получены следующие находки: фрагменты сероглиняной кру-

Поселение Березняк. Вид с востоко-северо-востока, со стороны Мокши

говой керамики с примесью крупного шамота и песка с орнаментом из прочерченных круговых тонких линий, которая относится к типу средневековой мордовской керамики и датируется XIV — XVI вв. Обнаруженная керамика, вероятно, является частью одного сосуда и относится к его донной части. Толщина фрагментов (у стенок) — от 0,5 — 0,6 см до 1,2 — 1,5 см (в том месте, где стенки переходят в дно сосуда).

Несколько глубже в шурфе были обнаружены фрагменты средневековой грубой лепной плохо перемешанной керамики с примесью шамота и костровым обжигом XI — XIII вв. Они были частью слабопрофилированного сосуда, и их толщина составила от 0,5 до 1,0 см.

Далее следовала керамика того же временного периода только заглаженная и с более тщательно промешанным тестом с примесью шамота и с костровым обжигом. Глубже всех, в предматериковом слое, залегали фрагменты текстильной керамики, относящиеся к раннему железному веку. Толщина стенок этих фрагментов варьируется в пределах от 0,6 до 0,8 см. Эти фрагменты были частью слабопрофилированного сосуда, о чем наиболее выразительно говорит сохранившийся венчик.

Второй памятник, исследованный в ходе разведывательных работ, был обнаружен в 0,75 км к юго-востоку от первого. Им оказалось Польцовское II поселение — дюнная возвышенность, которая находится на левом берегу Мокши (в 0,8 км к северу от современного русла) и в 2,3 км к юго-востоку от центра села. Дюна имеет форму вытянутого эллипса и протянулась с севера на юг на 100 м, с запада восток — на 45 м в самом широком месте. С востока вплотную к дюне подступает роща, состоящая преимущественно из дубов и тополей. Западная сторона дюны плавно переходит в луговую пойму, а затем в заболоченную низину, бывшую когда-то, очевидно, старицей Мокши.

В ходе исследования памятника археологии были снята инструментальная съемка и составлен топографический план памятника с указанием точных географических координат. Территория памятника предположительно ограничена естественными границами мысовидного выступа дюнной возвышенности. Поверхность дюнного возвышения хорошо задернована, покрыта многолетними травами. Однако в некоторых местах вследствие водно-воздушной эрозии происходит обнажение культурного слоя, где было обнаружено несколько фрагментов лепной древнемордовской керамики, широко распространенной в I — начале II тыс. н. э., и железное кресало, которые позволили произвести хронологическую датировку памятника и его культурную принадлежность.

В августе 2014 г. полевые изыскания разведочного отряда НИИГН продолжились в Теньгушевском районе. Экспедиция под руководством научного сотрудника отдела истории и археологии Е. Н. Кемаева (держатель Открытого листа № 432) проводила работы на территории объектов археологического наследия, расположенных в бассейне р. Мокши от пос. Полярная Звезда до с. Нароватово: Шокшинский могильник (раннее средневековье) — Шокшинское I поселение (эпоха бронзы); Шокшинское II поселение (эпоха бронзы); поселение Березняк (эпоха бронзы; средневековье); Нароватовский могильник (средневековье) — Нароватовское поселение (эпоха бронзы, ранний железный век); Нароватовское городище (ранний железный век).

Археологические полевые работы являлись продолжением обследования рассматриваемого региона, проводившегося в 2013 г. Шурфовка и зачистка осыпей, проведенные на поселении Березняк, позволили уточнить мощность и степень сохранности культурного слоя, отчасти — планиграфию поселения. В частности, были получены основания полагать, что наиболее активно разрушается площадка, где некогда располагалась центральная часть древнего поселения, а западнее, дальше от берега, нахо-

Разграбленное погребение на Шокшинском могильнике

дилась его периферийная часть. Фактически объект находится в аварийном состоянии.

Полученный материал состоит из фрагментов лепной и гончарной керамики. Лепная керамика согласно предварительной атрибуции относится к бронзовому веку. В качестве примеси к глиняному тесту использовались мелкий песок, шамот, реже — дресва. Поверхность сосудов красно-коричневого цвета, отдельные фрагменты — серого цвета. На изломе керамика имеет темно-серый цвет, в некоторых случаях — черный. Орнаментация выполнена глубокими ямочными вдавлениями либо выдавленными изнутри «жемчужинами». Кроме того, имеются фрагменты, орнаментированные прочерченными линиями, оттисками зубчатого штампа. Представляет интерес оригинальный вариант орнаментации: концентрические круги вокруг неглубоких ямчатых вдавлений. Среди находок — две кремневые ножевидные пластины. Второй хронологический горизонт образуют фрагменты гончарной белоглиняной керамики XVI — XVIII вв.

Необходимо подчеркнуть, что наибольший урон сохранности объектов археологического наследия наносится не природными факторами, а мародерскими раскопками. На протяжении длительного времени систематически уничтожался культурный слой на Шокшинском и Нароватовском могильниках. Свидетельство тому — большое количество грабительских ям на их площади. Причем на территории археологического комплекса Шокшинский могильник — Шокшинское I поселение и на Шокшинском II поселении зафиксированы «свежие» ямы, подтверждающие тот факт, что несанкционированные раскопки продолжаются и в настоящее время. Наиболее эффективной мерой по обеспечению сохранности данных объектов археологического наследия представляется возобновление научных изысканий.

В рамках работ, выполненных в Нижнем Примокшанье в 2013 — 2014 гг., было зафиксировано изменение в состоянии памятников археологии локального региона в западной части Республики Мордовия, произошедших с 1995 г., когда были прекращены стационарные раскопки на площади археологического комплекса Шокшинский могильник — Шокшинское I поселение и проводилось комплексное обследование археологических памятников в северной части Теньгушевского района в рамках Федеральной программы «Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации» экспедицией НИИЯЛИЭ в составе В. Н. Шитова, О. В. Зеленцовой и Т. Н. Охотиной.

В начале сентября разведочный отряд НИИГН под руководством младшего научного сотрудника отдела истории и археологии А. С. Пронина (держатель Открытого листа № 1057) проводил археологические разведки с осуществлением локальных земляных работ на правом берегу р. Мокши близ с. Русское Маскино Краснослободского района Республики Мордовия с целью выявления новых археологических памятников и осмотра и фиксации современного состояния ранее известных. Проводился визуальный осмотр коренного берега р. Мокши, останцев и возвышенностей надпойменных, дюнных возвышений, а также естественных обнажений рельефа. Производились сборы подъемного материала, фотофиксация и съемка топографических планов, которая осуществлялась инструментальным способом. Для установления географических координат памятников и их высот над уровнем моря (от уровня Балтики) было произведено измерение с помощью GPS-навигатора. В результате работ были осмотрены ранее открытые поселения Русско-Маскинское II, Русско-Маскинское V, Русско-Маскинское VI, новое открытое поселение Русско-Маскинское VII, а также Русскомаскинский могильник.

Русско-Маскинское II поселение расположено в 1,0 км к северо-востоку от села, в 0,25 км к востоку от озера Лошерка, на дюне Шараева Горка, в пойме на правом берегу Мокши. Высота дюны над уровнем поймы составляет около 5 м. В советское время поселение было сильно повреждено картофельными ямами. В настоящее время площадь поселения занята молодыми сосновыми посадками. Подъемный материал представлен фрагментами лепной древнемордовской керамики, которая широко использовалась в I — начале II тыс. н. э., и гончарной сероглиняной керамикой, которая бытовала в XVII — XVIII вв.

Русско-Маскинское V поселение расположено в 2 км от села к северо-востоку, на дюне в пойме правого берега Мокши. Дюна вытянута с запада на восток. Ее длина 160 м, ширина 60 — 80 м. Высота над уровнем пойменных лугов составляет около 5 м. В западной части обнаружены остатки бетонного столба от старой линии электропередач. Подъемный материал представлен фрагментами лепной неорнаментированной и гончарной керамикой. На момент осмотра площадь поселения засажена молодым сосняком.

Русско-Маскинское VI поселение расположено в 2 км к северо-востоку от села, в 0,1 км к юго-востоку от линии электропередачи, на дюне в пойме правого берега р. Мокша. Высота дюны над уровнем поймы достигает 4 м. Поселение сильно повреждено могильником и картофельными ямами. На момент осмотра поверхность памятника хорошо задернована. Обнажений культурного слоя не выявлено, однако прослеживаются очертания старых картофельных ям. Подъемный материал представлен фрагментами гончарной

керамики с текстильными отпечатками, относящимися к раннему железному веку, а также керамикой древнемордовских типов, которая бытовала в I — начале II тыс. н. э.

Русско-Маскинское VII поселение расположено в 0,25 км к юго-востоку от фермы на дюне правого берега Мокши. Высота дюны над поймой составляет 4 м. Поселение подвергается разрушению вследствие разработки песчаного карьера. Для уточнения мощности культурного слоя и времени использования памятника был заложен шурф, размером 1 × 1 м. Также была произведена зачистка на краю обрыва. В результате земляных работ был добыт подъемный материал, представленный фрагментами лепной керамики с текстильными отпечатками, относящимися к бронзовому веку, а также фрагменты древнемордовской керамики, аналогичные керамике Русско-Маскинского II и Русско-Маскинского VII поселений. Кроме того, были найдены фрагмент шлакированной керамики и фрагменты обожженной глины, которые позволяют говорить о том, что население данного памятника имело представление о металлургии. Поверхность памятника хорошо задернована, однако прослеживаются остатки картофельных ям.

Русско-Маскинский могильник расположен на той же дюне, что и Русско-Маскинское VI поселение. Памятник датируется XVII — началом XVIII вв. На памятнике в 1979 г. проводились археологические раскопки, в результате которых было исследовано 20 погребений. На момент осмотра обнажений культурного слоя не выявлено. Площадь памятника хорошо задернована и не подвергается механическим разрушениям.

В сентябре 2015 г. разведочный отряд НИИГН под руководством младшего научного сотрудника отдела археологии А. С. Пронина (держатель Открытого листа № 1436) проводил археологические разведки в бассейне р. Ирсети в окрестностях с. Новая Фёдоровка Старошайговского района Республики Мордовия. Маршрут разведки пролегал вниз по течению ручья Ирсеть от Федина оврага до оврага Шеломок. В результате были открыты Новофёдоровское I и Новофёдоровское II поселения.

Новофцдровское I поселение расположено в 2 км к юго-западу от села на краю Федина оврага на мысовидном выступе надпойменной террасы. Поселение пересекает лесопосадка шириной 15 м по линии восток-северо-восток — запад-юго-запад. Северная и северо-западная окраины поселения подвергаются ветровым и водным эрозиям, зафиксированы места обнажения и разрушения культурного слоя вследствие оползней. Южная часть поселения подвергается систематической распашке. В ходе работ проводились фотофиксация, снятие топографического плана, а также установление точных географических координат. Для уточнения времени бытования и мощности культурного слоя данного памятника археологии была проведена зачистка обрыва. Подъемный материал и находки из зачистки представлены фрагментами костей животных и лепной глиняной керамики с зубчатым штампом, что позволяет отнести данный памятник к балановской культуре (конец II тыс. до н. э.).

Новофёдоровское II поселение расположено в 1,8 км к востоко-юго-востоку от с. Новая Фёдоровка на высоком пологом правом берегу ручья Ирсеть. Поселение подвергается ветровой и водной эрозии. Площадь селища составляет примерно 80 × 80 м и ограничена естественными границами мысовидного выступа надпойменной террасы. Была произведена зачистка обрыва для установления культурной и хронологической принадлежности памятника, в результате которой найдены многочисленные фрагменты средневековой глиняной лепной посуды из грубого теста, с примесью шамота, и плохого обжига, а также кальцинированные кости животных.

В октябре 2015 г. экспедиция НИИГН под руководством научного сотрудника отдела археологии Е. Н. Кемаева (держатель Открытого листа № 1666) проводила разведочные исследования на участке нижнего течения р. Тавлы в пределах городского округа Саранск Республики Мордовия. Было обследовано 3 археологических памятника: Саранское I и Саранское II поселения (эпоха бронзы), а также поселение у ул. Степной (XVII — XVIII вв.).

Полевые работы были начаты на Саранском II поселении, которое расположено между с. Макаровка (450 м к юго-юго-западу), и пос. им. Гагарина (300 м к северу) в пределах городского округа Саранск Республики Мордовия. В 280 м к западу — автодорога, вдоль которой проходит ЛЭП. В 230 м к юго-востоку — автодорога (восточный обход г. Саранска), вдоль которой также проходит ЛЭП. Памятник занимает небольшое всхолмление, вытянутое вдоль южного берега оврага, выходящего в пойму Тавлы. В настоящее время большую часть предполагаемой площади (90 × 60 м) поселения занимает поле, которое регулярно распахивается и засевается. На пашне были обнаружены фрагменты лепной керамики, а также кости животных. Не подвергается разрушению хозяйственной деятельностью лишь сравнительно узкая полоса вдоль береговой линии шириной 7 — 12 м. Она полностью задернована и покрыта луговой растительностью. Полученный в рамках обследования памятника материал состоит из фрагментов лепной керамики, изготовленной из глины с примесью шамота. Толщина большинства стенок колеблется в пределах 0,8 — 1,1 см. На отдельных фрагментах имеются следы заглаживания пучком травы. Орнаментация

представлена зигзагообразными отпечатками зубчатого штампа, ногтевыми вдавлениями и наколами. Полученная на поселении керамика относится к срубной культуре бронзового века.

Площадка, занятая Саранским I поселением, расположена севернее на противоположном возвышенном берегу оврага. Памятник занимает сравнительно пологую площадку, ограниченную с юга и юго-запада крутым берегом оврага, а с севера и северо-востока — склоном холма, на котором расположена ул. Серафимовича пос. им. Гагарина. Она возвышается над уровнем воды в ручье на 10 — 12 м. В целом на рельефе местности прослеживается понижение в юго-западном направлении. Размеры объекта в предполагаемых границах составляют 100 х 40 м. Культурный слой интенсивно разрушается подсобными приусадебными участками (вдоль берега оврага местные жители периодически раскапывают участки под грядки и высадку картофеля), а также размывается талыми водами. Объем полученного подъемного материала незначителен, он представлен фрагментами боковинок сосудов, изготовленных из глины с примесью шамота, эта керамика также относится к срубной культуре бронзового века.

Поселение у ул. Степной располагается на широком мысовидном выступе правого берега Тавлы, вытянутом вдоль осевой линии северо-запад — юго-восток. На северо-восточной, максимально возвышенной части мыса, располагаются жилые дома и приусадебные участки пос. им. Гагарина городского округа Саранск Республики Мордовия. Расстояние до Саранского I поселения составляет 0,8 км по направлению к юго-востоку. Вдоль юго-западной и западной оконечностей мыса на расстоянии 30 — 60 м проходит грунтовая дорога, выходящая в районе расположения Саранского I и Саранского II поселений на автодорогу из поселка им. Гагарина в с. Макаровка. К западу и северо-западу на противоположном берегу Тавлы ведутся масштабные строительные работы.

Культурный слой подвергается интенсивному разрушению, главный фактор — хозяйственная деятельность (большая часть площадки мыса занята приусадебными участками, которые регулярно подвергаются распашке). Именно на пахоте был собран практически весь объем подъемного материала. Не подвергаются в настоящее время обработке лишь наиболее пониженные части рельефа: северо-западная часть, в районе ЛЭП, и юго-восточная оконечность мыса, покрытые луговой растительностью.

Полученный в рамках обследования памятника материал в целом датируется XVII — XVIII вв. и состоит из фрагментов гончарной керамики, которую можно сгруппировать в 3 категории:

• фрагменты сосудов, изготовленных из глины с добавлением в тесто крупных фракций дресвы. Стенки сосудов неровные, бугристые, толщина колеблется в пределах 0,7 — 1,0 см. Цвет: темно-коричневый, отдельные фрагменты красно-коричневые. Венчики отогнутые, округлые;

• фрагменты чернолощеных сосудов, изготовленных из хорошо промешанной глины без крупных примесей. Толщина стенок составляет 0,5 — 0,7 см. Тщательность лощения сравнительно невысокая, обработке подвергалась преимущественно верхняя часть сосудов, что являлось характерным признаком для посуды данного типа, изготовлявшейся в XVII в. Венчики слабоотогнутые, округлые либо с плоским верхним краем, отдельные экземпляры имеют наплыв на внутренней стороне;

• фрагменты тонкостенных (0,5 — 0,6 см) белоглиняных сосудов. Характерна линейная орнаментация. Венчики слегка отогнуты наружу, верхний край — округлый либо со слегка утонченным и заостренным краем. Отдельные экземпляры имеют наплыв на внутренней стороне.

По результатам проведения полевых археологических работ необходимо сделать вывод о плохой сохранности культурного слоя на всех трех памятниках. Непотревоженными остаются лишь отложения, залегающие на глубине, в ямах (хозяйственных, от жилищ). Для их выявления требуются большой объем земляных работ и предварительное согласование с хозяйствующими собственниками.

Таким образом, за три полевых сезона разведочный отряд осмотрел более 30 памятников археологии в 5 районах Республики Мордовия и г. Саранске. Однако для решения проблемы обеспечения сохранности объектов историко-культурного наследия требуется проведение существенно большего объема полевой работы, нежели это делается в настоящее время. Необходимо комплексное обследование территории республики с привлечением большого числа специалистов: определение списка разрушенных и исследованных археологических объектов, составление перечня существующих памятников с фиксацией текущего состояния современными техническими средствами и постановкой на государственный учет, возобновление стационарных археологических раскопок.

Галина Александровна Куршева

ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА?*

Рецензия на книгу: **Козлов Ф. Н.** Православие в чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х — 1920-е гг. / Ф. Н. Козлов. — Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2014. — 239 с.

События октября 1917 г. поставили Русскую православную церковь в совершенно новые условия существования. Необходимость адаптации не сразу была осознана церковным руководством, да и складывавшиеся обстоятельства серьезно затрудняли поиск верных решений. В самом Русском православии сложилась чрезвычайно опасная ситуация, которая грозила реальным разрывом между церковной иерархией и значительной частью прихожан. Поддержка духовенством Первой мировой войны и возраставшая «усталость» от нее в значительной части российского общества, антигосударственная и антицерковная пропаганда левых партий, антиправительственные настроения в церковных кругах и приход к власти большевиков усугубили кризис в Русской православной церкви, стремительно терявшей престиж и влияние среди народа. Конец 1910-х — 1920-е гг. — сложный период, когда в Русской православной церкви происходило переформатирование под кардинальным образом изменившиеся условия существования.

Вышедшая в свет в 2014 г. монография Ф. Н. Козлова «Православие в чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х — 1920-е гг.» являет собой комплексное исследование, которое не только обобщает накопленный опыт по обозначенной теме, но и представляет, на наш взгляд, удачное завершение кропотливой научной работы, начавшейся в 2008 г.[1] и позволившей автору близко подойти к объективной картине изучаемых событий.

Ф. Н. Козлов не первый, кто в региональной историографии обратился к изучению истории православия в чувашском крае. Назовем только монографические работы крупных советских специалистов по этому вопросу: «Пережитки религиозных верований чуваш и их преодоление» (Чебоксары, 1961) и «Кризис религии» (Чебоксары, 1981) Г. Е. Кудряшова, «Религия и атеизм чувашского народа» (Чебоксары, 1972) П. В. Денисова. Появлялись и появляются значимые исследования современных авторов: «Православные храмы Чувашии» (Чебоксары, 1995) и «Религиозные и оккультные течения в Чувашии» (Чебоксары, 2000) Л. Ю. Браславского, «Страницы истории православия в Чувашии в XX веке» А. Г. Бермана (Чебоксары, 2009). Необходимо добавить в этот перечень такие защищенные диссертационные исследования, как «Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII — начале XX века» Л. А. Таймасова (Чебоксары, 2004). Затрагивались и затрагиваются различные аспекты конфессиональной жизни в отдельных статьях А. В. Изоркина, Ю. С. Гурова, В. Г. Харитоновой, Е. В. Касимова, Л. А. Ефимова и др. Но что следует подчеркнуть, история православия в Чувашии все же не относится к числу привлекательных для местных историков тем. Автор рецензируемой монографии справедливо отмечает данное обстоятельство. Тем более верно его утверждение, что обозначенная как объект исследования проблема не являлась предметом специального изучения, и этот пласт региональной истории остается малоизвестным и профессиональным историкам, и массовому читателю: «Выборочные публикации документов, тезисы и доклады на научных конференциях, энциклопедические статьи, контекстовые упоминания не способны в полной мере отразить всей полноты и глубины той трагедии, в которой оказалась в 1920—1930-е годы

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15—31—12034.

[1] См.: **Козлов Ф. Н.** «Прошу принять на регистрацию… Из истории церковного раскола в Чувашии» // Исторический архив. 2008. № 6. С. 50 — 59; **Его же**. «…верующие начинают приходить в недоумение». Религиозная ситуация в Чувашии в 1920-е гг. // Центр и периферия. 2009. № 1. С. 95 — 99 и др.

Русская православная церковь в Чувашии» (с. 6).

Как представитель научного сообщества другого субъекта Среднего Поволжья, могу констатировать аналогичное складывание ситуации и в мордовской историографии. Хотя ситуация с изучением истории православия в нашем регионе несколько лучше: солиднее тематический охват, шире круг занимавшихся и занимающихся данной проблематикой. Однако, если обратиться к фокусируемым в книге Ф. Н. Козлова аспектам, то окажется, что и в нашей республике нет ни одной работы, в которой рассматривались бы комплексно затрагиваемые вопросы. Да, история обновленческого раскола в Мордовии в целом описана и в какой-то степени проанализирована, но того же самого нельзя сказать об истории движения истинно-православных христиан и таком явлении, как отказы священнослужителей от сана. Вместе с тем обратим внимание на такой факт. Ф. Н. Козлов — выпускник аспирантуры НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия и докторантуры МГУ им. Н. П. Огарёва. В его научном багаже не одна публикация по истории православия в национальных регионах Среднего Поволжья в целом, в том числе и на территории мордовского края.

Как особо значимое считаем необходимым подчеркнуть то обстоятельство, что монографическое исследование выполнено историком-архивистом. В нашем обществе сформировалось и до сих пор не переломлено, к сожалению, представление об архивах как своего рода складских помещениях, куда, по уже крылатому выражению, «списывают» по истечении потребности и надобности. Отчасти происходит это потому, что труд архивиста в отличие от, например, работы музейщика или библиотекаря не столь заметен и внешне непритязателен. Подзабыто еще одно крылатое выражение — об архивистах как хранителях истории. Подчеркну последнее слово в этом афоризме. По собственному опыту могу сказать, что без первоисточника невозможно ни одно серьезное историческое исследование. Архивные документы — тот фундамент, на прочной основе которого строится система научных умозаключений и выводов. Выпуск обстоятельного исследования внутрицерковной жизни в сложные 1920-е гг. в одном из национальных регионов Среднего Поволжья историком-архивистом — еще один повод для преломления общественного мнения.

Научная актуальность данной работы обусловлена потребностью в полноценном анализе исторического опыта государственно-церковных отношений для формирования современной модели взаимоотношений государства и Церкви, которые и сейчас подвергаются серьезной проверке. Большое значение имеет исследование для оценки сегодняшнего положения Русской православной церкви и перспектив ее будущего развития, в том числе в национальных республиках, где нет-нет да и возникает у определенной части националистически ориентированных представителей титульных этносов очередное стремление к независимости, в том числе путем создания автокефальных церквей.

Структура книги последовательна, логична и в полной мере отвечает поставленным задачам. Она состоит из предисловия автора, пяти глав, заключения и библиографического списка. Кроме того, издание снабжено глоссарием и приложением. Последнее заслуживает особой характеристики. Именно при его подготовке наиболее ярко проявилась принадлежность автора рецензируемой работы к архивной системе. Исследователем умело осуществлен подбор архивных документов, многие из которых в полном объеме впервые вводятся в научный оборот. Здесь же представлены документы, свидетельствующие о разночтениях в биографических данных отдельных действующих лиц повествования. Существенным составным компонентом приложения является сводный список священнослужителей, отказавшихся от сана в конце 1910-х гг. — 1930 г. (с. 214—226). Поражает как сам перечень, включающий в себя почти 130 имен (и это с учетом того, что в список не попали церковнослужители), так и тот внушительный объем работы, который Ф. Н. Козлов проделал для его составления.

Обращает на себя внимание и заслуживает только самой положительной характеристики совокупный набор источниковой базы, первооснову которого составляет значительный комплекс архивных документов. При подготовке рецензируемого издания Ф. Н. Козлов использовал документы, извлеченные из фондов Российского государственного исторического архива и Российского государственного архива социально-политической истории, государственных архивов Чувашской Республики и Республики Татарстан, Нижегородской и Ульяновской областей, Научных архивов Чувашского государственного института гуманитарных наук и НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Конечно, разброс использованных архивных документов сильно варьируется — от одного фонда Центрального архива Нижегородской области до пяти десятков фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики. Но это не «ущербность» рецензируемой работы, а еще одно свидетельство кропотливого труда по выявлению и сбору необходимого для всестороннего исследования поднимаемых проблем материала. Тот, кто на себе испытал всю «прелесть» трудностей подобного поиска разрозненных фактов, поймет, что стоит за такими, казалось бы, скромными цифрами.

Добавим к вышеописанным неопубликованным источникам внушительный список центральных и региональных периодических изданий различной общественно-политической направленности и разноплановой мемуарной литературы. В определенной мере можно даже говорить о «перекосе» в пользу источниковой базы, но упоминать об этом следует только как о позитивной черте исследования. И, еще раз переходя от оценки конкретного издания к характеристике архивной системы в целом, отмечу, что именно труженикам этой отрасли присуще такое пристальное внимание к «исходнику». При этом важными чертами являются критическое отношение, абстрагирование от безоговорочного доверия к первоисточнику и его анализ с учетом специфики периода создания, царившей атмосферы и т. п. По давно сложившейся практике сотрудники государственных архивов предпочитают готовить сборники документов и материалов, что позволяет им избегать открытых оценочных суждений и каких-либо выводов, оставляя возможность последнего представителям профессионального научного сообщества. «Православие в Чувашском крае» Ф. Н. Козлова — один из немногих примеров выполненного архивистом исторического научного исследования.

Каждый раздел рецензируемой монографии представляет собой законченное тематическое исследование, объединенное с остальными частями книги общей проблематикой изучения внутрицерковной жизни.

В первой главе рассматриваются положение и состояние Русской православной церкви в чувашском крае накануне Октябрьской революции 1917 года и в первый год советской власти. Анализируя ситуацию в регионе на фоне общероссийских тенденций, Ф. Н. Козлов отмечает, что антиклерикальные настроения распространились к этому времени и в инородческом Среднем Поволжье, чему способствовал, по мнению автора исследования, комплекс факторов, в том числе падение нравственности среди самого духовенства и зависимость положения Церкви от отношения к государству в силу включения первой в систему управления последнего. Нельзя не согласиться с логически выстроенным выводом автора, что в существовавших на тот момент условиях было бы «несправедливо возлагать всю вину за обострение ситуации в государственно-конфессиональных отношениях только на большевистскую партию» (с. 35). Этот тезис принципиально важен в современных условиях, когда в ряде работ по истории государственно-церковных взаимоотношений «крайним» становится только молодое Советское государство с идеологией воинствующего безбожия.

Если первую главу условно можно назвать «предваряющей», т. е. призванной подготовить читателя, ввести его в атмосферу эпохи, показать внешние и скрытые пружины изменения внутрицерковного устройства и государственно-конфессионального взаимодействия, то четыре последующие главы погружают в церковную политику со всеми ее нюансами, обусловленными как формировавшимся вектором государственной конфессиональной политики, так и межнациональным взаимодействием и сильным личностным фактором.

Отдельная глава посвящена истории обновленческого движения в Чувашии. Оно и до появления рецензируемой работы неоднократно попадало в фокус внимания исследователей, значительное количество фактического материала уже было введено в научный оборот. К чести и несомненной заслуге автора надо отнести то, что он не пошел по пути компилятивного пересказа уже известных данных. Именно критическое отношение к последним позволило Ф. Н. Козлову не просто обобщить накопленные до него материалы, но и существенно дополнить их, а в ряде случаев даже произвести кардинальную переоценку. Как пример, укажем на уточнение чувашским ученым биографических сведений епископа Тимофея (Зайкова). Сформулированы автором в данной главе и несколько принципиально важных положений о межнациональных противоречиях среди духовенства как одном из ведущих мотивов раскола в регионе и о сильной зависимости развития ситуации от действия конкретных лиц. Справедливым по логике авторского изложения представляется и сделанный вывод, что Русская православная церковь как на региональном уровне, так и в целом по стране от выпавшего ей испытания расколами только выиграла, сумев пройти своеобразное очищение от плевел и, очистившись, обрести силы для преодоления трудностей.

В третьей главе анализируется история местной автокефальной церкви. К началу 1920-х гг. в чувашском крае количественно оформилась достаточно мощная прослойка национального духовенства, продолжалось активное внедрение родного языка в процесс богослужения. Следствием углубления межнационального конфликта в среде духовенства Чувашии стало создание в 1924 г. временного правления Православной автокефальной чувашской национальной церкви. В данном случае важно подчеркнуть историческую уникальность этого явления. Аналогов создания автокефалии не знает ни один поволжский национальный регион. Автор обращает внимание, что какой-либо одной причины создания автокефалии в чувашском крае назвать нельзя, источник нового разделения «следует искать только в системной совокупности событий прошлого и настоящего» (с. 94). На основе анализа архивных документов и опубликованных материалов Ф. Н. Козлов выстраивает собственную логическую схему возникновения очередного рас-

кола, в том числе высказывает предположение об инициировании его органами ОГПУ (с. 103). Постепенное затухание автокефального движения он видит в том, что Чувашская национальная церковь не сумела оформиться в четко организованную структуру и осталась локальным явлением, ее недолгое и противоречивое существование показало беспочвенность крайне националистических устремлений местного духовенства.

В четвертой главе анализируется еще один знаково-поворотный пункт истории Русской православной церкви. Точкой отсчета очередного разделения выступает знаменитая «Декларация» 1927 г. митрополита Сергия (Страгородского) с отказом от противостояния с советской властью. Ф. Н. Козлов детально рассматривает историю «церковного сопротивления» в Чувашии со стороны противников упомянутой «Декларации». Автор характеризует «правооппозиционные» группы, подчеркивает их разобщенность, отсутствие единого координационного центра и неоднородность количественного и качественного состава, сравнивает и выявляет общие черты и ключевые отличия «оппозиции справа» и обновленческого движения.

Пятая глава посвящена рассмотрению вопроса о сложении священнослужителями сана как попытке их социальной адаптации. Пожалуй, это самая «архивная» глава. Обстоятельному анализу подвергнуты десятки отложившихся в архивных фондах заявлений представителей духовенства об отказе от церковнослужения и заявлений «расстриг» о восстановлении в избирательных правах. На основе проведенного изучения выявлен и охарактеризован круг приоритетных мотивов отречения от служения Богу. Замечательно, что автор не остановился на этой фазе исследования, а развил ее, пытаясь проследить дальнейшую судьбу «отказников». Гармоничным дополнением данной главы является охарактеризованный выше список снявших сан священнослужителей.

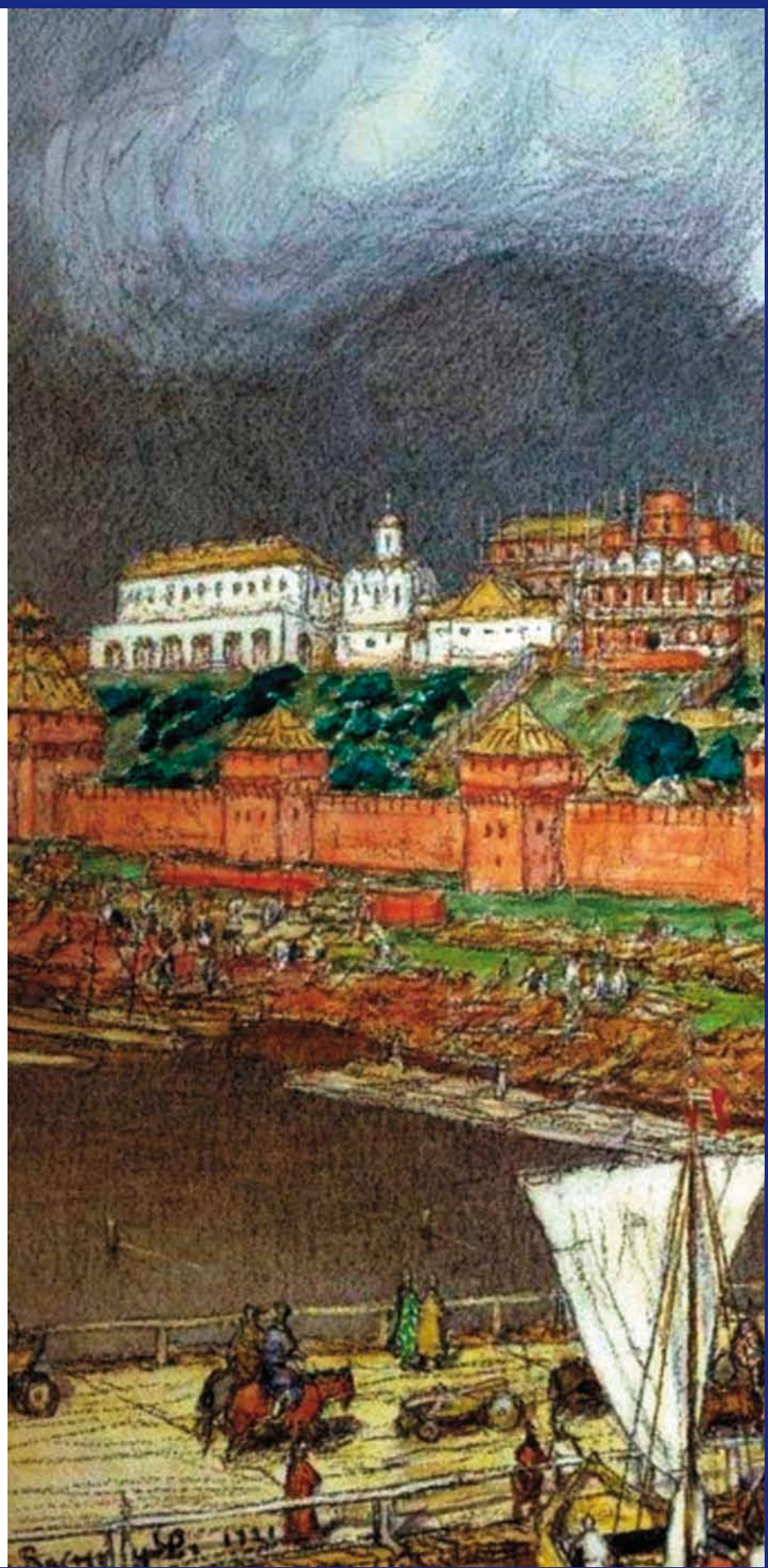
Подводя в заключении итоги исследования, Ф. Н. Козлов констатирует, что трагедия Русской православной церкви явилась не только следствием политико-социальной доктрины Советского государства, но и результатом внутренних противоречий, накопленных за долгое время в системе самого Русского православия. При этом развитие событий в одном из национальных регионов Среднего Поволжья диктовалось не только их ходом на общегосударственном уровне, но и значительной местной спецификой. Сочетание общероссийских/общесоюзных тенденций с региональными закономерностями, усиленными амбициозными устремлениями отдельных националистически ориентированных церковных иерархов, привело к складыванию в Чувашии весьма специфической, в отдельных случаях — уникальной ситуации.

Несомненным достоинством рецензируемой книги является ее междисциплинарный характер. Монография Ф. Н. Козлова привлекательна не только для историка и религиоведа, поскольку рассматривает историю региона и историю православия в регионе, но и для специалистов других отраслей гуманитарного знания. Филологам-литературоведам будет интересен экскурс в детальное изучение личности учителя, поэта и священника Я. В. Турхана, тем более что в ходе работы автор уточнил отдельные факты и выявил неизвестные страницы его биографии, т. е. фактически произвел реконструкцию жизненного пути. Философ не пройдет мимо размышлений ученого о роли и месте личности в истории — этой проблеме в работе посвящено немало страниц, наглядно свидетельствующих, как много зависело во внутрицерковной жизни региона от пассионарных (по определению Л. Н. Гумилёва) людей. На этом фоне вполне закономерно, что в некоторых случаях (касательно именно биографических данных) хронологические границы описываемых событий существенно расширялись с целью наиболее полного отражения причинно-следственных связей и конкретных судеб. Педагогам, несомненно, будет важен поднимаемый и рассматриваемый Ф. Н. Козловым вопрос о вкладе священнослужителей в развитие местного образования — и в качестве непосредственных учителей, и как сторонников и активных участников дискуссии о внедрении родного языка в образовательный процесс.

Работы Ф. Н. Козлова, с которыми нам приходилось знакомиться и прежде, отличают высокое стилистическое качество, строго научный подход, нестандартность постановки вопросов и соответствующих выводов. Необходимо особо отметить, что рецензируемая книга написана живым, убедительным языком. Придерживаясь последовательности и четкости в изложении событий, автор смог добиться того, что текст воспринимается не только как научное историческое исследование, но и как увлекательное повествование.

Таким образом, рецензируемое издание обладает бесспорной научной ценностью и вносит заметный вклад в изучение истории Русской православной церкви в советский период, является значимым шагом в расширении научных знаний о государственно-церковных отношениях в национальных республиках. В книге собрано большое количество новых и интересных источников и фактов, сформулирован авторский методологический подход. Все это располагает к дальнейшему изучению проблемы. Благодаря тому, что внимание фокусируется и на судьбах конкретных людей, церковных лидеров или обычных священнослужителей, многие вопросы взаимоотношений Церкви и государства должны стать понятнее современному читателю.

Индекс 31462



Наш адрес:
430005 Республика Мордовия,
Саранск, ул. Л. Толстого, 3

Наша электронная почта:
guniign@list.ru